Арман Давлетяров

ЦЕНА успеха в деньгах, любви и одиночестве

История московского Чингисхана

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Удивительно честное для представителя шоу-бизнеса, да и вообще для мужчины повествование о том, как можно покорить неприступную и надменную Москву и не стать негодяем и циником.

Наивный мальчик приезжает в столицу с мечтой жить и работать именно тут. Однако вместо престижного учебного заведения – ПТУ, вместо ожидаемой счастливой и безбедной жизни – череда жестоких разочарований. А дальше – исполнение американской мечты в наших реалиях. Арман попадает в мир шоу-бизнеса и становится там одной из самых влиятельных и уважаемых персон. История Давлетярова – прекрасная пилюля для тех, кто уже разуверился в себе, чудесах и в том, что можно быть счастливым не благодаря, а вопреки.

- Арман Давлетяров
  - Нормально – значит никак

Арман Давлетяров
История московского Чингисхана
Цена успеха в деньгах, любви и одиночестве

...

Несмотря на свой достаточно молодой возраст, Арман Давлетяров стал одной из ключевых фигур в российском шоу-бизнесе. Известный продюсер, давший путевку в жизнь многим молодым исполнителям, ставшим сегодня звездами первой величины. Человек, который, трепетно относясь к своим культурным корням, большое внимание уделяет культурно-деловому сотрудничеству между Россией и Казахстаном. Многогранная личность. Большое удовольствие работать с такими людьми!

Иосиф Кобзон

Я знаю этого человека несколько лет. У нас с ним дружеские отношения, которыми я очень дорожу. Ценю его за профессионализм, креативность, за способность разграничивать рабочие и дружеские отношения, не смешивая одно с другим. Желаю ему творческого развития, здоровья и любви! ***Николай Басков***

Иногда я встречаю человека и уверен, что знаю его очень давно. Кажется, что мы знаем друг друга вечность. Он не только профессионал своего дела – он очень компанейский, с ним интересно и весело. Приятно

встречать доброжелательных и искренних людей. Уверен, что благодаря всем этим качествам Арман является одним из самых уважаемых людей в российском шоу-бизнесе. ***Arash***

Всегда приятно общаться с человеком, который своей искрой таланта, искренности и профессионализма зажигает всех нас. ***Алла Пугачева***

Арман – это один из немногих людей шоу-бизнеса, который умеет дружить! Человек с большим количеством потрясающих идей, которые он воплощает в жизнь. Жизнь этого парня полна ярких и увлекательных событий, самыми интересными из них он делится в этой книге. Медленными, но верными шагами он шел к Олимпу шоу-бизнеса и покорил его! ***Евгений Плющенко***

Арман нам больше чем друг, он часть нашей двадцатилетней московской истории, часть нашей жизни. Мы начинали нашу дорогу в одно время: плов на первых съемных квартирах, запчасти для старых иномарок, старая мебель по наследству. С улыбкой Армана даже клеить обои на старые советские газеты было в удовольствие. С ним никогда не было скучно – ни за столом, ни на работе. Прошли годы, многое поменялось, только не душевность и улыбка Армана, который с таким же удовольствием раскладывает по нашим тарелкам самолично сооруженный дымящийся ароматный плов! ***«А-студио»***

Арман профессионал с большой буквы, из года в год держит планку на высоком уровне, организовывая одни из лучших шоу в стране, а

иногда и за ее пределами. Он очень приятный и умный человек с правильными ценностями. Арман всегда может рассчитывать на мою поддержку и помощь, ведь работать и дружить с такими людьми одно удовольствие. ***Игорь Крутой***

Как приятно всегда иметь возможность сказать добрые слова и выразить благодарность человеку не по принуждению, а по желанию! Особенно в это циничное время в нашем «террариуме целующихся змей». И вдруг Арман -такой один! Я рад, что он есть – другого нам не надо! Пожелать тебе хочу только одного – везения! Это когда люди, которые тебе не подходят, к тебе не подходят. ***Филипп Киркоров***

Арман очень много работает, для того чтобы люди могли увидеть и услышать хорошую музыку. Его поддержка моей музыки и других очень ценна, и я желаю тебе дальнейших успехов, мой друг. ***Крейг Дэвид***

Я с большой любовью, трепетом и уважением отношусь к Арману. К нему тянутся люди. Он очень теплый, всесторонне развитый человек! С ним невероятно интересно общаться! Мы так давно с ним знакомы, что иногда можно подумать, что мы не друзья, а родственники. Дорожу и оберегаю нашу дружбу! ***Алла Духова***

У Армана три сына и чудесная восточная жена. Все двадцать лет нашей дружбы я наблюдала, как нежно он относится к своим родным и близким. А особенно к своей маме. Арман рано потерял отца и теперь старается дать своим сыновьям все самое лучшее. Иногда даже не

верится, что он человек из шоу-бизнеса! ***Александра Буратаева***

Есть такие люди-талисманы, которые через года, через времена всегда находятся рядом! Таких людей немного, но Арман один из многочисленных друзей, с которым говоришь на одном языке, и мнение его всегда учитывается мною. Я дорожу уже десятилетним общением с ним! ***Дима Билан***

Арман – глубоко профессиональный человек, прекрасно разбирающийся в людях. Человек, умеющий дружить. В то время как я был вынужден покинуть группу HI-FI, он протянул руку помощи. Зная, насколько трудно найти себе преломление, будучи в начале сольной карьеры, Арман поверил в меня. Интуиция и проницательность – его неизменные спутники. ***Митя Фомин***

Мне повезло повстречать в своей жизни такого человека, как Арман. Людям, мало знакомым с ним, его образ представляется холодным и дистанционным. На самом же деле он человек очень добрый, открытый, семьянин с большой буквы. Я безумно рада, что мы с Арманом находимся не только в рабочих, но и в дружеских отношениях. ***Слава***

Мы с Арманом знакомы давно, общаться и сотрудничать с ним всегда приятно. Помимо этого он очень талантливый человек! ***Вера Брежнева***

Можно бесконечно долго перечислять все достоинства Армана. Он особенный человек и прекрасный друг, профессионал с большой буквы. Несмотря на всю специфику российского шоу-бизнеса, Арман всегда смотрит в будущее,

протягивая руку помощи начинающим артистам, как правило, он не ошибается, из молодых ребят вырастают первоклассные исполнители. Я очень ценю, что Арман объективен во всем! ***Анна Семенович***

Арман – человек широкой души, обладающий тонким музыкальным вкусом. Общаясь с ним, каждый раз заряжаешься позитивной энергетикой. Он не только настоящий профессионал в своем деле, но и замечательный отец! ***Ани Лорак***

Арман Давлетяров – человек знаковый, умеющий сохранить справедливую и объективную позицию в дружбе, воспитанный в восточных традициях, с четко расставленными жизненными принципами и потому очень успешный. В шоу-бизнесе действительно сложно дружить, но есть люди, которые, несмотря на занятость и редкость встреч с друзьями, могут сохранить искреннюю любовь к ним, не путая ее с привычкой и общими темами для разговора. Я с большим уважением отношусь к Арману. Это один из немногих людей в моей жизни, которые не бросают слов на ветер и потому могут показаться неразговорчивыми. Оценить талант другого человека может только талантливый и смелый человек. Арман из таких. Ценю нашу дружбу, ценю его безоглядную любовь к своей семье и его умение чтить память наших общих друзей. ***Алексей Чумаков***

Мы уже очень много лет знаем Армана и можем с уверенностью

сказать, что он – замечательный человек, настоящий профессионал своего дела. С ним всегда приятно работать – ведь можно быть уверенным наверняка, что Арман никогда тебя не подведет. Надеемся, что наше общение, наше сотрудничество продлятся так же благотворно еще долгие-долгие годы. ***Валерия и Иосиф Пригожин***

Широкой души человек. С уверенной твердой поступью в работе и делах. Надежный партнер и преданный семьянин. А еще повар на пять с плюсом!!! ***Анита Цой***

Арман – это потрясающий человек, в котором сочетается невероятный креатив, целеустремленность и восточная мудрость, а также какая-то редкая индивидуальность в работе с артистами. Несмотря на достаточно жесткий характер, его уважают и любят не только все артисты, но и их продюсеры, а еще он добрейший души человек и прекрасный семьянин, в чем я убеждалась неоднократно! ***Яна Рудковская***

Такие люди, как Арман, на вес золота в шоу-бизнесе. Человек с четкой жизненной позицией, с твердыми принципами, при этом душевный друг, хороший советчик и просто профессионал во всем. Я рад, что жизнь познакомила меня с Арманом. Очень уважаю, ценю, люблю. Дай Бог здоровья ему и его замечательной семье! ***Сергей Лазарев***

Для меня он друг. Явление очень редкое в мире шоу-бизнеса и эстрады. Ведь здесь все строится на приторных улыбках, неискренних комплиментах и жесточайшей

конкуренции. Очень трудно сохранить себя для себя самого и окружающих. Арману это удается. Наверное, потому что есть крепкий семейный тыл: замечательная жена и трое сыновей. И есть ощущение миссии, что повзрослевшие дети должны гордиться поступками отца… Пусть успех тебе сопутствует! ***Диана Гурцкая***

Когда человек добивается высот, трудно сдерживать самообладание. Арман является тем человеком, который волей своего характера добился того, что у него есть, и при этом остается искренним и крепко стоящим на земле человеком… ***Шахзода***

В начале 2000-х, во время моего первого визита в Россию, я побывал в легендарном клубе «Метелица» в Москве. Там меня познакомили с человеком с улыбающимися глазами и белоснежными зубами, который представился: «Меня зовут Арман». Я был рад встретить человека, имя которого отличалось от всех, которые я услышал в тот вечер, и радостно сказал: «О, звучит как Армани!» Он перестал улыбаться и, глядя мне прямо в глаза, сказал: «Нет! Не Армани – Арман!» Я тут же понял, что к этому человеку стоит относиться серьезно. Наша дружба началась тем же вечером, когда мы отрывались дома у гитариста «А-студио», и я исполнил для гостей несколько своих песен. Одна из них привлекла внимание мистера Давлетярова, и он сказал: «Эта классная! Она должна стать твоим следующим синглом». Арман давал мне дельные советы, как позиционировать себя, ведь я приехал

в Россию не на каникулы, а для напряженной работы. В конце того года мы стали работать вместе. В сложных ситуациях, выхода из которых я не видел, он помогал мне как настоящий друг. Спасибо тебе, мой друг! Надеюсь, впереди нас ждет много интересного. ***Томас Невергрин***

АРМАН – красавчик. Капитальный! RESPECT ЕМУ! ***Тимати***

Арман – один из первых казахов, с которым я познакомился в Москве. Это было в начале 90-х. Любой человек, имеющий корни из твоей родной страны, всегда близок тебе. Наше знакомство со временем переросло в крепкую мужскую дружбу. Арман всегда может поддержать советом, его отличительная черта – он вне эмоций в любой ситуации. Именно поэтому по жизни он принимает только правильные решения. Он очень тонкий психолог, его окружают уважающие его люди. Несмотря на все сложности, мы простили друг другу старые обиды, наши взаимоотношения перешли на совершенно другой уровень. Всех своих успехов и в России, и в Казахстане он достиг благодаря опыту, трудолюбию и честности по отношению к другим людям и самому себе. Я по-настоящему счастлив, что, несмотря на течение времени, у меня есть такой прекрасный друг, как Арман. ***Батырхан Шукенов***

Человек с добрым сердцем и открытой душой, невероятно позитивный и понимающий. Мы познакомились благодаря работе, поначалу Арман был для меня просто первоклассным профессионалом,

затем наши рабочие отношения переросли в крепкую дружбу. Арман каким-то волшебным образом находит к людям исключительный подход, это большой дар, данный не каждому. Я очень дорожу нашей дружбой! Арман удивительный человек! Я его очень люблю!!! ***Лера Кудрявцева***

Моим друзьям посвящается…

Нормально – значит никак

Баня, скажу я вам, является безусловным и абсолютным символом мужского сообщества. Я до сих пор удивляюсь, насколько режиссер известного новогоднего фильма попал в точку, выбрав в качестве сценария именно банный сюжет. Эдакий своеобразный пароль:

– Иди ты в баню!

– А пошли!

– Да без проблем!

В шоу-бизе тоже существуют такие традиции, как совместные походы в баню целой компанией. Например, в Юрмале на конкурсе «Новая волна» можно в такой неформальной обстановке пообщаться с теми, кто тебе интересен и кто в другое время попросту недоступен из-за бесконечных гастролей и плотного графика работы.

Контраст еще тот, я вам скажу, – увидеть кого-то из звезд в банном полотенце и с веником в руках, а не в стильном костюме при галстуке или в одежде модных фасонов. Буквально час назад ему рукоплескал огромный зал, а сейчас он лежит на соседней полке, парится, совершенно не звездный, а очень веселый и, я бы даже сказал, живой обычный человек. Анекдоты травит. А в следующий момент он вдруг переключается на какие-то очень серьезные вещи, вплоть до места человека в жизни и обществе. И это тоже контраст.

А еще, если вы заметили, в шоу-бизнесе большинство звезд – провинциалы.

Можно сколько угодно зубоскалить на эту тему, но факт остается фактом – у приезжих куда больше стимулов пробиваться наверх и завоевывать место под солнцем. Вот они и нежатся под ярким юрмальским солнцем весь август, получив в свое распоряжение то, чего так долго и упорно добивались.

Я думаю, что у многих звезд основным побуждающим фактором для самореализации стало понимание, что рядом нет ни мамы, ни папы, ни друзей-подруг, а за все нужно платить, а еще нужно что-то кушать и где-то жить. Да. Думаю, кое-кого из знаменитостей в люди вывело банальное и страстное желание не остаться в зимнюю холодную ночь на улице с чемоданчиком в руках.

К тому же приезжие – это, безусловно, авантюристы. Ведь чтобы решиться уехать в большой город, например Москву или Нью-Йорк, нужно иметь в запасе достаточную долю адреналина и большую жажду перемен. Причем уехать, чтобы не просто

побродить туда-сюда, рассматривая достопримечательности, но еще и обустроиться и сделать карьеру.

Поэтому приезжие, однозначно, еще и «ненормальные» люди.

Ведь что такое норма? «Норма» – это та срединная линия на осциллографе, подключенном к датчику сердечной активности человека. Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз – бегает упрямая зеленоватая молния, и в трагический момент она вдруг выпрямляется и останавливается ровно посредине. А испуганный от внезапной тишины прибор издает пронзительный писк: «и-и-и-и-и». Будто ему некомфортно от этой усредненности и нормальности – он подает сигнал тревоги и просит о помощи.

Мне не нравится слово «нормально». Когда на вопрос: «Как дела?» – человек отвечает: «Нормально», я понимаю, что у него в жизни ничего не происходит. Ни хорошего, ни плохого. Срединная линия осциллографа.

Если пойти в рассуждениях чуть дальше, то мы увидим, что в нашей жизни никогда не бывает середины – за печалью следует радость, а за радостью – печаль. Это вечный маятник, который останавливается только тогда, когда жизнь заканчивается. Если вы, читая эту книгу, находитесь в состоянии глубокой печали или, напротив, неистовой радости, знайте, что пройдет еще совсем немного времени, и все начнет меняться в противоположную сторону.

Чувства – вот та движущая сила, которая управляет всяким, кто желает кардинальным образом изменить свою жизнь. Не имея других возможностей прощупать ситуацию, кроме как прислушаться к себе, развиваешь удивительную интуицию и задаешь себе единственный вопрос: «Как тебе это? Что ты сейчас чувствуешь?» И маленький сердечный индикатор деликатно подсказывает: «Да. Да. Нет. Нет». Я и сейчас абсолютно уверен – если мне нравится какое-то дело, значит, оно стоящее…

* * *

В Москву я приехал из небольшого села Тамар-Уткуль, что под Оренбургом, на границе с Казахстаном. Детей в нашей семье было трое, я – младший и самый непоседливый. Родители, хоть люди и простые, но образование и воспитание всем детям дали достойное – старшая сестра окончила педагогический институт, брат – Саратовский юридический университет. Мне тоже нравилась профессия юриста, и с самых ранних лет я ориентировался на брата, как бы примеряя на себя юриспруденцию и готовясь достойно взять семейную эстафету.

Каждый в детстве грезит о чем-то прекрасном, а вот я всегда знал, что когда-нибудь обязательно буду жить в Москве. Мне даже снилось это – балансирую на острие кремлевской звезды, затем отталкиваюсь и лечу куда-то в небеса.

Так и вышло…

В один прекрасный момент я окончательно замучил брата просьбами поехать вместе со мной в Москву, да еще своими фантазиями про учебу:

– Ну что ж, поехали, посмотрим, – ответил Исмагул, мы купили билет на поезд и отправились в столицу нашей Родины.

Москва златоглавая покорила меня шумом, суетой и великолепием строений. После маленького села город казался мне огромным, инопланетным, а я сам себе – смелым путешественником, ринувшимся в поисках счастья за тридевять земель. Побывав на Красной площади и увидев ту самую кремлевскую звезду, которая мне столько раз снилась, я решил для себя – остаюсь во что бы то ни стало. И изложил свое желание Исмагулу, который был, надо сказать, ошарашен моим напором.

– Хорошенько подумай, – попытался образумить меня брат. – Ты только восемь классов окончил, как ты будешь жить здесь один? Как на жизнь зарабатывать, где жить?

– Я хочу остаться, – упрямо твердил я и при этом точно знал, что какой-то выход обязательно должен быть.

Для меня было не важно, что я окончил только восемь классов – можно поступить в юридический техникум, например. Или хотя бы попробовать.

Я предложил – и мы с братом принялись объезжать все московские учебные заведения, но, к сожалению, нам везде ответили категоричным «нет» по причине отсутствия московской прописки. Не требовали прописку только в профтехучилищах, куда я наотрез отказывался поступать – и даже помыслить себе не мог, что пойду учиться в ПТУ. Это было выше моих сил, даже учитывая тот факт, что меня бы зачислили без экзаменов.

Помню, как после посещения юридического техникума я приехал к Исмагулу в гостиницу с круглыми глазами и в полном шоке:

– Ты представляешь, мои документы в юридическом техникуме даже видеть не желают! Говорят, иди в ПТУ поступай. Как быть?

– Ну, если не хочешь в ПТУ, тогда остается только один выход – вернуться домой, – спокойно резюмировал брат.

Несколько дней я отчаянно боролся с собой, пытаясь смириться с мыслью, что иного варианта, кроме как ПТУ, для меня просто не существует. Для круглого отличника, с детства

усвоившего мысль о том, что ПТУ предназначено исключительно для тех, кто не хочет или по каким-то причинам не может учиться в старших классах школы, это была невыносимая ситуация.

Но вскоре выбор был сделан в пользу Москвы. Конечно, я очень сильно переживал по поводу своего мнимого «падения», но понимал, что другого выхода остаться в Москве для меня не существует.

Таким образом я и поступил в училище, выбрав профессию столяра-плотника, которую счел наиболее удачной и подходящей для себя. В то время из рабочих специальностей, к слову говоря, наиболее перспективными считались профессия ювелира и краснодеревщика. К ювелирному искусству тяги я не испытывал, а вот работать по дереву всегда любил.

Добро пожаловать в армию, сынок

…Первые несколько месяцев учебы в ПТУ дались мне невероятно тяжело.

На уроках я откровенно скучал, рассматривал потолок и трещины в стенах, что-то рисовал и предавался размышлениям. Домашних заданий я тоже не выполнял, поскольку знал всю программу и мог спокойно с ходу ответить на любой вопрос, который задавал преподаватель.

Размышления мои вертелись в основном вокруг моей студенческой жизни – глядя на все, что происходит вокруг меня, на своих сокурсников, на богом забытую окраину Медведково, где меня поселили в общежитии, я клял себя за свой авантюризм и желание окопаться в столице.

«Зачем тебе это надо? Ты даже не представляешь, куда ты влип», – я рассуждал примерно так и в первые месяцы учебы несколько раз всерьез задумывался о том, чтобы бросить все и вернуться в Оренбург.

Но знаете ли, случайно или нет, но иногда какие-то вещи в нашей жизни не изменяются исключительно по недоразумению или просто потому, что нам лень что-либо менять. Так и я. Вы не поверите… но поначалу я даже не мог сообразить, с какого вокзала отправляются поезда на Оренбург.

Да-да, не смейтесь! Жителю мегаполиса кажется, что все предельно просто – позвонил в справочную и спросил. А я, представьте себе, даже мысли в голове не держал, что в Москве может быть несколько железнодорожных вокзалов. Когда узнал – испытал огромное потрясение и даже какой-то благоговейный страх перед этим огромным непонятным городом, куда все приезжают и никто обратно не возвращается. Эдакий «город Зеро».

Итак, когда я выяснил, наконец, что в Оренбург ездят с Казанского вокзала, прошел почти месяц, а за это время я немного успокоился, пообвыкся и окончательно решил остаться. Зато брат о моих метаниях ничего не знал, поэтому уважал безмерно за стойкость и целеустремленность. Если бы он тогда узнал, какой курьез удержал меня от отъезда, смеялся бы до слез, я уверен.

И таких забавных происшествий в нашей с братом жизни было предостаточно. Пока мы оба привыкали к обстановке, то совершили массу ненужных телодвижений и перемещений. Брат жил в районе Улицы 1905 года – нашел в этом районе временную работу, а я в это время проживал в общежитии в Медведково. И

первый месяц ездил к брату через пол-Москвы, чтобы пообедать, потому что не знал, что рядом с общежитием есть столовая, где можно и пообедать, и даже позавтракать… Так-то вот!

Так я проучился несколько месяцев, решив для себя, что ничего страшного не происходит, все идет своим чередом, но главное – я в Москве. Все свободное от учебы время я тратил на прогулки по городу, обшаривая и запоминая каждый закоулок и каждую улочку.

Поскольку денег у меня не было совсем, я побывал везде, где можно было пройти бесплатно – Красная площадь, ВДНХ, музеи. На Красную площадь я приезжал почти каждую неделю – выходил из метро и, открыв рот, рассматривал Кремль и собор Василия Блаженного. Чуть позже, когда завелась какая-то копеечка, посетил Третьяковскую галерею и другие музеи, где можно было получить скидку по студенческому билету.

У меня была определенная цель – стать юристом, о которой я постоянно помнил и уже точно знал, что профессия столяра-плотника, увы или ура, не для меня. Я понимал, что не для того проделал столь огромный путь, чтобы скромно сидеть где-то в заводском цеху и вытачивать красивые рамочки для портретов или ножки стульев. Я видел, что в Москве есть масса возможностей для самореализации, к тому же мне было бы невероятно стыдно вернуться в Оренбург без диплома юриста, к которому я так стремился.

Спустя еще немного времени я научился получать удовольствие от учебы и общения с однокурсниками, со многими из них мы прекрасно поладили. Коллектив подобрался отличный – вместе гуляли, отмечали праздники, ходили в кружки и студии.

При ПТУ существовал театральный кружок, который я с удовольствием посещал и участвовал в студенческих спектаклях, где мне неизменно доставалась роль «принцев» – парень я симпатичный, внешности для Москвы необычной, чем, действительно, не принц?

Еще одним студенческим увлечением стал бокс. Меня привлекла возможность научиться себя защищать, плюс ко всему у меня обнаружились спортивные способности. Я тренировался для души, участвовал в соревнованиях – до сих пор у меня дома хранятся грамоты за победу на соревнованиях в малой весовой категории.

Поскольку учился я хорошо без особого труда, то очень скоро завоевал симпатии преподавательского состава. За отличную учебу меня отправили на стажировку в Чехословакию, где я пробыл несколько недель и получил массу незабываемых впечатлений.

Окончил ПТУ, естественно, с красным дипломом.

Но здесь меня поджидала еще одна загвоздка. Дело в том, что после ремесленного профтехучилища меня могли принять только в профильный вуз. А не в юридический, как я планировал. Из профильных в то время наиболее авторитетным был МИСИ, причем с моим красным дипломом меня готовы были зачислить без экзаменов.

И снова мою голову стали посещать разные философские размышления о том, что все это совсем не для меня, и я не знаю, что мне делать. Я поделился с Исмагулом своими опасениями и принялся сетовать на то, что время идет, а юридический вуз мне пока даже не светит. На этот раз Исмагул отреагировал куда более жестко:

– Есть два варианта: либо ты едешь домой и крутишь коровам хвосты, либо ты можешь чего-то добиться в жизни. Выбирай.

Мне эта фраза врезалась в память на всю жизнь – тогда я еще не очень четко представлял себе, что значит «крутить коровам хвосты», но то, что это не очень приятная перспектива, было для меня очевидно. Спустя годы я был глубоко благодарен Исмагулу за то, что он надавил на меня и правильно объяснил ситуацию, хотя чувствовал я себя от подобных холодных наставлений не очень-то комфортно.

Жизнь воспитывала меня, учила терпению. А обстоятельства складывались так, что попасть «по месту назначения» можно было только обходными путями. Мы с Исмагулом выяснили, что, отучившись три курса в институте, можно попробовать перевестись на юридический факультет МГУ. Часть экзаменов мне зачитывалась автоматически, часть нужно было заново сдавать, но все это было вполне решаемо.

Я рассудил, что МИСИ – тоже хороший выбор, строители всегда в цене, и следует без капризов принять то, что предлагает судьба, поскольку она и без того была ко мне щедра. Немного поразмыслив, я остановился на факультете промышленного и гражданского строительства, который показался мне наиболее близким по духу.

Итак, я переселился в общежитие на Ярославском шоссе, получив статус иногороднего студента и все прелести студенческой жизни в довесок.

Не могу сказать, что жизнь студенческого общежития кардинально отличалась от жизни в общежитии ПТУ. Разве что ребята были взрослее, а заботы все те же – как сдать сессию, где найти денег, с кем дружить, а кого остерегаться.

По вечерам мы подрабатывали. Занимались кто чем: кто разгружал вагоны, кто газетами торговал. Я перепробовал многое,

денег это особых не приносило, но позволяло кое-как сводить концы с концами. Кроме того, брат и сестра попеременно присылали мне рублей по 30 – 40 в месяц, что было существенным дополнением к моему скромному бюджету, состоящему из небольшой стипендии и приработка.

В том же студенческом общежитии на Ярославском шоссе я совершенно случайно встретил своего дальнего родственника!

Как-то раз, сидя в шумной праздничной компании, один из общежитских ребят спросил:

– Арман, слушай, а у нас на потоке учится парень твоей национальности, давай мы тебя с ним познакомим? Хочешь?

Я, разумеется, согласился. И каково же было мое удивление, когда после того, как я представился, парень – его звали Эдик – вытаращил на меня глаза и спросил:

– Слушай, Арман. А ты, часом, не из Оренбурга?

– Да, – отвечаю…

– Вот это сюрприз! А я знаю вашу семью, мы недалеко живем…

Часа два после этого мы провели, сопоставляя семейные истории, и, наконец, выяснилось, что мы дальние родственники, но при этом встретились не в Оренбурге, а в столице. Воистину, все дороги ведут в Москву.

* * *

Отучившись в МИСИ примерно год, я окончательно осознал, что не быть мне строителем, мне стало невероятно скучно, а до вожделенного третьего курса ждать было слишком уж долго. И тогда я «придумал» выход. Решил в армию пойти.

Предыстория этого решения такова. В нашей семье, да и вообще среди нашего поколения молодых людей, пойти служить в армию считалось делом чести. Раньше, если помните, служба в армии была не просто почетной обязанностью, но и имела некий престиж в стиле: «Отслужил в армии – можешь считаться мужчиной».

Для меня это был некий вызов. Мне хотелось обязательно «попробовать на вкус» армию – смогу или не смогу? Мужчина я или не мужчина? Да в конечном итоге, что такое два года в бесконечной череде жизненных лет? Просто отрезок времени.

С этими мыслями я направился на ближайший призывной пункт.

– У вас отсрочка от армии, – вежливо объявили мне. – Вам не обязательно сейчас служить.

– Но я хочу! – искренне удивился я. – Пришел сам, добровольно, решил отдать свой долг Отечеству…

– Молодой человек! – в призывном пункте насторожились. – Вам же русским языком сказали, что у вас отсрочка! Или, если хотите, принесите справку от врача, что вы полностью здоровы. И физически, и психически, так сказать…

Бывалые служащие заподозрили неладное – уж больно из ряда вон выходящий случай.

Но раз что-то твердо решил, я это сделаю. Обежав поликлиники и добыв нужные документы, вернулся на призывной пункт снова.

– Вот, пожалуйста! – показал бланки с печатями. – Все у меня в порядке, здоров и годен к строевой!

В призывном пункте объявили, что это первый и единственный за все время случай, когда призывник без всяких повесток является и выражает желание служить. Поэтому меня очень быстро оформили и буквально на следующий же день отправили по месту службы – в Венгрию, в войска правительственной связи.

Вот тут-то я и понял, что армия и мои представления о ней – это, мягко говоря, две разные вещи.

Дело даже не в том, что сложно было привыкнуть к строгому распорядку дня, когда подъем и отбой всегда в одно и то же время, а каждый твой шаг расписан по минутам. Прежде всего пришлось привыкать к четкой военной иерархии, когда все твои отношения с сослуживцами регламентируются. И еще много чего вызывало в моей свободолюбивой душе бурю эмоций и чувств.

Кроме того, обнаружилось, что ПТУ я закончил не зря, поскольку это была отличная школа по борьбе с дедовщиной и улаживанием различных стычек с коллегами и сокурсниками. Я смог адаптироваться, потому что знал, как себя вести, мог постоять за себя, и, можно сказать, что меня особо не донимали.

Но самым поразительным открытием для меня стал тот факт, что в армии у солдат тоже бывает личное время. Его я с пользой употребил на… походы по местным библиотекам. Мысли в голове крутились в основном вокруг отдаленной цели – диплома юриста. Об этом я не забывал ни на минуту, даже ходя строем по плацу с речевками на устах.

Через год службы в армии я разведал, что, оказывается, у военнослужащих есть возможность поступить в военно-юридический вуз, и эта идея меня вдохновила. Отправив в Москву документы, я получил в ответ предварительные тестовые задания, и по их результатам меня пригласили в Москву на сдачу экзаменов.

Будучи целеустремленным молодым человеком, я был в то же время очень наивным. Даже представить себе не мог, что учеба в военно-юридической академии доступна лишь избранным, а попасть туда можно было либо по протекции, либо проявив невероятную эрудицию во всех областях знаний. Все экзамены я успешно сдал, кроме немецкого, где обнаружились пробелы в знаниях.

Рассказав на экзамене по немецкому о моей тогда еще любимой группе «Модерн Токинг», я уверенно ожидал «пятерки». Как вдруг преподаватель, деловито листая брошюрку с экзаменационными билетами, задал дополнительный вопрос:

– Молодой человек. Расскажите, пожалуйста, о немецком ученом Максе Планке…

И я «повис». Все, что я о нем знал, – это то, что он физик и что есть физическая величина, «постоянная Планка», о чем я честно и сообщил преподавателю:

– Извините, но я даже по-русски ничего о нем не припомню, а уж по-немецки и подавно не расскажу…

В итоге экзамен по немецкому был завален, и мечты о юридическом вузе снова отодвинулись на неопределенный срок.

Вернулся я обратно в гарнизон, как говорится, несолоно хлебавши. Через месяц после возвращения меня перевели в Баку, одну из «горячих точек» Кавказа, где я попал в самый разгар конфликта между Арменией и Азербайджаном.

Признаться, все происходящее там произвело на меня колоссальное впечатление – для вчерашнего подростка, чья жизнь только начинается и у которого в голове одна сплошная романтика, подразумевающая искренний патриотизм, все увиденное стало серьезным потрясением. Можно сказать, что я познал войну во всей ее обыденной уродливой наготе, где увечья и убийства становятся частью жизни, и люди живут рядом с этим, пытаясь сохранять в душе хотя бы каплю человечности.

Я наблюдал ежедневное бытие на осадном положении. Видел беженцев, которые вынуждены были покорно покидать обжитые места, оставляя дома, землю и нажитое имущество. Видел слезы тех, кто потерял родных и близких, их постоянный страх, что в любую минуту может произойти что-то непоправимое. И много чего еще.

Единственное, что скрашивало мои невеселые мысли, был тот факт, что служить меня поставили на кухню директором столовой.

Кухня, мои дорогие, – это предел мечтаний любого военнослужащего. Отсутствие цейтнотов и строевых, относительная безопасность жизнедеятельности. Плюс всегда

можно что-нибудь поесть или попить, а сослуживцы и начальство относятся с уважением, так как вкусная еда в армии – это едва ли не единственное из удовольствий, какое только можно себе позволить.

В «дембель» меня отправляли всем взводом и со слезами на глазах. Надавали на дорогу провианта, надарили подарков, наговорили пожеланий. А я в это время думал – вот приеду я в Москву. И что я там буду делать? Перспектива оказаться предоставленным самому себе меня несколько пугала, а до заветного юридического вуза было еще далеко…

Шоу-биз с заднего двора

…Не так давно на премии МУЗ-ТВ, за кулисами, в «Олимпийском», ведя чинные беседы с Аллой Борисовной и Артуром Гаспаряном.

– А Вы знаете, Алла Борисовна, – обронил я, – что в шоу-бизнесе я оказался исключительно благодаря вашим «Рождественским встречам»?

– Не шутишь? – удивленно вскинула брови примадонна. – А давай-ка, расскажи…

Вернулся из армии я летом и до возобновления учебы в МИСИ был предоставлен сам себе – просыпался когда хотел, слонялся по городу, не зная, куда себя деть. В Москве в то время было чуть ли не осадное положение – голодуха, тотальный дефицит, продукты по карточкам, пустые магазины, ни сигарет, ни хлеба.

Спустя неделю после возвращения в Москву, приехал в общежитие к своему родственнику Эдуарду, привез ему несколько ящиков тушенки, рис, гречку, сигареты, которыми меня снабдили в гарнизоне. И вдруг я заявил:

– Слушай, Эдик. У меня такое чувство, что я никак не могу прижиться в этой Москве. Вроде бы так хотел здесь жить, а чувствую себя абсолютно чужим. Хочу обратно уехать в воинскую часть…

Эдик чуть не поперхнулся, услышав мои речи:

– Да ты с ума, что ли, сошел? Сначала не мог дождаться «дембеля», теперь опять хочешь служить. Даже в голову не бери! Пройдет время, привыкнешь. А сейчас попробуй занять себя чем-нибудь полезным…

В армии все ясно и понятно – знаешь, чем заниматься утром, чем в обед, вечером, и так далее до бесконечности. А теперь я впервые столкнулся со сложным психологическим моментом – состоянием неопределенности. С одной стороны, нужно было учиться дальше, зарабатывать деньги, строить свою жизнь. Но четкой инструкции на этот счет мне дать никто не мог.

Когда, наконец, начались занятия в институте, я был чрезвычайно рад и счастлив – утром учеба, а вечером приработок.

Под Новый год я узнал, что в «Олимпийском» пройдет серия концертов под названием «Рождественские встречи» – проект Аллы Пугачевой, где она собрала лучших российских звезд: певцов, музыкантов, танцоров, артистов разговорного жанра.

Даже если предположить, что билеты не были бы раскуплены в первый же день (а их буквально смели), для меня попасть на

концерт было чем-то из области фантастики. Достать приглашение на это представление было невозможно.

Тем не менее мы с друзьями направились к «Олимпийскому» «поглазеть на звезд», а также в тайной надежде все-таки найти какой-то лишний билетик, ведь чудеса под Новый год – незапланированная закономерность, и мы на нее искренне надеялись.

Перед «Олимпийским» собралась такая огромная толпа, что найти в этой суматохе что-либо и кого-либо было нереально – самим бы не потеряться.

– Пойдем поближе, сейчас начнут звезды подъезжать, можно будет всех увидеть! Посмотрим вблизи, зря, что ли, приехали? – дернул меня за рукав Эдик и потащил вокруг «Олимпийского» на другую сторону, куда подъезжали машины со знаменитостями и где уже ревела восторженная толпа, ожидающая увидеть своих кумиров.

Мы протиснулись поближе к служебному входу и наткнулись на оцепление. Дальше дороги не было. То и дело подъезжали машины, откуда выходили артисты, которых я видел исключительно по телевизору. Мы с друзьями кричали и хлопали, приветствуя звезд и испытывая настолько неземной и трепетный восторг, что в этот момент забыли даже о «Рождественских встречах», ради которых приехали и куда так страстно желали попасть.

И вдруг…

– Ой, смотри-смотри, ребята на тебя похожи, это не твои земляки часом? – кто-то из друзей показал рукой на четверых симпатичных парней, которые выгрузились из микроавтобуса и бодрой походкой направлялись в сторону служебного входа.

Я понятия не имел, кто это такие. Но, судя по тому, как их приветствовала толпа, это были важные персоны, и мне тут же захотелось что-нибудь предпринять, чтобы подобраться к ним поближе.

Решение созрело моментально. Я скинул куртку – а все четверо музыкантов шествовали без верхней одежды, кто в пиджаке, кто в свитере, – наскоро сунул куртку в руки стоящей рядом со мной подруги, протиснулся через оцепление и пристроился к этой четверке пятым.

На служебном входе меня остановил внушительного роста охранник:

– А ты куда? – грозно поднял он руку, коснувшись моего плеча.

– Я с ними… – уверенным голосом объявил я и улыбнулся так широко и доброжелательно, как только мог.

Охраннику понадобилось мгновение. Оценив, что я одет и выгляжу так же, как и те ребята, что зашли внутрь, он одобрительно кивнул и пропустил меня, а я бодро побежал вперед в надежде догнать своих «попутчиков». Но их, к сожалению, уже и след простыл – видимо, прошествовали в гримерку. У следующего поста охраны я проделал ту же операцию:

– Здравствуйте, добрый вечер! – обратился я к охраннику, курсирующему между этажами и видевшему только что пробежавшую мимо него четверку парней. – Из нашей группы еще несколько человек подъехало, танцоры. Можно я их тоже проведу?

– Да, конечно, никаких проблем, – вежливо отреагировал охранник, а я выскочил на улицу и выловил в толпе своих друзей.

Наверное, это был лучший день в моей жизни, подумалось мне. Мы с друзьями прошли за кулисы, где можно было увидеть вблизи и «во всей красе» всех наших «звезд». Пугачева, Киркоров, Пресняков, Орбакайте – они ходили туда-сюда, обменивались репликами, смеялись, шутили, а я представлял себя в какой-то степени приобщенным к этому музыкальному Олимпу и счастлив был безмерно. Выскользнув в зрительный зал, мы с ребятами заняли место около трибуны и шумно приветствовали каждого выступающего независимо от того, знаем мы его или нет.

Наконец на сцену вышли те самые «четыре парня», с которыми я прошел на концерт.

– А теперь выступают наши друзья из Казахстана, группа «А-Студио»! – громко объявила Алла Борисовна и взмахнула рукой, приглашая на сцену только что объявленных артистов.

Так вот кто они!..

Батырхан Шукенов – а это был именно он – запел «Джулию», а у меня от восхищения в этот момент аж дыхание перехватило. Боже, это же мои земляки, а я их практически знаю, только что рядом с ними шел, буквально за них держался! Радости моей не было предела! Какая удача! Я принялся танцевать перед сценой, махать руками, подпевать в такт, словом, так старательно выражал свои эмоции, как только мог себе позволить.

Все десять дней, пока шли «Рождественские встречи», я попадал за кулисы именно таким вот образом – дожидался, когда подъедет «А-Студио», пристраивался пятым и проводил всех своих друзей на концерт. Это была азартная и увлекательная игра. Мы готовы были смотреть его хоть десять раз подряд.

На десятый день мои друзья, наконец, принялись взывать к моей совести:

– Слушай, ты бы познакомился с ними, все-таки ходим все

десять дней на халяву. Как-то невежливо… – Эдик был совершенно и резонно прав.

– Да ты что, мне неудобно. А вдруг пошлют? – Я не представлял себе, каким образом мне подступиться и познакомиться с этими звездами и что бы такое им сказать.

В итоге я придумал способ. Купил пластинку «А-Студио», которую можно было приобрести здесь же, в холле, прошел за кулисы – охрана меня уже знала и пропускала, – увидел Баглана Садвакасова, Володю Миклошича, Байгали Серкебаева, которые только что вышли со сцены, исполнив свой номер, и направился прямиком к ним.

– Привет, меня зовут Арман Давлетяров… – начал я. – Я видел ваше выступление, и мне так сильно понравилось, что хотел бы взять у вас автограф. Это можно?

– Да можно, конечно, – ответил Байгали, и ребята один за другим расписались у меня на пластинке.

Наконец появился Батырхан Шукенов – весь в цветах, окруженный стайкой молоденьких поклонниц, желающих получить автограф или хотя бы просто дотронуться до своего кумира… В их глазах горело восхищение пополам с немым обожанием. Я было дернулся с пластинкой в его сторону, но меня остановили остальные «студийцы».

– Ему немного не до тебя, – усмехнулся Байгали. – Но можешь попробовать дойти с нами до автобуса, может, что и получится.

Пока мы шли, я с досадой видел, что мне совершенно не протиснуться сквозь армию фанаток группы «А-Студио», и мучительно выдумывал какой-то выход, чтобы заполучить вожделенный автограф. Без Батырхана коллекция автографов была бы неполной, а я не привык отступать от задуманного.

Наконец я решился. Улучив момент, когда ребята из «А-Студио» уже подошли к автобусу и собирались садиться, я выдвинулся вперед и обратился к Батырхану:

– Привет! Меня зовут Арман, можно получить ваш автограф?

Батырхан устало откинул со лба прядь волос и показал рукой на автобус:

– Можно-то можно, но не сейчас.

– Дайте автограф сейчас, пожалуйста! – взмолился я. – Вы знаете, я собираюсь жениться, хочу сделать предложение своей девушке, а она поставила условие. Мол, если не возьмешь автограф у Батырхана Шукенова, не выйду за тебя замуж!

Батырхан Шукенов на секунду аж дар речи потерял, растерянно поглядел на меня, пытаясь понять, правду я говорю или это шутка. Наконец, увидев мои горящие глаза, засмеялся:

– Хорошо, есть чем писать-то у тебя? – и взял пластинку из моих рук.

– Да, вот, пожалуйста! – Я протянул ему ручку.

«Арману от группы «А-Студио». Батырхан Шукенов. 1992 год».

– Вот возьми! – Он хлопнул меня по плечу. – Желаю семейного счастья!

– Ну, ты даешь! – закричал Эдик, как только я вернулся к компании и показал свой трофей. – Вообще герой…

– Вот увидишь, мы с ними еще встретимся, – сказал я. – И не один раз…

– Мечтай, мечтай, – недоверчиво одернул меня кто-то из друзей, но это было уже не важно.

Так состоялось мое первое знакомство с шоу-бизнесом, сопряженное с неописуемым восторгом и ожиданием чего-то волшебного. И потом я еще долго вспоминал эти «Рождественские встречи», засыпая ночью и прокручивая в голове все детали нашей беседы с музыкантами «А-Студио».

С тех пор я не раз видел «А-Студио» по телевизору и радовался, что знаю их лично и даже имею в домашней коллекции их автографы. Эта история стала потихоньку забываться, меня закрутила будничная кутерьма. Жизнь продолжалась.

«Пойди туда, не знаю куда»

Я считаю, что мечты, пусть даже самые малые, нужно обязательно исполнять. Это важно и для душевного равновесия, и для собственного развития. Мечты возникают не просто так – в каждом высказанном и загаданном желании есть частичка нашей души, которая точно знает, что нам нужно, а что нет. Она живет по своим законам и очень страдает, если в нашей жизни что-то не клеится.

Пускай мы мечтаем порой о мелочах и внутренне стыдимся того, что нам интересна какая-то «ерунда» – однако из таких, на первый взгляд, безделиц и состоит наша жизнь во всей ее многоцветной полноте и многогранных переливах. Кто-то мечтает о большем. Я, например, мечтал стать юристом и в конечном итоге добился своего.

Спустя два года после возвращения из армии я перевелся из МИСИ на вечернее отделение юридического факультета МГУ с потерей курса. Человек я был уже взрослый, мне предстояло работать и получать образование.

Параллельно с учебой меня пригласили преподавать в то самое ПТУ, которое я окончил с отличием, и преподавание доставляло мне радость. Я очень старался, даже купил себе костюм с галстуком и приходил всегда только в нем – марку держал. По вечерам учился в институте, осваивая азы общегражданского права, днем преподавал, и скучать мне было решительно некогда.

Как говорится, все бы хорошо, но зарплата преподавателя – сами знаете какая. Через некоторое время Эдуард «переманил» меня в сеть супермаркетов, продающих аудио– и бытовую технику. Мне предстояло стать менеджером по продажам, деньги за эту работу полагались неплохие, и я с радостью согласился.

Жизнь закипела. С утра до вечера я сидел на телефоне, обзванивая компании и предлагая им все подряд – от сувенирной продукции до бытовой техники. Работа мне очень нравилась, в какой-то момент я даже поймал себя на мысли, что чувствую настоящий азарт – чем лучше получается, тем все больше и лучше хочется работать.

Пошли первые приличные доходы, я снял квартиру и смог посылать домой родителям кое-какие деньги. Еще через некоторое время стал одним из лучших менеджеров по продажам, завоевав доверие и уважение шефа, который, к слову, тоже был казахом.

В один прекрасный день вызывает он меня к себе и говорит:

– Слушай, Арман, у нас есть один хороший клиент, можно сказать, лучший партнер по бизнесу. Ему нужна реклама на фестивале «Голос Азии»…

Фестиваль «Голос Азии» в то время был одним из самых престижных казахских музыкальных мероприятий, транслировался по центральному телевидению, освещался в прессе. В фестивале «Голос Азии» принимали участие представители почти всех бывших союзных республик, приезжали исполнители и из Москвы, а сам фестиваль проходил в горах на Медео, где открывался удивительный горный пейзаж, любоваться на который можно было часами.

– А что я должен сделать для того, чтобы организовать рекламу для ваших партнеров? – поинтересовался я у шефа.

– Поедешь в Алма-Ату в командировку, осмотришься там, узнаешь все, что необходимо, потом мне доложишь…

* * *

Сойдя с трапа самолета, я вдруг ясно осознал, в каком выгодном положении нахожусь, живя и работая в Москве, будучи казахом.

В чем состояло это преимущество?

В том, что среди русских и людей других национальностей я очень четко выделялся своей внешностью – и окружающие запоминали меня буквально в лицо. Разумеется, в Москве есть и похожие на меня. Но вы можете припомнить хоть кого-нибудь из казахов среди ваших коллег или знакомых? То-то же. Поэтому я буквально «бросался в глаза» – и это было очень приятно.

В Алма-Ате я попал в какую-то сказку, совершенно другой мир – никогда еще в своей жизни я не видел столько казахов разом: по улицам шли интересные, симпатичные люди, мужчины и женщины, парни и девушки, и все они были чем-то похожи на меня. Каждая девушка казалась сестрой, каждый юноша – почти братом. Я потратил несколько часов, чтобы просто побродить по Алма-Ате и привыкнуть к самому городу, к людям, которые его населяют. Я заходил в ресторан, подходил к какой-нибудь молодой парочке и деликатно интересовался:

– Ребята, а вы казахи?

– Да…

– А как вас зовут?

– Айгуль… А вас как зовут, вы тоже казах?

– Да. Меня зовут Арман…

Мы обменивались впечатлениями, в ходе которых я сообщал,

что в Алма-Ате впервые, и меня этот город так потряс, я буквально в него влюбился и даже не подозревал, что есть на земле такой клочок земли, где живет столько казахов, сколько я и представить себе не мог. Конечно, Москва, где я в то время проживал, – это тоже отдельная восхитительная территория, не поддающаяся сравнению, но там я встречал не так уж много своих соотечественников. А вот в Алма-Ате…

Молодые люди снисходительно усмехались, рассказывали о том, где и что можно найти в их славном городе, мы обменивались между собой какими-то координатами, и я, довольный и гордый за себя, продолжал свой путь.

Но внезапно я понял, что «затерялся в толпе» – практически ничем не выделялся среди идущих мимо меня людей. Радовался и расстраивался одновременно – за годы жизни в Москве так привык к пристальному вниманию к своей персоне, что было жаль расставаться с ощущением своей исключительности.

…Фестиваль «Голос Азии» традиционно проводился на высокогорном стадионе «Медео», куда я доехал, немного осмотревшись и нагулявшись по городу. Довольно быстро нашел организаторов конкурса и попытался выяснить, что же нужно сделать, чтобы тот самый банк – наш партнер и клиент – мог получить рекламу на фестивале, и в какой форме это возможно.

– Нет проблем, – ответили организаторы. – Мы можем предложить вашему банку стать спонсором фестиваля, а для этого банку нужно оплатить проезд и выступление на нашем мероприятии кого-то из московских звезд.

– А о ком именно идет речь? – поинтересовался я.

– Группа «Арамис», – высказали пожелания организаторы. – Нам очень нравится группа «Арамис», она сейчас очень популярна, и мы хотели бы видеть их на нашем шоу. После выступления объявим благодарность банку, который обеспечил приезд группы на наш фестиваль.

– Понял вас, – озадачился я. – Я передам руководству нашей компании.

– Пожалуйста, пожалуйста, будьте так любезны, – попрощались со мной организаторы, мы пожали друг другу руки, и я ближайшим рейсом вернулся в Москву.

Я думал, задание на этом и закончилось. Но каково же было мое удивление, когда шеф, выслушав мой отчет, потер руки и радостно произнес:

– Отлично! Вот и занимайся!

– Что значит «занимайся»? Чем?

– Группой «Арамис» занимайся, раз они хотят. – И, похоже, шеф ничуть не сомневался, что я с этим поручением справлюсь.

– А где же я их найду? – снова спросил я.

– Ну, слушай, это твое задание, ты его ведешь, тебе и думать, где искать группу, – объявил шеф и дал понять, что разговор на этом закончен.

И что делать, куда бежать, где искать? Я этих ребят только по телевизору и видел.

Стал я думать, где же их можно встретить. А где вероятнее всего встретить популярного артиста, как ни на концерте? Отсмотрев все афиши Москвы, я выяснил, где выступает группа «Арамис», купил билет на концерт и пришел, чтобы попытаться прорваться за кулисы и поговорить с менеджером артистов. Естественно, за кулисы меня никто не пустил, не помогла даже моя хваленая смекалка. Несколько раз я приходил на концерты, несколько раз пытался достучаться до администраторов группы – все безрезультатно.

Наконец мне повезло в очередной раз – на фестивале «Звуковая дорожка» можно было купить журналистскую аккредитацию на мероприятие, и я уговорил одного из менеджеров мне ее продать. Оказавшись за кулисами, я благополучно нашел группу «Арамис», изложил им свое предложение, они оставили свой телефон, назвали расценки, и после концерта мы с ними созвонились.

Первый раз в жизни я почувствовал себя организатором концертов и, в сущности, с этого момента и начал осваивать нелегкую профессию продюсера. Полностью взял на себя проведение этого тура – договаривался с устроителями фестиваля «Голос Азии», покупал для группы и представителей банка билеты, бронировал гостиницы и много чего еще делал для того, чтобы обеспечить приезд и выступление приглашенных звезд. Затем я, как заправский администратор, вместе с группой «Арамис» полетел на фестиваль, но уже не в качестве фаната или поклонника, а в качестве равноправного члена коллектива.

В Алма-Ате нас встретили на кабриолетах…

Я увидел несколько шикарнейших авто со светлой кожаной обивкой внутри, с поблескивающим на ярком солнце рулем и переливающимися крыльями – и обомлел, почувствовав себя на минуту настоящей звездой.

Для меня это была настоящая фантастика! Я в жизни никогда не видел кабриолет вблизи, не представлял его даже в самых смелых мечтах! А тут меня усадили, повезли вместе со звездами. Затем мы разъезжали на этих кабриолетах по всей Алма-Ате – участвовали в вечеринках, посещали шикарные рестораны, банкеты, гостиницы, репетиции и все такое прочее.

Голова моя просто шла кругом от такого обилия впечатлений,

все это было так захватывающе, заманчиво, интересно! В результате общения с артистами я уже стал понимать, как устроен механизм менеджерской работы, освоился, и мне очень понравилось все это продумывать, координировать, сопровождать артистов, выводить их на сцену.

Я почувствовал себя небольшим начальником, очень важным звеном, от которого многое зависело. Слегка заважничал, уверенности во мне прибавилось, я стал более требовательным и уже старался добиться от каждого участника, чтобы тот работал наилучшим образом и согласно плану. Вошел, что называется, во вкус.

«Арамисам» очень понравилась моя деятельность, и чуть позже мне стали намекать на то, что я мог бы заняться менеджерской работой и на постоянной основе…

За кулисами «Голоса Азии» я снова увидел тех звезд, которых впервые встретил на «Рождественских встречах». И, конечно же, там я обнаружил ребят из «А-Студио», они просто не могли не быть гостями такого фестиваля.

Меня узнал Баглан Садвакасов:

– Мальчик, а я тебя помню! Это ты жениться без автографа не хотел! – Он засмеялся.

– Ну да, – немного застеснялся я. – Только это не я жениться не хотел, а моя невеста не хотела выходить за меня замуж…

– И как все сложилось? – поинтересовался Бага.

– Да не все ли равно? – ответил я смехом. – Главное, что у меня теперь есть автограф.

Мы с Багланом сидели в баре и разговаривали. Я рассказал ему, как попал на фестиваль, немного о себе, а заодно выяснилось, что обратно в Москву мы летим одним самолетом. Конечно же, я не мог сказать, что работаю простым менеджером, мне показалось это ужасно несолидным. Соврал, что без пяти минут юрист, хочу открыть юридическую контору и чуть ли не серьезный бизнесмен, мол, даже деньги есть, которые я готов вкладывать в какие-то проекты.

На эту информацию Баглан – а в просторечии просто Бага – очень запал.

– Слушай… – протянул он. – Так если ты юрист, может, ты меня проконсультируешь? Дело есть…

– Какое дело? – насторожился я.

– Ну… – немного помялся тот. – Хочу в Алма-Ате ночной клуб открыть. С названием «Битлз». Как думаешь, могу ли я это название использовать?

Немного подумав, я резюмировал:

– Думаю, с этим названием не должно быть проблем. Никто

же не регистрировал торговую марку «Биттлз» на территории Казахстана. Поэтому можешь открывать. Но я еще посоветуюсь с коллегами…

Мы сидели друг перед другом, два молодых парня, вовсю гнули пальцы, изображая свою крутость, и каждый хотел показаться как можно более влиятельным и основательным.

Ответом моим Бага был вполне удовлетворен.

– А с кем ты сейчас работаешь? – поинтересовался он немного спустя.

– С группой «Арамис», они пригласили меня к себе менеджером. Говорят, нужен администратор, готовы взять меня к себе, зарплату платить…

– Ой, да ну! – замахал руками Бага. – Какая зарплата, ты что, с ума сошел? Даже не думай.

– А что такое? – Я даже немного обиделся, ведь Бага подверг сомнениям мою значимость и серьезность моих намерений.

– Ты хоть знаешь, сколько нормальный менеджер может зарабатывать на процентах с концертов? – продолжал Бага. – Да и группу ты выбрал не очень удачную, они же долго на сцене не пробудут…

– А ты откуда знаешь? – снова удивился я.

– Знаю, – буркнул Бага. – У них песен новых почти нет…

Такая информация меня озадачила.

– А что ты предлагаешь? – осторожно спросил я его, опасаясь снова нарваться на какую-нибудь гневную отповедь. Чувствовать себя простачком совсем не хотелось.

– Есть у меня на примере один парень, очень талантливый певец, – сообщил Бага. – Кстати, наш земляк, из Казахстана. Мурат Насыров, слышал о таком?

– Ну-у-у, – я лихорадочно соображал, слышал я о нем или нет, и заодно придумывал на ходу, как ответить. – Может, и слышал, но я сначала был в армии, потом много учился и, честно говоря, такого имени не припомню.

– Вот! – Бага, казалось, не обращал внимания на мои сомнения. – Так он буквально полтора года назад победил на Ялтинском музыкальном конкурсе, его по всем центральным каналам показывали. Парень – во! – Бага показал большой палец. – Просто класс! Очень профессиональный, и как человек хороший… С ним хотел подписать контракт на раскрутку один уважаемый человек, но что-то у них там не сложилось, и дело застопорилось. А сейчас Мурат работает сам по себе, в ночном клубе поет, получает проценты от продажи билетов в клуб… Поет там много, часов по пять, наверное, без перерыва. Хочешь, я с ним тебя познакомлю?

– Хм, интересно, – пожал я плечами. – Наверное, можно…

– Да нужно, что ты, в самом деле! – убеждал меня Бага. – Это хорошая перспектива, поверь мне!

– Слушай, я подумаю, – ответил я.

Мы обменялись телефонами и попрощались, договорившись созвониться.

Можно сказать, что это было начало моей шоу-жизни. Не хотел и не планировал, и в принципе никогда не мечтал о том, что стану заниматься артистами, но судьба «засасывала» меня в эту сферу все глубже и глубже. Обстоятельства складывались таким образом, что будто бы сами вели меня к этой деятельности, а отказываться от хороших шансов, которые дает тебе судьба или случай, – это довольно неблагодарное занятие.

Тем временем я окончил институт, получил диплом юриста – и мне предстояло оценить во всей красе прелести работы в юриспруденции.

На стажировку меня отправили в одно из московских отделений милиции, где я некоторое время проработал следователем, и о чем я до сих пор вспоминаю с довольно странным чувством.

Например, необходимо было допрашивать задержанных. Их приводили, а я, культурный и воспитанный молодой человек, пытался как-то разговорить своих «подопечных», обращаясь к ним со словами в стиле:

– Не соблаговолите ли вы… А как вы думаете… Что вы можете рассказать о…

Естественно, в родной милиции на меня очень скоро стали смотреть с недоумением – ни на кого не кричит, ни на кого не давит, тем более никому не угрожает. Мне действительно было очень сложно проявить жесткость характера, грубо разговаривать, тем более, кричать или поднять на кого-то руку.

До работы в милиции я представлял себе адвокатскую деятельность в сусально-розовых тонах – мной двигала жажда помогать людям, основанная на тех впечатлениях, которые я получил, наблюдая за деятельностью собственного брата Исмагула. Частично впечатления об адвокатской деятельности я вынес из фильмов. Но в реальности все оказалось намного проще и более обыденно.

Я имел дело вовсе не с невинно осужденными и благородными разбойниками – это были самые обычные люди, попавшиеся кто на воровстве, кто на бытовухе. Кого-то подозревали в убийстве, и мне каждый раз предстояло решать эту сложную моральную дилемму – с одной стороны, я, как и всякий нормальный человек, считал, что преступник должен понести

наказание. С другой стороны, понял, что мне необходимо добиваться максимального снисхождения для каждого подозреваемого, несмотря на все неприглядные детали его биографии, которые я узнавал в процессе работы с ним. Столкнувшись с оборотной стороной профессии юриста, я понял, что мне все это неприятно и вовсе не близко. Но опыт общения с уголовным миром, как ни странно, не раз пригодился мне в последующей работе продюсера.

«Скажу тебе, как олигарх олигарху…»

По возвращении в Москву мы с Багой периодически созванивались. Мне, признаться, льстило, что со мной хочет общаться известный музыкант, звезда, но я все время задавался разнообразными вопросами. Например, как же так, он ходит везде один, без охраны, он же так популярен…

– Слушай, Бага, – спросил я однажды. – А почему у тебя охраны нет?

– Ну, знаешь, – отвечал он. – У меня же и личные дела тоже есть, не могу же я на свидания, пардон, с охраной ходить?

Я остался доволен таким ответом. Думаю, какой скромный, простой парень – охрану отпускает, бережет людей. Я же не знал тогда, что большинству музыкантов охрана не полагается в принципе, и даже у суперзвезд бодигард бывает порой только на концертах. Бага казался мне настолько важным и крутым, что я даже мысли не мог допустить, что его персона останется «без присмотра».

В один прекрасный день он прозвонил мне:

– Хочешь, приезжай в гости, посидим, пообщаемся. У меня день рождения сегодня.

Я обрадовался. Достал свою лучшую рубашку, лучшие брюки, начистился, налимонился и таким вот франтом явился к нему домой с подарками – а жил он в Сокольниках.

Вхожу и немею от восхищения. Огромнейшая – по крайней мере, по моему мнению – четырехкомнатная квартира, вся в арабских коврах, с высокими потолками, дорогой мебелью, с хорошим ремонтом. Я никогда ничего подобного в своей жизни не видел. Других гостей у Баги в этот момент не было, и поняв, что все это – специально для меня, почувствовав себя еще более значимым и уважаемым, чем раньше.

Бага повел меня по комнатам:

– Здесь кабинет, – проводил он экскурсию, – здесь спальня, здесь вторая спальня… Здесь гостиная.

– А две спальни зачем? – спрашиваю. – Ты ведь один живешь?

– Ну, как же… Для гостей, – не моргнув глазом, ответил Бага.

Я ходил по квартире и источал комплименты, слегка опасаясь, что Бага обнаружит, насколько я потрясен и ошарашен увиденным. Надо же, как звезды живут, пронеслось у меня в голове. Это же такая сказка, такое великолепие!

– А где твоя охрана? – спросил я.

– Так я отпустил их давно уже, – ответил Баглан. – Зачем лишний раз светиться, нескромно это…

И еще такой скромный парень. Вот это да!

Я был окончательно сражен Багиным гостеприимством и красотой его души. Еще раз пробежавшись по залам, мы с Багой выскользнули за дверь и отправились в один из ночных клубов праздновать его именины.

В клубе было шумно и накурено. Мы ели, выпивали, танцевали, знакомились с девушками, а я попутно не забывал его расспрашивать о дальнейших планах и моих перспективах. Я видел, что Бага немного напряжен и никак не может расслабиться, будто что-то хочет сказать и никак не решается этого сделать. Когда я в очередной раз задал какой-то вопрос невпопад, он, наконец, выпалил:

– Слушай, Арман, ты что, правда с Луны свалился?

– А что такое?

– Нет, ну ты что, правда считаешь, что я хожу с охраной, что у меня такая шикарная квартира своя и так далее…

– Ну, а как иначе, – я удивлялся все больше и больше. – А разве нет?

– Да ну тебя, – обиделся Бага и махнул рукой, присев за столик. – Ну, какие у музыкантов могут быть хоромы, дурья ты башка. Это квартира моего друга, он бизнесмен, и, кстати, он ее снимает тоже. Я у него живу в одной из комнат. Когда он уезжает в командировку, оставляет мне ключи, чтоб присматривал…

Я просто дар речи потерял от такого поворота событий, плюхнувшись рядом с ним за столик, глядя ему прямо в глаза и пытаясь переосмыслить сказанное.

– Так ты что? – дошло до меня, наконец, и я, прыснув со смеху, слегка толкнул его по плечу. – Так ты что, меня все это время разыгрывал, что ли?

– Я слышу, что ты все про «охрану» талдычишь, и боялся тебя разочаровать, – расхохотался в ответ Баглан. – А ты что подумал?

– Ой, обалдеть вообще, ну и приключение. – Я хлопнул себя по лбу и снова засмеялся. – Нет, ты, правда, эту квартиру снимаешь, правда? Слушай, я так рад! – Мое лицо в этот момент просто светилось от счастья, что показалось Баге немного странным.

– Да правда-правда, успокойся ты! – продолжал потешаться он. – Я только не понимаю, чему ты так радуешься… Тому, что у меня нет хаты?

– Я рад, что ты, оказывается, обычный простой парень, – объяснил я. – И мы можем найти общий язык. А я думал, к тебе вообще не подступиться, что ты – звезда, даже не знал, что тебе

сказать и предложить… Думал, олигарх вообще какой-то.

– Да расслабься уже, хватит, – успокоил меня Бага. – Ну, какой из меня олигарх, думать же надо! Теперь ты сам скажи, а ты вообще не собирался заниматься шоу-бизом? Может, у тебя и денег нет, и об этом ты тоже пошутил?..

– А вот этого я не говорил, – посерьезнел я. – Я за свои слова отвечаю. Хотя я тоже не олигарх. Но кое-что все-таки за душой имею.

Мы с Багланом договорились, что он организует мне встречу с Муратом, потому что лучшей кандидатуры для своего друга он не видел, и глаза его горели надеждой.

– Ты сам все услышишь! – объяснил Бага. – Ты поймешь, что Мурат должен быть известным, да и менеджер ему нужен хороший…

В назначенный день я заехал к своему брату Эдуарду, а тот, обосновавшись в Москве, занялся бизнесом и имел в тот момент уже более или менее приличный доход. У Эдуарда была одежда дорогих марок, которую он покупал для особых случаев, на выход, и я знал, что у него в «коллекции» значится самый на тот момент модный малиновый пиджак с золотыми пуговицами. Форменная одежда всех бизнесменов и, конечно же, олигархов.

– Эдик, умоляю, дай свой пиджак на один вечер, – попросил я его.

– Что ты такое говоришь, Арман, – возмутился Эдуард. – Это же единственный дорогой пиджак, какой у меня есть. Вдруг испортишь, он же стоит целое состояние!

– Ну, пожалуйста, прошу тебя, на один раз! – взмолился я. – Это очень серьезная встреча, от нее зависит вся моя дальнейшая жизнь!

Подобная патетика произвела на Эдуарда нужное впечатление.

– Хорошо, хорошо, – разрешил он, скрепя сердце. – Только аккуратнее с пиджаком! И сам тоже давай поосторожнее. Мало ли что…

– Верну все в целости и сохранности! – заверил я, облачился в вожделенный пиджак и направился в ночной паб, где пел начинающий артист Мурат Насыров.

* * *

Мурат оказался очень интеллигентным и сдержанным парнем, несмотря на свой растрепанный внешний вид – встретил он нас со взъерошенной прической на голове, лицо его закрывали

огромные круглые очки, из одежды на нем были обычные джинсы и светлая простенькая рубашка.

– Здравствуйте, Арман, – немного опасливо поздоровался он, оглядывая меня с ног до головы. – Вот ваш столик, садитесь, пожалуйста. Скоро начнется выступление, – он не знал, как угодить и чем порадовать гостя. – Может быть, что-то хотите попить?

– Мурат, не переживайте, все хорошо, – с улыбкой ответил я, усаживаясь за столик. – Я все сам себе закажу, готовьтесь спокойно…

Мурат пел песни известных российских и зарубежных исполнителей. Своего собственного материала у него не было, но зато его группа играла полностью вживую, существовал даже бэк-вокал – как позже выяснилось, это была его девушка Наташа.

Первая часть концерта продлилась примерно час. Голос Мурата, его манера держаться на сцене произвели на меня глубочайшее впечатление – я действительно ни капли не пожалел, что согласился приехать и познакомиться с артистом. Совершенно непонятно было, как в таком прокуренном, тесном помещении, где зал битком набит посетителями, можно было петь? Да еще столько времени. С моей точки зрения, это был настоящий героизм.

После выступления Мурат подошел ко мне и спросил:

– Ну как вам?

Мы присели за столик, Бага представил меня еще раз:

– Арман интересуется твоим творчеством, он бизнесмен. Хотел бы заняться твоей раскруткой.

А я краем глаза видел, что Мурат все время смотрит на мои золотые пуговицы, видимо, они произвели на него то самое нужное впечатление, которого я и добивался. Мурат был очень тактичен, стараясь не сказать ничего лишнего или невпопад:

– В позапрошлом году у меня сорвался контракт с предполагаемым продюсером, – сообщил он. – Но сейчас я как раз ищу менеджера, который мог бы заняться раскруткой меня как артиста и помог бы записать первый альбом…

Я кивал и слушал. Периодически, когда я пытался вставить какое-нибудь словцо в ответ, Бага одергивал меня, толкая ногой под столом, мол, молчи и слушай! Так мы и просидели где-то с полчаса, Мурат рассказывал о себе, я выслушивал его с серьезным лицом, кивал и поддакивал. По окончании встречи мы договорились о том, что нужно повторно увидеться, чтобы более конкретно определить наши с ним планы.

Через несколько дней Мурат пригласил меня к себе домой, где он в то время жил со своей девушкой, чтобы показать песни

собственного сочинения, которые у него на тот момент имелись. Я сидел и слушал с умным видом, кивал, поддакивал – а сам при этом ничегошеньки не понимал, я только видел, как изящно порхают над клавишами пианино тонкие руки Мурата, и думал о том, что когда-то хотел точно так же играть сам. Песни я выбирал по принципу «нравится – не нравится» и, надо сказать, это оказался один из самых верных критериев выбора песни. Ведь финансировал я, продвигать мне, и было важно, чтобы я полюбил каждую из выбранных композиций.

К тому моменту мы договорились, что я найду недорогую студию, где за несколько десятков долларов можно будет записать каждую из песен – дешево и сердито, зато, по крайней мере, появится какой-то демо-материал, который можно будет показывать нужным людям.

Одна из песен, которую мы выбрали, была «Шаг»:

Шаг, медленный, как стрелки часов

И как полет облаков…

Вторая песня «Натали» была посвящена Наташе – они не были расписаны, но считали себя мужем и женой, что впоследствии так и не успели зарегистрировать.

У Мурата нашлось довольно много музыкальных заготовок – он сочинял сам и музыку, и слова, но все это нужно было дорабатывать и потом записывать на студии. Счастье, что Насыров оказался композитором, нам не пришлось тратиться на авторов – такую финансовую нагрузку я бы точно не потянул.

Тогда я это не до конца осознавал, но ценил творческий талант Мурата и понимал, что моя задача сильно упрощена по сравнению с другими певцами. Все, что от меня требовалось, – помочь записать песни, затем продвинуть их. Но для меня, начинающего продюсера, и это казалось слишком сложно: нужно было отобрать наиболее выигрышные композиции, найти студию, договориться с ней, привезти Мурата.

Начиная работу, я располагал кое-какими средствами, которые скопил, будучи менеджером по продаже бытовой техники, но нужно было тщательно выбирать материал, потому что много записать мы не могли. Потихоньку все мои сбережения плавно «рассосались» на студии, и я стал думать, чем же дальше зарабатывать на жизнь себе и Мурату, куда двигаться и на что делать ставку. Мурат очень хотел продолжить работу со мной, но я не мог обещать ему чего-либо конкретного. Все было слишком уж туманно, неясно и держалось исключительно на честном слове.

Сначала я попробовал поговорить об этом с Исмагулом, который больше меня понимал в бизнесе и мог дать дельный

совет. Но, к моему глубочайшему огорчению, он не поддержал моих начинаний. Наоборот, был обеспокоен, что я ступил на «гиблую дорожку» и собираюсь потратить впустую свою жизнь.

Исмагул, а также сестра и мама, узнав о том, чем я занялся, сочли мое новое «увлечение» шоу-бизнесом несерьезным и опасным занятием. В какой-то степени они были, конечно же, правы, ибо этот род деятельности не сулил и не сулит никому ни малейшей степени стабильности.

– Какие у тебя перспективы? – увещевал меня Исмагул. – Я вообще не понимаю, чем ты занимаешься. Где ты работаешь? Какая у тебя зарплата?

Брат считал, что работать в шоу-бизнесе можно только при одном условии – находиться на сцене и быть на виду, а иначе нет никакого смысла. Любой менеджер, находящийся рядом с артистом, рискует очень многим. Во-первых, его мало кто из публики знает – он всегда «за кадром», и лишь единицы самых лучших продюсеров и менеджеров становятся известны именно по той причине, что они сами себя раскручивают.

Во-вторых, нет никакой гарантии, что артист, которого ты раскручиваешь, в один прекрасный момент не помашет тебе ручкой. Именно поэтому многие продюсеры начинают продвигать своих родственников – сестер, братьев, жен, мужей. И все равно существует большая вероятность, что дело дойдет до конфликта: все мы знаем массу громких судебных процессов между бывшими друзьями и супругами.

В-третьих, шоу-бизнес – это, пожалуй, одна из немногих структур, где вертикальный карьерный рост практически отсутствует. В любом другом бизнесе вы можете хоть что-то планировать: сегодня вы – обычный клерк, завтра – руководитель отдела, послезавтра – директор. А в шоу-бизнесе сегодня вы просто менеджер. Завтра вы менеджер известного артиста. И все. На популярный вопрос: «Кем вы видите себя через пять лет?» – вам даже гадалка не ответит.

Я и сам не мог до конца осознать, почему я решил заняться именно этим ремеслом, но мне было очень интересно. Мне нравился и сам Мурат, и его творчество, плюс ко всему я отлично знал, что продажа концертов, дисков и пластинок артиста приносит определенные деньги – главное, чтобы сам артист и его творчество были необходимы публике.

Кроме того, в любой профессии важно понимать – твое это или не твое. Однажды необходимо сделать четкий выбор, но для этого необходимо многое попробовать. Например, чтобы понять, хочу ли я быть столяром-плотником или юристом, мне понадобилось получить диплом столяра и того же юриста, и

только после этого я смог разобраться, насколько мне подходят обе эти профессии.

Точно так же я на себе прочувствовал, что работа инженера-строителя – это тоже абсолютно не мое, хотя на тот момент это был единственно возможный для меня вариант поступления в вуз.

Переводясь из строительного института на юридический факультет МГУ, я испытывал гораздо больше энтузиазма и радости, полагая, что вот теперь уже точно я попал в точку. Но – удивительно! – профессия юриста имела массу подводных камней, о которых я не мог знать заранее.

Хотя во время учебы я часто ездил к Исмагулу на различные судебные заседания – а он работал прокурором по надзору над судами, – видел, как он ведет судебные дела, осмысливал происходящее, это не дало мне возможности увидеть всю подноготную юридического ремесла. Теоретически у меня были все данные для того, чтобы стать адвокатом – я прекрасно мог выступать на публике, понимал глубинную суть законов, но при этом я не испытывал внутреннего желания и интереса ко всей этой деятельности.

Именно в те моменты я вывел для себя – чтобы понять и оценить степень ценности собственной мечты, необходимо эту мечту попросту реализовать. «Повариться» во всем этом, примерить на себя, то есть получить все то, чего так страстно добивался. Не достигнув своих целей, ты так всю жизнь и будешь думать, что там хорошо, где тебя нет, жалеть об упущенных шансах и возможностях, хотя на поверку все это могло оказаться для тебя совсем не важным.

Словом, все взвесив и хорошенько обдумав, я решил продолжить работу с Муратом, действуя при этом на свой страх и риск. А деньги все-таки нужно было где-то зарабатывать.

Про полезные связи и полезных людей

После поездки на «Голос Азии» в 1993 году у меня осталось много контактов. Поскольку все видели, что я приехал с группой «Арамис» из Москвы, со мной многие стремились познакомиться. Я смог завоевать доверие казахской стороны, поскольку выполнил свое обещание, привезя на фестиваль звезд. К тому же я был их земляком. Со многими из менеджмента музыкантов, выступивших тогда на «Голосе Азии», у меня остались хорошие отношения.

Таким образом, мне периодически звонили из Казахстана с просьбой посодействовать в организации корпоративных праздников, дней рождения, свадеб, просто уик-эндов. Я уволился из компании, где продавал бытовые приборы, и полностью переключился на организацию гастролей. Начал возить в Алма-Ату наших российских звезд – и, наверное, сложно назвать кого-то, с кем я в то время не работал.

Оказалось, что в Казахстане наших исполнителей любят ничуть не меньше, чем в самой России, и это стало для меня настоящей сенсацией. В течение полугода я свозил в Казахстан чуть ли не всех, кто мало-мальски примелькался на телеэкране. Такая деятельность приносила неплохой доход – мне платили проценты с концертов, а на местах организаторы порой еще и дополнительно приплачивали.

На эти средства мы с Муратом смогли возобновить нашу совместную деятельность. Записав на студии еще несколько песен, а также отрывки с живых выступлений, я нацелился «продавать» Мурата по всей Москве. Вооружившись кассетами и записью, широкой улыбкой и красноречием, я объезжал московские рестораны и клубы, в особенности те, что недавно открылись, разговаривал с администрацией этих заведений, давал прослушать записи.

Результатом моих усилий стало то, что я загрузил Мурата работой чуть ли не на шесть дней в неделю, причем это были уже приличные по тем временам деньги. Вырученные от концертов средства мы делили между музыкантами, а затем еще и пополам между собой. Для Мурата и даже для меня эти суммы казались фантастическими:

– Слушай, какие сумасшедшие деньги мы зарабатываем! – восхищался он.

Работоспособность Мурата была колоссальная. Он мог начать выступление в девять вечера, независимо от того, есть публика

или нет, и пел до последнего посетителя. То есть почти до утра. И посетителям, и администрации клубов и ресторанов Мурат очень нравился – как правило, если он выступал где-то один раз, с нами договаривались о работе на постоянной основе.

Тем временем круг наших знакомств ширился – я общался со звездами эстрады и их менеджерами, Мурат постепенно становился известной в Москве персоной, и в один прекрасный день я решил, что настала пора познакомить Мурата со всеми знаменитостями, каких я только знал. Мурат обрадовался этой идее – ему тоже хотелось наладить контакт с коллегами, и он понимал, как важно, чтобы тебя знали те, от кого зависит и популярность, и карьера.

Многие из тех, кого я обзвонил, приглашая на вечеринку в один из модных московских клубов, уже были наслышаны о Мурате, и им любопытно было посмотреть на него. К тому же многие знали, что я занимаюсь организацией гастролей, и если задумал какую-то презентацию, то не просто так.

Вечеринка называлась «Мурат Насыров в кругу друзей» – и на нее, к моей несказанной радости, пришло большинство приглашенных мной звезд. Здесь были и Владимир Пресняков, и Валерий Меладзе, и телеведущая Александра Буратаева. К нам приехали музыканты из «А-Студио», многие другие известные личности. Все хотели увидеть, что за чудо такое появилось в тусовке и что с ним теперь делать?

Это мероприятие уместно было назвать «свадьбой» – женитьбой шоу-бизнеса и Мурата Насырова, и в горе, и в радости, воистину и вовеки веков. Мурат пел песни – свои собственные и уже известные хиты, – был весел, ярок, шутил и общался со всеми, старался быть максимально предупредительным и открытым. Я, признаться, втайне немного тревожился, придется ли Насыров по душе признанным звездам? Но мои волнения были напрасны, все прошло очень хорошо, а в нашей с ним жизни начался новый этап. Это действительно был успех.

Мы с Муратом поняли, что пришло время выпустить первый альбом – и я принялся объезжать рекорд-компании с демо-материалом и рассказом о том, насколько Мурат Насыров талантливый и перспективный артист, творчество которого обязательно придется по душе широкой публике.

Самой крупной звукозаписывающей студией на тот момент являлся медиахолдинг «Союз», в контракте с которым я был наиболее заинтересован. Мы долго вели переговоры о совместном сотрудничестве, после чего подписали контракт на выпуск первого альбома Мурата Насырова, а заодно договорились о массе попутных «мелочей», таких как ротация песен Мурата на

радиостанциях, съемки клипов и многом другом.

До выпуска альбома было еще далеко, и первое, что было сделано – это несколько пробных «камней»: на «Русском радио» появилась песня «Шаг», которая моментально стала популярной. И параллельно студия «Союз» выпустила наш первый диск, на котором присутствовали всего две песни: «Шаг» и «Натали».

С этого момента начались первые сложности.

Мы не знали, какие имена нам выбрать для дальнейшей раскрутки. Многим казалось, что фамилия Давлетяров слишком длинная, ее нужно сократить или взять псевдоним. Имя Мурата Насырова и вовсе виделось неподходящим, мне советовали:

– Выберите себе какой-то другой сценический псевдоним. Вы что! Как вы себе представляете раскручивать в России нерусского исполнителя?

– Но ведь у него по лицу видно, что он нерусский, – огрызался я. – Как вы себе представляете мы будем называть Мурата? Коля или Петя, что ли?

Закончилась эта эпопея походом к Валерию Меладзе, который авторитетно заявил:

– А я вот грузин. С грузинской фамилией. И это не мешает мне быть популярным. Берите имя Мурат Насыров как есть и работайте с ним. Тем более что в Ялте он под ним уже выступал, его видели и слышали, а я в своей визитке написал Айманов Арман, чтобы не забыть (Айман – имя моей матери, и я взял тогда псевдоним. – *Прим. авт.*).

На этом мы успокоились. Но студия «Союз» все еще затягивала выпуск первого альбома. Прошел год, пошел другой…

– Нет яркого хита, – сказали нам в рекорд-компании. – Альбому не хватает той самой изюминки, которая позволит ему «выстрелить».

– А где же нам эту изюминку взять? – пожимал я плечами, не понимая, в чем проблема.

Нужен был хит. Нам казалось, что достаточно хита «Шаг», но наши партнеры считали, что это как раз не слишком сильная работа. Нужно еще что-то более громкое. И все застопорилось.

Мурат трудился, как и прежде, я ездил с артистами по городам и весям, студия «Союз» молчала – периодически я набирал номер телефона, чтобы узнать, как дела. Но ничего не происходило. Мурат тем временем становился все более узнаваемым, так как я старался запихнуть его на любое мало-мальски популярное мероприятие, познакомить с как можно большим количеством людей, обеспечить ему работу и узнавание.

И хотя Мурат по-прежнему не появлялся на телеэкране, его уже хорошо знали посетители московских клубов и концертов –

он выступал на одних мероприятиях со «звездами», и становилось ясно, что его громкая популярность – лишь вопрос времени.

* * *

Когда ты знакомишься с человеком и еще ничего о нем не знаешь, отношения достаточно официальные. «Привет» – «пока», «давай это обсудим». Чем дольше вы работаете бок о бок, тем больше они узнают друг о друге…

Момент, когда ты понимаешь, что относишься к артисту не просто как к коллеге, но и как к интересному, самобытному человеку – есть начало либо большой дружбы, либо трагедии. Дружба – если вам с артистом удается проработать с самого начала его популярности до самого заката, но таких историй шоу-бизнес практически не знает. Трагедия – когда ты привязываешься к человеку, с которым сотрудничаешь, буквально врастаешь в него душой, а следом за этой трогательной человеческой теплотой следует болезненный разрыв…

В нашем с Муратом сотрудничестве, наконец, настал тот самый момент, когда рабочие отношения стали постепенно переходить в дружеские. Но тогда я, разумеется, еще не знал, чем это может для меня обернуться…

Как-то раз Мурат позвонил мне:

– Привет, нам нужно с тобой как можно скорее встретиться.

– Хорошо, давай съездим в «Союз», узнаем в очередной раз, что там происходит, заодно и поговорим…

Мы вышли из метро, я видел, что Мурат как-то неестественно напряжен, задумчив. Его явно что-то сильно мучило.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Наташа беременна… – ответил Мурат.

– Поздравляю, дружище, это же хорошо! – обрадовался я, кинулся пожимать ему руки, но, увидев растерянный взгляд Мурата, отпрянул. – Что не так?

– Ты знаешь, мы не женаты, и вся эта неопределенность с работой, с жильем… Плюс я не уверен, как мои родные воспримут эту новость. Конечно же, мы решили рожать, но меня все это беспокоит. Что делать, как быть? – Мурат действительно нервничал, и я видел, что этот вопрос для него нешуточный.

– Ну что же ты так переживаешь, – расстроился я за друга. – Не ты же беременный. С жильем мы вопрос постараемся решить, подыщем тебе что-нибудь более просторное поближе к центру. А родители… Знаешь, я не берусь тебе что-либо советовать. Могу сказать только одно: дети – это здорово.

– А как с родителями уладить отношения? Извини, что все это тебе рассказываю, но мне даже посоветоваться не с кем, – сокрушался Мурат.

– Да вы родите сначала, а потом будете разбираться, – предложил я.

В тот момент я как раз подыскивал себе новое жилье, поскольку проживал довольно далеко от центра Москвы, и каждый день на работу добираться было трудно. Поэтому я нашел неплохой вариант и уже едва ли не собирался туда переехать, но Мурат немного спутал мои планы.

– Послушай, – позвонил я ему некоторое время спустя. – Я нашел как раз неплохую двухкомнатную квартиру по сходной цене, вам с Наташей там будет удобно. Можете переселиться туда жить, если хотите…

– Спасибо! – обрадовался Мурат.

На следующий день он съездил посмотреть квартиру, она ему понравилась, и они с Наташей заселились по новому месту жительства. В целом, со стороны мы оба выглядели благополучными людьми – Мурат купил себе ВАЗ-«девятку» и ездил на ней, что по тем временам считалось очень неплохо. Я тоже не бедствовал.

Однако ситуация с выпуском нового альбома так и зависла, и мы беспокоились. Все прояснилось весьма скоро. В один из вечеров Мурат приехал ко мне в гости:

– Арман, нам с тобой нужно поговорить.

Мы прошли на кухню, заварили чаю и уселись обсуждать текущие новости.

– Знаешь, я вчера был в студии «Союз»… – начал Мурат.

– Да, и как они там? – поинтересовался я.

– Они предлагают мне другого менеджера… – Мурат осекся и поднял на меня взгляд, чтобы увидеть мою реакцию.

– Ну и? – напрягся я. – Продолжай…

– Они говорят, что нужен более именитый продюсер, человек с обширными связями, который будет меня везде «проталкивать». Обеспечивать радио– и телеэфиры. Они считают, что у тебя пока недостаточно опыта, чтобы вести дела на таком высоком уровне…

Услышав эти слова, я испытал настоящий шок. Самое обидное, что сказанное было правдой. Несмотря на то что я обеспечивал гастроли многим звездам, особых капиталов я не имел, каких-то влиятельных знакомств – тоже. Студии «Союз» были нужны гарантии, что артист не пропадет после выхода первого альбома, получит хороший промоушн, поддержку, начнет раскручиваться. Рекорд-компания готова была вложить свои деньги в съемку клипов, в выпуск диска и даже в подбор

музыкального материала. Но кто-то более мощный должен был обеспечить финансирование с другой стороны.

– В «Союзе» сказали, что такова объективная реальность. И что вопрос с тобой должен решать я сам… – тихо добавил Мурат. – А я не знаю, как мне его решать, ты же мой друг. Мы столько вместе пережили…

– Мурат, у нас с тобой не было никаких контрактов, и формально ты мне ничего не должен, – с грустью ответил я. – Сам-то ты как думаешь?

– Я думаю о том, что сейчас мне предлагают то самое, к чему я, а потом мы с тобой вместе стремились много лет. Если я откажусь, невозможно будет пойти куда-то еще, так как более крупной студии в России просто не существует. А если соглашусь, история получит продолжение… – Мурат уже сделал этот нелегкий выбор, и я это видел.

– Мурат, – попросил я его, а сам в этот момент испытывал в душе такое смятение, что готов был заплакать… – Мурат, решай все сам, пожалуйста. Как решишь, так и будет.

– Послушай, Арман, – Мурат старался не смотреть мне в глаза. – Я много думал об этом. Если бы ты поставил на меня все, что у тебя есть, и я был твоей единственной работой, я остался бы с тобой до конца. Даже несмотря на возможные последствия. Но я знаю, что у тебя есть заработки, есть гастроли, и ты не пропадешь. Я готов сотрудничать любым другим способом, ездить с тобой на гастроли, делать совместные проекты. Все, что угодно…

– Я понял тебя, – вздохнул я. – Еще раз прошу тебя, делай так, как считаешь нужным.

Когда за Муратом закрылась дверь, на меня накатила ледяная тоска, будто бы мое сердце резали по живому, и я не мог с этим справиться. Боль. Обида. Бессилие от столкновения с чем-то более мощным, чем я сам. В этот момент мой стройный мир рухнул, из него ушла какая-то важная для меня цель, все потеряло смысл и форму. Мне казалось, что в эту минуту я лишился кого-то очень близкого, брата, коллеги, товарища, соратника. Знал, что мы с Муратом будем общаться. Но понимал, что как раньше уже не получится.

И потом еще полночи вспоминал, как все начиналось.

Знаете, на гастролях или в клубах, когда Мурат еще только дебютировал, многие присматривались к нему, настороженно реагировали, и необходимо было как-то подстегивать их интерес. Чтобы поддержать Мурата, я на какое-то время превращался в массовика-затейника, всеми правдами и неправдами пытаясь расшевелить пришедшую на концерт публику. Я сам первый

выбегал в центр танцпола – кричал, махал руками, приплясывал, вытаскивал на круг девушек из зала. Я понимал, насколько это важно для самооценки и поднятия «боевого духа» – чтобы артист видел свою востребованность.

Надо мной, бывало, даже посмеивались зрители:

– Ой, а что это за парень такой прыгает?

– Не видишь, у него внешность такая же, как у того, на сцене… Фанат, наверное…

Иногда я нанимал местных жителей за деньги, чтобы они выходили танцевать и хлопали, дарили Мурату цветы.

Все начиналось именно так, и теперь я чувствовал, что потерял свое детище, в которое вложил душу без остатка. Это был мой проект, и никто не смел отнять его у меня. С другой стороны, ясно видел, что не имеет смысла упрямиться. Ну, что я мог сделать? Ровным счетом ничего. А Мурат талантлив. Ему необходимо двигаться дальше, расти, развиваться. И кто-то мог дать ему намного больше, чем я. Так было правильно.

Сейчас, когда я вспоминаю все произошедшее много лет назад, я вижу, что это был нормальный рядовой случай из жизни работающих людей – кто-то приходит, кто-то уходит. Когда вы устраиваетесь на работу в какую-либо компанию, то, скорее всего, не планируете работать в ней вечно, ведь правда? И если бы каждый работодатель проливал слезы по сотрудникам, с которыми он расстался, наверное, это было бы неправильно.

Но в тот момент я ощущал, будто потерял вместе с Муратом какую-то часть своего сердца. Для меня это был первый опыт подобного рода сотрудничества, и я буквально вжился в наш тандем настолько, что даже мысли не допускал, что этот человек может по каким-то причинам уйти из моей жизни…

Немного о житейской смекалке

После расставания с Муратом я продолжил организовывать гастрольные поездки звезд эстрады, но заниматься только этим мне было уже не очень интересно. Мне захотелось иметь какой-то собственный проект, в который я мог вкладывать силы и время, и к тому же – пусть это и покажется банальным, но хотелось какой-то стабильности, той же зарплаты, например.

То, чем я располагал на тот момент времени, было довольно шатко: есть гастроли – есть заработки, нет гастролей – нет заработков. Я в некотором роде зависел от концертных директоров артистов, а меня это не устраивало.

В то время я уже зарекомендовал себя как хороший директор, и в определенных кругах обо мне знали. Поэтому, используя многочисленные знакомства, я стал осторожно выяснять, требуется ли кому-то из артистов директор проекта. Новость о переходе Мурата к другому продюсеру довольно быстро разнеслась по тусовке, и мне стали поступать интересные предложения о сотрудничестве с другими группами и артистами. Например, только-только появилась группа «Восток», которой нужен был администратор. Вы помните их? У них еще был хит «Миражи»:

Миражи – это наша жизнь,
Это наша жизнь,
Это наша жизнь… мираж.

У группы «Восток» пела в стиле регги, и ее сравнивали чуть ли не с «АББА», было еще несколько интересных песен, и все это нужно было продвигать. С другой стороны, ко мне обратились также от вновь созданной группы «Иванушки интернейшнл», и я все никак не мог выбрать между ними, поскольку нравились мне и те, и другие, а оценить перспективы их развития я точно не мог. Поэтому с этим вопросом пошел советоваться, конечно же, к Баглану:

– Да ты что, какие «Иванушки…»! – сказал Баглан. – Нужно заниматься группой «Восток», это же русские «АББА», это же стильно!

Мы встретились с ребятами из «Востока», достаточно основательно поговорили, затем вместе съездили на один из концертов. Группа «Восток», конечно же, не работала сама по себе, это были артисты одной из самых крупных по тем временам компаний «Медиа-Стар» – и в этом я усмотрел шанс для себя,

поскольку постоянная работа в крупной компании, наличие перспектив развития и, конечно же, постоянный доход меня очень привлекали. Гена Филиппов – лидер группы «Восток» – познакомил меня с Александром Толмацким, который занимал должность генерального продюсера «МедиаСтар».

Переговоры проходили в день моего рождения – я тогда даже подумал, что это хороший знак. Как следует все обдумав и выслушав все стороны, меня и Гену, Толмацкий вынес вердикт:

– Ну что ж, мы тебя берем, будешь работать у нас!

Это был самый лучший подарок, какой я только мог пожелать для себя, и очень большая удача. Таким вот образом я получил новую должность и начал новую жизнь.

Не могу сказать, что переход от одного артиста к другому дался мне легко. В характере Мурата, конечно, были свои особенности, мы даже часто спорили с ним на тему «кто здесь главный», но за время сотрудничества я узнал его очень хорошо и приноровился – человек я восточный, бесконфликтный, поэтому каких-либо серьезных столкновений между мной и Муратом почти не было.

Другое дело группа с четырьмя звездами разом! И у каждого свой характер, привычки, особенности! Поначалу у меня просто голова кругом шла! Приходилось перестраиваться, вести работу абсолютно иначе, чем с Муратом. Но постепенно мы с ребятами нашли общий язык, подружились – а спорить нам было не с руки, поскольку «Востоку» нужны были четко организованные гастроли, а мне – мои проценты, на которые я жил.

Прошло полгода, и Александр Толмацкий принял решение расширяться, организовывать целый концертный отдел, подключив сюда не только «Восток», но и других музыкантов. Возглавить этот отдел он предложил мне, «отпочковав» меня от основного офиса в телецентр «Останкино», где мне выделили крошечный кабинет-клетушку примерно в шесть квадратных метров, и в нем не было даже окон. В этой комнатке и предполагалось принимать клиентов, которые приходили по рекламе, которую мы давали: нацелены мы были в основном на региональные концерты.

Поначалу группа «Восток» не была настолько популярна, чтобы заказы на нее сыпались как из рога изобилия. Поэтому ко мне приходили и интересовались совершенно другими артистами – «МедиаСтар» сотрудничала со многими звездами, такими как Олег Газманов, Жанна Агузарова, Лайма Вайкуле, Лариса Долина, Андрей Губин и так далее. Спрос на них был весьма велик, а про «Восток» никто и слышать не хотел.

Подумав немного, я решил применить чуточку

изобретательности…

В бытность мою преподавания в ПТУ я познакомился с одной милой женщиной по имени Галина, которая работала секретарем директора. На момент моего «переселения» в «Останкино» она сидела без работы. Я позвонил ей:

– Мне нужен секретарь. Есть небольшая зарплата, но зато хорошие перспективы. Да и возможность увидеть знаменитостей живьем. Хочешь?

– Хочу! – без колебаний согласилась она и впоследствии проработала со мной почти 15 лет.

Остальное было уже делом техники.

Приходил клиент, хотел заказать гастроли известного исполнителя.

– Здравствуйте! Хотелось бы пригласить артиста к нам на выходные такого-то числа. Это можно? – начинал клиент…

Разумеется, я мог ему организовать гастроли вышеупомянутой знаменитости, но нам нужно было как-то втиснуть группу «Восток» в рамки строгих пожеланий публики.

– Конечно, можно! – отвечал я. – Вот ознакомьтесь, пожалуйста, с расценками, а мне на минуточку нужно выйти, с вашего позволения…

Я протягивал ему предложение и выходил за дверь, а в кабинете оставалась моя помощница.

Дойдя до соседнего кабинета, я подходил к телефону, набирал свой собственный номер и, когда помощница брала трубку, спрашивал:

– Здравствуйте. А можно заказать группу «Восток» на 17-е число?

– Здравствуйте, – отвечала девушка настолько серьезно, насколько могла, а сама еле сдерживалась от смеха. – Группа «Восток» на 17-е занята. Может быть, вам подойдет 28-е?

– Нет, 28-е не подойдет… Да не смейся ты! – одергивал я ее. – Скажи, что все остальные числа заняты.

– Честно говоря, есть сложности, – тут же реагировала помощница. – До 28-го у нас уже все концерты расписаны почти на каждый день. Но если вам очень нужно, можете позже позвонить Арману, он сейчас вышел… Скоро подойдет.

И так несколько раз подряд.

Когда я возвращался, клиент был, что называется, уже готов.

– Простите, а что это за группа «Восток», которую все спрашивают? – осторожно интересовался он.

– «Восток»? – удивлялся я. – Ну, как же, вы разве не слышали? Это новая молодежная группа, очень модная, ее сейчас просто разрывают на части. Все спрашивают.

– А сколько стоит? – так же осторожно спрашивал клиент, опасаясь, что цена будет запредельной.

Когда я называл стоимость, радости клиента не было предела.

– Да вы что! – ликовал он. – И цена подходящая! Вы говорите, до 28-го у группы «Восток» все расписано?

– Хм… секундочку… – Я доставал свой талмуд с расписанием и начинал в нем картинно рыться, разыскивая нужную «информацию». – Есть еще на 21-е свободный день. Хотите?

– Да, пожалуй, подойдет, – радовался клиент. – Это как раз суббота.

– Ну, вот и отлично, – одобрительно кивал я. – Заполняйте договор, пожалуйста…

Вот так я и организовывал первые концерты группы «Восток», и я не думаю, что она хоть кого-то разочаровала. Я был счастлив, что у меня есть собственный проект, собственный кабинет и даже собственная помощница «на телефоне». Мою работу в компании «МедиаСтар» очень ценили, я чувствовал себя нужным и востребованным – разве не это важно для каждого человека?

Постепенно артистов становилось все больше. В нашей компании появились ДеЦл, «Отпетые мошенники», Лариса Черникова со своим «Я люблю тебя, Дима», группа «Комбинация». Артистов, которые сотрудничали с нами на постоянной основе, набралось уже около пятнадцати, и для всех я организовывал выступления. Постепенно у меня появились устойчивые контакты в регионах, вместе с этим устойчивые доходы – ведь моя «зарплата» состояла из процентов за каждый проданный концерт.

Мы сняли офис побольше, людей, которые помогали мне в моей деятельности, тоже прибавилось – их стало уже восемь человек, и это были не только организаторы гастролей, но и пиар-менеджеры, которые обеспечивали контакты с прессой и освещали жизнь артистов, с которыми мы сотрудничали.

Параллельно с этим я следил за судьбой Мурата Насырова. Со своим новым продюсером, Александром Иратовым, он записал несколько хитовых песен, которые впоследствии вошли в его первый альбом «Кто-то простит».

С самым известным хитом Мурата «Мальчик хочет в Тамбов» произошла следующая история. Автор текста пробовал записывать песню с разными исполнителями, но нужный голос все никак не находил. Когда Мурат попал на студию «Союз», ему тоже среди всех прочих предложили попробовать спеть эту композицию, но Мурат наотрез отказался:

– Да вы что! Я эту песню петь не буду, она совершенно не в моем стиле!

Но в итоге Мурата всеми правдами и неправдами уломали, и когда он сделал пробную запись, сразу же стало ясно, что это настоящий хит, и песню необходимо обязательно включить в новый альбом.

Так и появился зажигательный шлягер «Мальчик хочет в Тамбов». Несмотря на то что песня принесла Мурату бешеную популярность, он ее не любил. Считал, что для него, выпускника Гнесинки, зазорно петь подобные вещи. Но факт остается фактом – «Мальчик хочет в Тамбов» стал визитной карточкой Насырова, и до сих пор, вспоминая Мурата, в первую очередь приходят на ум именно эти строчки.

Чуть позже появился хит «Я – это ты», состоялся дуэт с Аленой Апиной, который также прибавил популярности Мурату. Таким образом, когда студия «Союз» выпустила первый альбом Мурата Насырова, он занял верхние строчки рейтингов. Буквально «выстрелил».

Я искренне радовался за своего бывшего подопечного. С одной стороны, мне было немного обидно, что Мурат работает без меня и что моим проектом, который я начинал и в который вложил столько сил, теперь занимаются другие люди. С другой стороны, я чувствовал себя причастным к этому успеху, и к тому же мои собственные дела шли очень хорошо – мне не было смысла ни обижаться, ни страдать. А с Муратом мы довольно часто виделись, не скажу, что дружили, но обменивались впечатлениями или хотя бы дежурными «привет-привет». Я знал, что Мурат тоже очень переживал наш с ним разрыв, и было бы лицемерием делать вид, что ничего не случилось.

Я тоже помнил эту историю. Даже спустя несколько лет не мог забыть, как нельзя забыть свою первую любовь. Это невозможно…

Время летело, компания «МедиаСтар» росла и расширялась, и в какой-то момент Рубен Оганесов – партнер «МедиаСтар» – получил приглашение возглавить музыкальную дирекцию телеканала «Муз-ТВ».

В связи с этим «МедиаСтар» приобрела колоссальное преимущество и возможность расширяться – мы взяли на себя подборку музыкальных видеоклипов для «Муз-ТВ» и съемку интересных телепередач. Это был громадный, причем нарастающий объем работы, который сулил мне совершенно новое положение и новые перспективы. В то время я, можно сказать, сдружился с руководством «МедиаСтар», где ко мне относились с большим уважением, и в какой-то момент Толмацкому стала интересна моя история расставания с Муратом Насыровым.

– Скажи, а почему вы все-таки не работаете вместе? – задал он вопрос. – Хороший артист, с хорошим будущим. Привел бы к нам его…

– Уф…

Мне было не очень приятно ворошить прошлое, но я рассказал, как все произошло, и Толмацкий, надо сказать, довольно близко к сердцу принял случившееся.

– Так не делается! – сказал он. – Ты работал с артистом, ты имеешь к нему прямое отношение, и у вас со студией «Союз» был контракт. Значит, студия «Союз» должна была выплатить тебе как минимум какое-то вознаграждение. Но просто так взять и расторгнуть договор? Это неправильно. Будем разбираться…

Кто, кому и сколько должен – это отдельная тема, которая в те годы в шоу-бизнесе практически никак не регулировалась. Да и само понятие «российский шоу-бизнес» возникло лишь в 90-е, поэтому у каждого была своя правда, каждый решал для себя что-то свое и делал так, как понимал. И у каждого было свое мнение, спорить можно было до бесконечности, поэтому каких-то особых претензий к студии «Союз» я не имел.

Тем не менее ситуация разрешилась неожиданным образом… самим Муратом.

В один прекрасный день он приехал ко мне и выразил искреннее сожаление по поводу нашего разрыва. Сейчас расстановка сил была уже совершенно иной, и разговор велся в другом ключе:

– Поскольку сейчас ты сотрудничаешь с «МедиаСтар», возможности которой довольно велики, я тоже популярен… Так, может быть, я смог бы компенсировать все былое, просто подписав новый контракт? – спросил Мурат.

– Я думаю, – сказал я, – что это будет справедливо.

Таким образом, уладив все формальности со студией «Союз» и «получив в распоряжение» Мурата Насырова, мы подписали с ним новый контракт на семь лет, где я официально значился как его продюсер, подробно были описаны все условия нашего сотрудничества, и в дальнейшем подобных конфликтов уже не возникало. Воссоединение состоялось.

И я, и Мурат были очень рады, что все так устроилось, поскольку оба очень переживали – я из-за потери артиста, а Мурат – из-за выбора, который ему вольно и невольно, но пришлось сделать.

Мурат возвращается

После того как Мурат подписал контракт с «МедиаСтар», мы приступили к записи нового альбома под названием «Разбуди меня».

Что-то сразу не клеилось… Набралось уже порядка десяти песен, но ни одна из них не могла сравниться по динамике с теми же «Лунными ночами» или «Мальчик хочет в Тамбов».

– Мурик, нам нужна какая-то интересная заглавная песня, ради которой будут покупать твой альбом, – попросил я. – Что-то очень заводное, но в то же время простое.

Мурат кивал, потом носил мне свои композиции – причем их было довольно много, но все они явно не тянули на статус хита.

– Слушай, песни, конечно, хорошие, – дипломатично намекал я. – Но нам бы что-нибудь повеселее, поярче.

– Куда уже ярче, – обижался Мурат. – Вот смотри, какой интересный ритмический рисунок, – и Мурат снова включал очередную песню, пытаясь «заставить» меня в нее поверить.

– Но не цепляет…

– Да что значит «не цепляет»?! – ощетинивался Мурат. – Это совершенно новое, в это вслушаться надо! Привыкнуть! Я же не могу писать в одном и том же стиле! Абсурд!

– Мурик, – вкрадчиво говорил я. – Публике не нужно в песню «вслушиваться». Люди должны сразу полюбить ее, а не привыкать к ней годами, понимаешь? Никто не будет крутить ее по десять раз, чтобы понять, о чем она, и оценить «новый ритмический рисунок»? Сечешь?

– О, Господи, – Мурат поднимал глаза и воздевал к небу руки. – И какую песню, по-твоему, публика сразу может полюбить?

– Вот, например, сейчас очень популярны Рики Мартин и Энрике Иглесиас. Латинские мотивы. Если сможешь изобразить что-нибудь подобное, будет просто чудесно!

– Я попробую, – буркнул Мурат и сгреб все свои кассеты в сумку.

Через пару дней Мурат снова появился на пороге студии.

– А вот, послушай, что получилось. – Тут же поставил он кассету и развалился в кресле, жестом приглашая меня оторваться от дел.

Заиграла довольно динамичная музыка именно в латиноамериканском стиле, как я и просил, немного «подогнанном» на европейский лад:

Ловила на губы,
Ловила на глазки,
Поймала – не отпускает,
Обнимает и ласкает…

– лилось из динамиков.

– О, слушай, вот это совсем другое дело! – оживился я. – Вот это мне нравится.

– Ну, вот, – улыбнулся Мурат. – Это, по-твоему, яркая песня?

– Думаю, да, – засмеялся я… – На нее и клип снимать будем.

Я дал послушать песню всем остальным знатокам «МедиаСтара»: Саше Толмацкому, Рубену Оганезову, Юре Айзеншпису…

– Да-да, все нормально, берем, – кратко комментировал Толмацкий. – Будем клип делать.

– Слушай, а неплохо! – констатировал Оганезов.

Айзеншпис был еще более конкретен.

– Где такую взял? – сразу же поинтересовался он, поскольку в этот момент, как и всегда в своей жизни думал о своих музыкантах и прикидывал, может, этот композитор напишет для них что-нибудь…

– Это Мурат Насыров, – ответил я.

– А-а-а, – разочарованно протянул Айзеншпис, и все вопросы были сняты. В том числе и о том, будет ли песня популярной.

Клип отсняли с участием балета «Тодес» Аллы Духовой, которая настолько влюбилась в эту композицию, что прислала своих девушек, не взяв ни копейки, со словами:

– Знаешь, мне достаточно, что этот ролик увидит вся Россия… И это все лично для тебя, Арман.

Все вышло так, как и задумывалось. Песня «Ловила на глазки…» после выхода альбома принесла Насырову бешеный успех, заняв первые строчки рейтингов и зазвучав на всех крупных радиостанциях.

Начался новый подъем в жизни Мурата – график гастролей был настолько плотным, что его семье оставалось только вздыхать, ожидая папу и мужа из многочисленных поездок. Поскольку Наташа занималась воспитанием Акима, ей было сложно сопровождать Мурата в поездках.

В отличие от хитов «Мальчик хочет в Тамбов» и «Лунные ночи», песня «Ловила на губы» не была кавер-версией, она являлась оригинальной композицией Мурата и его личной заслугой. Песня принесла Насырову триумф не только как исполнителю, но и как автору.

Но Мурат находился в постоянном конфликте между

желанием развиваться как музыкант, доводить до идеала каждое свое произведение и необходимостью учитывать вкусы и предпочтения публики. Это был своеобразный «камень преткновения» – причем, наверное, речь сейчас пойдет не только и не столько о Мурате, сколько о вечном конфликте творчества и бизнеса, когда приходится искать достойный компромисс.

Мурат наотрез отказывался признавать тот факт, что сложное и интересное, с его точки зрения, произведение может быть совершенно неинтересно широкой публике. Ему было грустно оттого, что, кроме ценителей, мало кого интересовали все эти изощренные пассажи, которые Мурат придумывал в большом количестве и все надеялся на то, что это кто-то оценит.

– Ты понимаешь, Мурат, – объяснял я ему, – у тебя великолепный голос, прекрасное образование. А обычный слушатель музыкальную школу не заканчивал и в хор не ходил, он хочет просто прийти к друзьям в гости, спеть вместе со всеми песню, потанцевать и отдохнуть. Что ты его грузишь?

– Я что, должен ориентироваться на колхоз в деревне уральской области? – огрызался Мурат.

– При чем тут колхоз уральской области? – взрывался я в свою очередь. – Хотя, между прочим, я тоже из села приехал. Но я, например, люблю «Битлз» слушать – ты еще скажи, что это вульгарный музон «на потребу публики». Можешь что-нибудь в этом роде предложить?

У Мурата аргументов не находилось. Но обстановка постепенно накалялась – ему явно не хотелось всю жизнь писать незамысловатые шлягеры, он, как и любой профессионал, мечтал «сыграть Гамлета». Или, по крайней мере, оставить после себя что-то значительное, что можно было бы отнести к разряду великого искусства.

Я очень хорошо понимал Мурата. Он разрывался между необходимостью развлекать людей и внутренней потребностью самовыражения. А человек он был очень тонкий, со сложной душевной организацией и особым видением мира.

Тем не менее мы сняли еще несколько клипов на те песни, которые показались нам наиболее удачными в альбоме – это «Девственница» и «Кусочки льда». «Девственница», снятая в стиле японского аниме, оказалась не слишком востребованной. А с «Кусочками льда», довольно романтичным клипом, который мы снимали на Украине, мы немного опоздали – нам нужно было запускать его в трансляцию раньше, чем «Ловила на губы». А мы сделали его позже, и он попросту затерялся на фоне своего более удачливого музыкального конкурента.

Отдельно можно назвать песню «Isn\'t joke» [1] – первая и

последняя композиция Мурата на английском языке. Нам было интересно посмотреть, как зрителю понравится такой эксперимент, даже сняли клип в стиле 70-х годов. Но песня, к сожалению, популярной не стала, и впоследствии не вошла ни в один альбом. Зато стало ясно, что это совершенно не его стиль.

Но это было, наверное, единственным грустным моментом. Остальное нас радовало. Меня – то, что я мог гораздо чаще общаться с Муратом. Как только выдавалась возможность, я старался лететь с ним на гастроли, хотя это в мои обязанности концертного директора вовсе не входило.

Я никогда не говорил Мурату, насколько сильно я был привязан к нему как к человеку и насколько сильно я любил все, что он делал. У нас с ним вообще не было принято обсуждать что-то вслух. Потом я горько жалел о том, что держал дистанцию, но так у нас повелось с самого начала. К тому же в тот момент я, как и многие жители Земли, искренне полагал, что «все еще успеется»…

Я болел этим проектом. А иначе и быть не могло – нельзя работать с артистом, не любя его творчество и его самого как личность. Мне нравилась вся Муратова лирика. Большинство песен, которые он писал, были близки мне, как и духовно близок был и сам Мурат. Иногда мы с Насыровым даже шутили, что я попал в шоу-бизнес благодаря творчеству Мурата, а Мурат – благодаря моей настойчивости.

* * *

Еще одна грань характера Насырова – любовь к шуткам и розыгрышам. Ни одна гастрольная поездка не обходилась без какой-нибудь веселой проделки или комичного происшествия.

В те времена у нас с Муратом были одинаковые прически – полудлинные темные волосы с мелированными светлыми прядями. Причем я специально подстроился под Мурата, чтобы издалека мы казались идентичными внешне. У нас были даже ситуации, когда в аэропорту на паспортном контроле я предлагал Мурату ради шутки обменяться документами, чтобы проверить, смогут ли нас отличить работники аэропорта или нет. Забавно, но в некоторых случаях это срабатывало – нас регистрировали, а затем мы в самолете хохотали, вспоминая этот эпизод.

Но особенно запомнились гастроли в одном городе, куда мы прибыли по официальному приглашению администрации на один из муниципальных праздников.

Незадолго до этого события Мурат сделал короткую стрижку

для съемок клипа «Isn\'t joke» – а все помнили его с длинными мелированными волосами и в черных очках, это был его фирменный знак. Теперь Мурат был практически не узнаваем, а я оставался в том же стиле и имидже, как Насыров несколькими неделями раньше. Поэтому в голове у нас созрела безумная и дерзкая идея. Сидя в самолете, мы договорились о том, что обменяемся «личностями», и я буду изображать Мурата вплоть до выхода сцену, а Мурат будет стоять в сторонке, как бы со мной.

Вышли мы оба в черных очках, сошли по трапу, подошли к встречающим – а принимали нас в аэропорту очень торжественно, в национальных костюмах, с хлебом-солью, с кортежем. Естественно, стриженого Мурата никто не узнал, зато все «узнали» меня и бросились ко мне со словами:

– Здравствуйте, Мурат!

Я засмеялся, но хлеб-соль принял. Нас рассадили по машинам, повезли в гостиницу, а я с большим удовольствием и некоторой долей тщеславия принимал в свой адрес все то внимание, какое полагается звезде эстрады.

– Удобно ли вам, Мурат? Все ли в порядке, Мурат? Вы что-нибудь хотите, Мурат? – организаторы старались вовсю, а Мурат сзади, наблюдая всю эту суету, тихо хихикал. На него никто не обращал внимания.

Апофеозом этой ситуации стало желание поклонников получить автограф певца, а поскольку все знали, что я «Мурат», то за автографами побежали ко мне. И тут я повел себя крайне «странно», начав отбрыкиваться и отнекиваться:

– Послушайте, это шутка. Я не Мурат, Мурат – это он. – Я показывал на стоящего рядом настоящего Мурата, но мне никто не верил.

– Тебе что, трудно дать автограф, да? – недоумевали люди. – Звездная болезнь началась?

И обиженно отходили прочь.

Ситуация с поклонниками чуть не закончилась скандалом, но тут начался концерт, и на возглас конферансье: «Встречайте, Мурат Насыров!» – под овации зрителей выбежал настоящий Мурат, а я остался стоять за кулисами, наблюдая весь этот спектакль.

Организаторы дар речи потеряли.

– Это что, шутка, да? – обратился ко мне кто-то из администрации за кулисами, пока Мурат пел.

– Это не шутка, – с серьезным видом ответил я. – Это безопасность.

Сказал – и забыл. Зато в администрации не забыли. К вечеру нас с Муратом уже настолько плотно обложили охраной, что я

триста раз пожалел о том, что сказал. Зато с безопасностью у нас проблем не было.

Как-то Мурату, подуставшему от перелетов, выступлений, банкетов, как назло захотелось прогуляться по городу, о чем он мне и поведал:

– Может, пройдемся? Город посмотрим. Погода, смотри, какая отличная! – Мурат был преисполнен самых что ни на есть возвышенных чувств и мечтал хоть сколько-нибудь отдохнуть.

– Как же мы пройдемся, если везде охрана? – говорю. – Нас просто так не выпустят.

– А мы убежим! – Глаза Мурата сияли в предвкушении увлекательной интриги.

Улучив момент, мы вышли из зала, где проходил банкет в честь городских властей. Под предлогом «пойти покурить», мы спустились по лестнице и вышли через черный ход. И тут же бросились бежать, что есть прыти. Пробежав несколько кварталов, взмыленные и уставшие, мы, наконец, остановились и дали себе возможность отдышаться.

На улицах горели фонари, нас ласкающей дымкой обволакивало теплое южное лето, навстречу двигались освещенные электрическим светом фигурки гуляющих горожан, а мы, счастливые, шагали по улочкам, вдыхая свежий ночной воздух. Вдруг Мурат толкнул меня в бок:

– Слушай, ты ничего странного не замечаешь? – и показал рукой в конец улицы.

– Нет, – насторожился я. – А что случилось?

– Присмотрись, – тихонько произнес Мурат. – Люди, которые идут нам навстречу. Вот вдалеке они есть. А вблизи их – нет. Они до нас не доходят. Исчезают…

Я удивился и принялся смотреть туда, куда показывает мне Мурат. Он был прав. Я своими собственными глазами увидел, как люди вдалеке, которые шли – кто парочками, кто компанией, кто поодиночке, – вдруг пропадали прямо глазах. Будто растворялись в пространстве.

Мне стало страшно, по спине заструился легкий холодок. На часах – два ночи, мы с Муратом в чужом городе, никого не знаем, в каком районе мы находимся, неизвестно. Впереди нас – полтергейст, свидетелем явления которого мы с Насыровым в настоящий момент были. Повинуясь инстинкту самосохранения, я оглянулся, чтобы увидеть, что происходит у меня за спиной. И…

…тут все и объяснилось.

Позади нас, метрах в пятидесяти, ехала машина службы безопасности с выключенными фарами. А впереди, если приглядеться, курсировал точно такой же автомобиль, который

разгонял всех, кто шел навстречу, освобождая путь мне и Мурату.

Видимо, мы с Насыровым совершенно наивно предполагали, что нашего ухода никто не заметил, а на самом-то деле нас тут же бросились догонять, только поступили при этом максимально деликатно – близко не подъезжали, а дали возможность спокойно насладиться урбанистическими пейзажами.

– Боже мой! – воскликнул Насыров и засмеялся. – Детективный сюжет! Мы думали, что это мы провели охрану, а оказывается, это охрана провела нас.

Позже мы еще долго обсуждали этот эпизод и, надо сказать, оценили по достоинству службу безопасности города.

Еще один увлекательный случай произошел в том же году, когда наша общая подруга Александра Буратаева баллотировалась в Госдуму. Выборы проходили в Калмыкии, и Саша обратилась с просьбой ко мне и Мурату:

– Не могли бы вы приехать в Элисту, поддержать выборы, спеть в мою поддержку несколько песен?

Это обычная ситуация, когда во время предвыборной кампании в поддержку кандидатов выступают артисты. Мы согласились.

Основным конкурентом Буратаевой была Елена Батурина, супруга мэра Москвы, поэтому борьба ожидалась нешуточной. Анекдотичность ситуации состояла в том, что в поддержку Елены Николаевны тоже организовывались концерты, так мы и летели двумя самолетами, один – в поддержку Батуриной, другой – в поддержку Буратаевой. Вот только батуринский самолет прилетел раньше, а наш попал в полосу нелетной погоды, его посадили в Волгограде. Я, как назло, почувствовал себя неважно – болело горло, поднялась высокая температура. Заболел, словом.

От Волгограда – часа четыре до Элисты, а концерт должен вот-вот начаться. Нас встретили, мы тут же выехали в Элисту, но все-таки умудрились опоздать почти на три часа. Концерт должен был начаться в семь, мы приехали в десять. В это время Александра на сцене развлекала народ, как умела, рассказывая зрителям различные истории и обещая, что «вот-вот здесь появится Мурат Насыров».

Наконец Насыров действительно вышел. Публика, которая с нетерпением ждала этого события, была в восторге, кричала, хлопала и бросала на сцену цветы и игрушки. Отработав свой концерт и сказав много теплых слов в поддержку Александры Буратаевой, мы с Муратом засобирались обратно в Москву.

Но не тут-то было. По приезде в аэропорт выяснилось, что погода до сих пор нелетная – над городом навис плотный декабрьский туман, вылететь было нереально, единственный

утренний рейс – и тот отменен.

– Слушай, я не могу столько ждать, – занервничал Мурат. Это был канун дня его рождения, были приглашены гости, событие собирались отметить довольно торжественно. – Мне нужно попасть в Москву во что бы то ни стало.

– Но ты даже на поезд сейчас билета не купишь. А если и купишь, то все равно не успеешь, – сказал я.

– Что же делать?

– Езжайте на машине.

– А ты?

– Остаюсь, заболел. – Я мечтал только об одном: добраться до гостиницы и лечь спать.

Мурат взял у Саши Буратаевой джип и вместе с музыкантами рванул в Москву – за тысячу километров – в надежде успеть на свой собственный банкет. А я остался в Элисте выздоравливать и ожидать летной погоды.

Спустя сутки Мурат позвонил мне и сообщил, что доехал и что все в порядке.

– Только, представляешь, меня раз пять по дороге гаишники останавливали, – со смехом рассказывал он. – Видели меня за рулем, спрашивали документы, долго изучали и не верили, что я – это я. Потом автографы просили…

А я каждое утро, проведенное в Элисте, будто в день сурка, ехал в аэропорт в ожидании рейса. Каждый день мне объявляли, что рейсы отменяются, и я возвращался обратно в номер. И так всю неделю подряд.

Гастроли – опасные и забавные

Работа продюсера подразумевает не только разъезды по ресторанам с организаторами и артистами, но и множество нештатных ситуаций – от анекдотичных до почти трагичных. И если в первом случае «креатив» заключается в том, как половчее выпутаться из двусмысленности и загладить недоразумение, то во втором случае часто приходилось придумывать, как спасти репутацию, честь, доходы и даже жизнь – свою и артистов.

В те годы, когда я только начинал свою гастрольную деятельность, не было Интернета, да и знакомств особых у меня не водилось – поэтому приходилось действовать по обстоятельствам, подключать интуицию и набираться опыта. Сейчас, например, из Интернета можно многое узнать о заказчике, с которым ты собираешься взаимодействовать, да и сарафанное радио работает неплохо.

* * *

Основное количество забавных происшествий касалось, конечно же, группы «А-Студио», с которой мы регулярно организовывали совместные концерты.

Один из таких курьезных эпизодов произошел во время празднования пятнадцатилетия группы «А-Студио».

А дело было так. В честь юбилея запланировали два живых концерта в концертном зале «Россия», что очень престижно для любой группы и любого артиста. Я подыскивал для концерта спонсоров, а взамен своих услуг попросил, чтобы Мурата тоже включили в программу – он был еще мало известен, и для нас это стало бы отличной рекламой.

Первый концерт прошел с аншлагом, и мы так радовались этому событию, что организовали пышный стол – и пировали чуть ли не всю ночь. Наутро Батырхану Шукенову стало плохо, он отравился. Болела голова, живот, его рвало. Мы пребывали в полной растерянности, не представляя себе, как же он будет сегодня выступать в таком состоянии.

Вызвали «скорую», приехавшая бригада промыла ему желудок, дала дежурные наставления, и Батырхан вышел вечером на сцену. За кулисами его караулили дежурный врач и я – на случай непредвиденных происшествий.

Батырхан пел ровно по одной песне, после чего в спешном порядке выбегал за кулисы к специально подготовленному ведру,

изрыгал из себя фонтан желчи, выпивал тут же подаваемой ему прохладной воды и снова выходил на сцену. Выглядело это примерно так:

– Ваша улыбка и аплодисменты – самая большая награда для на-а-а-ас… – объявлял он после очередной песни и быстренько исчезал за кулисами.

Или:

– Джулии, Джулия, Джули… о-о-о, – и в тот момент, пока звучал проигрыш, Батырхан за сценой снова склонялся над ведром.

Мы ужасно переживали за него, но при этом давились от смеха, слыша все эти звуки и наблюдая всю эту картину. И смех и грех, что называется.

* * *

Еще один веселый случай произошел, когда компании «МедиаСтар» исполнилось три года. Поскольку компания была одним из самых крупных российских лейблов, презентацию события решили провести не где-нибудь, а на телеканале «Россия».

Я договорился, что это будет концертная программа с участием множества звезд эстрады – все они сотрудничали с «МедиаСтар», – и телеканал с воодушевлением воспринял эту идею. Единственное, чего нам не хватало, – это какой-нибудь фишки, изюминки, которая сделала бы праздник праздником, а не просто дежурным концертом.

Вот тут-то и пригодилось мое сходство с Муратом Насыровым и Батырханом Шукеновым: в гримерке нас вдруг осенила замечательная идея по поводу того, что я мог бы выйти с группой «А-Студио» вместо Батырхана!

– Ребята, да вы что! – воскликнул я, недоумевая. – Я, конечно, мог бы где-то шутить на эту тему, но только не на центральном телеканале! Меня же публика съест за такие выходки!

– Арман, да почему нет? – убеждал меня Саша Пряников, ведущий концерта. – Это будет очень забавно, все просто покатятся со смеху. А тебя запомнят!

В конечном итоге я сдался:

– Хорошо, хорошо, уговорили! Но все помидоры, которыми меня закидают зрители, будут ваши!

Три дня я репетировал, подражая манерам Батырхана, с которым я, слава Богу, дружу много лет, и изучил его досконально. Но одно дело – общаться, а другое – копировать,

притом что я не мастер пародии. Пришлось им стать.

Началось представление.

– А теперь – встречайте! – объявил Саша Пряников новых артистов. – Друзья компании «МедиаСтар», группа «А-Студио»!

Вместе с музыкантами я вышел в темных очках, со своей длинной стрижкой и принялся раскрывать рот под фонограмму:

Стоп, ночь, подожди, мне нужны твои огни…

Я пел, махал руками, как Батыр, запрокидывал голову, подходил к музыкантам… И так разошелся, что публика принялась подпевать и аплодировать, воспринимая меня как настоящего певца. А уж что я чувствовал в этот момент! За эти две с небольшим минуты я в полной мере ощутил все то, что чувствует популярный артист, стоя на сцене и исполняя популярную песню. Это было состояние абсолютной эйфории, ощущение положительно заряженной энергетики зала, полный восторг и экстаз.

Но в середине песни идиллия прервалась, поскольку на сцену вышел… настоящий Батырхан Шукенов, и зал буквально обомлел. В одну секунду по зрительским рядам пронесся вздох изумления, и в следующий момент публика буквально взорвалась криками и аплодисментами, перемежаемыми громким хохотом. Шутку все оценили.

– А теперь, – произнес Батыр, – позвольте представить виновника сегодняшнего торжества, директора компании «МедиаСтар-концерт», Армана Давлетярова. Благодаря ему мы с вами собрались здесь и благодаря ему вы ходите на концерты многих популярных исполнителей нашей эстрады!

Столько радости и морального удовлетворения я за всю жизнь, признаться, не испытывал. Зато после этого концерта ребята стали надо мной подшучивать:

– Арман, а не хочешь ли съездить вместо Батыра на гастроли с «А-Студио»? Все равно никто не заметит разницы…

Я отмахивался:

– Ребята, если я там появлюсь, я должен буду петь под фанеру. А это нечестно…

Честно или нет, но кое-кто эту «фишку» просек, и несколько раз мы с «МедиаСтар» попадали в неприятные ситуации – в каком-нибудь городе неизвестные лица объявляли концерты нашей популярной группы, мошенники расклеивали афиши по всему городу, продавали липовые билеты, а затем исчезали в неизвестном направлении. А мне приходилось ходить в милицию и давать объяснения по поводу того, что мы не имеем к этому делу никакого отношения.

* * *

Находчивость хороша только в том случае, если она никому не доставляет неудобств и все стороны остаются при своих интересах. Наверное, это и является самым важным при работе с артистами. Если же человек, имея с тобой дело, что-то потерял – веру, финансы, настроение, то прекрасные идеи вместо радости превращаются в обман.

Однако ситуации не могут быть только черными или белыми. На заре возникновения российского шоу-бизнеса гастроли почти всегда подразумевали наличие нештатных и даже опасных ситуаций.

Многим начинающим бизнесменам в те годы казалось, что шоу-бизнес – это легкие деньги, и, вложив пару копеек, можно получить миллионы. Но, сталкиваясь с настоящим делом и настоящими артистами, вникая в тонкости этого нелегкого ремесла, разочарованные горе-организаторы старались всеми правдами и неправдами получить те деньги, на которые они рассчитывали.

90-е годы печально известны бандитизмом, и не секрет, что во многих регионах процветал рэкет, противостоять которому для нас было невозможно, а учитывать и предвидеть его приходилось всегда. Но до конца все просчитать наперед было, конечно же, нереально – каждый менеджер, привозя в какой-либо город творческий коллектив, действовал на свой страх и риск и полагался исключительно на собственное умение улаживать сложные ситуации.

…С одной из групп на пике ее популярности мы объездили почти всю Россию. Все возникавшие коллизии с организаторами нет смысла перечислять, но пара интересных случаев особенно врезалась в память.

Один раз принимающая сторона пообещала устроить нам «объезд» сразу нескольких крупных городов России, а масштаб каждого концерта исчислялся тысячами слушателей. То было отличное и очень заманчивое предложение, на которое мы с радостью согласились.

К сожалению, расчет организаторов оказался неверен – на первом концерте зал не был полон, на втором тоже до аншлага было далеко. И так повторилось в каждом из городов, куда мы приезжали. Честно говоря, я и сам немного сомневался, что мы способны охватить все эти площадки – уж слишком они были огромными, но договор есть договор.

Ребята отлично выступили, получили свои гонорары, однако в последний день, когда должен был произойти финальный

расчет, я почувствовал что-то неладное. Объяснить это чувство ничем, кроме как интуицией, невозможно – внешне все происходило точно так же, как и раньше, все друг другу улыбались, были предельно вежливы и корректны. Вдруг один из администраторов, увидев мое растерянное лицо, подтвердил мои опасения.

– Вы знаете, у нас есть небольшая проблема, – тихонько объявил он и внимательно посмотрел на меня, чтобы определить ответную реакцию.

– Какая? – спрашиваю. А сам при этом понимаю, что мои опасения оказались не напрасны.

– Дело в том, что организаторы недополучили свою прибыль, – спокойно объяснил мне администратор. – Они слишком потратились на свет, звук и аренду залов, а достаточное количество слушателей не собрали. Мне кажется, что они захотят каким-то образом возместить свои расходы…

– Как именно?

– После концерта они пригласят вас на ужин, – продолжил администратор, – поэтому если вы не хотите неприятностей, вам лучше как можно быстрее уехать… Собственно, все. Вам решать.

И действительно, после окончания концерта ко мне подошел один из организаторов и радостно объявил:

– Ну, что ж. Нам все понравилось, большое спасибо! Ждем вас вечером на ужин в честь окончания нашей истории…

* * *

Наскоро поблагодарив приглашающую сторону, я пообещал приехать, а сам потихоньку разыграл целое театральное представление. Группа моя отправилась, как ни в чем не бывало, в гостиницу якобы отдыхать. Через некоторое время я позвонил им, они в обстановке строжайшей секретности собрались и через черный ход спустились вниз по лестнице на улицу. Мы поймали такси, и я отправил ребят в аэропорт, чтобы последним ночным рейсом они улетели в Москву.

А я – делать нечего – остался улаживать все вопросы…

В ресторане наши деловые партнеры начали разговор практически без предисловий:

– Дело в том, что наши расходы значительно превысили доходы по вашим концертам… – объяснил мне один из организаторов.

– И чем я могу вам помочь? – непонимающе воззрился я на них, ожидая дальнейших предложений с их стороны.

– Думаю, вы должны компенсировать наши расходы, – объявил он. – Мы честно исполняли договор, организовали вам дополнительную охрану, чтобы у вас не было проблем…

– Ребята, мы так не договаривались, – наконец объявил я. – Лично вас я вижу первый раз в своей жизни, вел переговоры с совершенно другими людьми. И у нас не было разговоров о том, что нам положена какая-то охрана и вообще какие-то дополнительные услуги. А сейчас вы просите нас возместить потери, которых мы не планировали и о которых даже не знали…

Разговор растянулся на несколько часов. Мне пришлось звонить с просьбами различным людям, чтобы те перезвонили, в свою очередь, организаторам и помогли найти достойный выход из ситуации. В конечном итоге все закончилось благополучно, но надо понимать, что это был далеко не единичный подобный случай.

В другой раз с выездным администратором поступили еще проще. К нему подошли после концерта и так же вежливо спросили:

– Скажите, это вы администратор группы такой-то?

– Да, а что случилось?

Без предисловий его схватили под руки, затащили в джип, вывезли в чисто поле и начали «переговоры» по поводу дележа вырученных от концертов денег.

* * *

Поначалу, когда деловых контактов у нас было еще не так много, подобное могло произойти в любом городе. Когда нам звонили и приглашали на концерт, мы соглашались и при этом до конца не знали, чего нам ожидать. Решения принимать нужно было быстро, а времени на поиски информации попросту не было. Вы только что поговорили с приглашающей стороной по телефону, но ровным счетом ничего о заказчике не узнали. Кто он? То ли бандит, то ли генерал, то ли местный бизнесмен. Выясняется это уже на месте, когда сходишь с трапа самолета и попадаешь в другой, неизвестный тебе мир.

В особенно пикантные переделки нередко попадали артистки-девушки, с которыми мне приходилось гастролировать. Наши эстрадные дивы – симпатичные, стройные, интересные, чем не приманка для любителей экзотического досуга? Периодически кто-то пытался заманить их помимо выступлений еще и в качестве эскорта, и приходилось объяснять, что мы этим категорически не занимаемся.

Но не всегда нас достаточно хорошо понимали.

– Так. После концерта девочек берете – и быстренько в баньку, наш босс их там ждет… – командовал кто-то из местных устроителей гастролей. – Мы вам деньги хорошие заплатили, не за песни и пляски же. И никаких разговоров!

Это называется «попали». Мы при этом находимся в чужом городе, за тысячи километров от Москвы, помощи ждать абсолютно неоткуда. Что делать?

– Скажите, а ваш босс – серьезный человек? – осторожно начинал я.

– Серьезный, серьезный. А в чем дело? – удивлялся собеседник.

– Ну, в смысле, он не боится каких-то неприятностей со здоровьем, например? – уточнял я.

– Какие, к черту, неприятности! – начинал выходить из себя мой визави. – Если через полчаса девочек у нас не будет, у вас самих будут проблемы со здоровьем!..

– Нет, я не в том смысле, – многозначительно улыбался я. – Я в том смысле, что девочки наши – хорошенькие, нужны всем, везде нарасхват. Понимаете о чем я?

– Не совсем, – настораживался тот.

– Ну, как же, – объяснял я. – Они постоянно гастролируют, в каждом городе их приглашают… И я не уверен, честно говоря, что у них нет какой-нибудь заразы… Не рекомендую. Особенно если ваш босс серьезный человек – зачем ему такие проблемы? Да и у вас могут тоже быть неприятности… Вижу, что и вы, уважаемый, человек порядочный, семейный…

Внезапно до него доходило вышесказанное, он смотрел на меня глазами, полными ужаса:

– Это правда, что ли? – и пытался понять, шучу я или нет.

– Конечно… Так что, везти девочек?

– Нет, нет, я поехал! И вы тоже уезжайте отсюда, да побыстрее! – махал он руками, четко давая понять, что разговор окончен.

Когда, сидя в самолете, я рассказывал музыкантам об этом происшествии, все очень смеялись. Хотя лично мне было далеко не смешно – и я не знаю, как бы я поступил, если бы не нашел нужных слов. Правда, потом мне пришлось оправдываться перед группой:

– Ребята, уж извините, что мне пришлось сказать неправду про вас, но иначе мы бы оттуда не выбрались.

Но никто, естественно, не обижаллся. Девчонки понимали, что все могло закончиться весьма и весьма плачевно, поэтому, скорее, вздыхали с облегчением. Наверное, это как раз и есть

находчивость в самом конкретном ее исполнении.

Баглан Садвакасов

Баглан Садвакасов был по натуре довольно мягким человеком. Доброжелательный, неконфликтный, к нему можно было позвонить и приехать в любое время дня и ночи – он и выслушает, и поймет. Поэтому Багу все очень любили.

Он был очень трогательный. Конечно, мы с ним порой и ругались, потому что я иногда мог вспылить сгоряча, а у него характер мягкий. Я наседал, он отбрыкивался. Например, меня всегда раздражала его привычка вечно повсюду опаздывать. Сам я человек очень пунктуальный, и я никак не мог взять в толк: как это можно – не рассчитать время, неизвестно сколько одеваться и прихорашиваться пусть даже и на концерт, заставляя других ждать.

– Мне что, эти двадцать минут деть некуда? – отчитывал я.

Однако мы неизменно мирились. А уж о том, сколько мы провисели на телефоне, обмениваясь ежедневными впечатлениями и происшествиями в шоу-бизнесе, можно целый сонет сочинить. Или, по крайней мере, мы бы дали фору любой домохозяйке.

В то время, когда наша с Муратом история только начиналась, а были мы очень молоды, у нас постоянно находился повод для недовольства друг другом – Мурат хотел чувствовать себя важным и значимым, а я, в свою очередь, доказывал ему, как много зависит от моих усилий.

Признаюсь еще раз, творчество Мурата мне нравилось всегда, более того, я был очарован его голосом, песнями, его талантом. И хотел показать, что никто не будет так предан ему, как я – и это правда. Многое в отношениях артиста и продюсера действительно решает святая уверенность продюсера в том, что его артист – гениален, бесподобен, что он лучший, только нужно донести это до публики. Но когда в команде собираются два лидера, трений не избежать.

Баглан был нашим общим другом, и кому, как не ему, можно было поплакаться в жилетку и пожаловаться – причем каждый знал, что Бага никогда не растрезвонит чужие секреты и к каждому отнесется с сочувствием. Он все время нас с Муратом мирил. Периодически Бага взрывался:

– Слушайте, вы достали меня уже оба! Решайте свои проблемы сами, хватит жаловаться!

Но надолго его гнева не хватало, и все возвращалось на круги своя – слово за слово, и снова у нас с Багой находилось, о чем поговорить и на что посетовать. Делились мы всем. А поскольку я

в те годы сотрудничал с «А-Студио», то мы были вместе чуть ли не двадцать четыре часа в сутки и, можно сказать, наша дружба становилась все более крепкой.

Бага жил в Сокольниках, я – на Электрозаводской, в небольшой башне, мы были в курсе дел друг друга, даже мебель вместе покупали.

Постепенно у нас сформировался собственный круг общения, тесная компания друзей, которых я могу назвать настоящими.

Мы дружили с «А-Студио» и, кроме того, в нашу компанию влилась телеведущая Саша Буратаева. Свободное время мы проводили очень просто. Несколько раз в неделю мы устраивали «плов-пати»: варили плов и собирались компанией его отведать – такие посиделки порой затягивались до самого утра. А люди мы были молодые, энергии много, и я до сих пор не могу понять, как умудрялась Саша, просидев с нами чуть ли не до пяти утра, отправиться затем в «Останкино» и провести прямой эфир? По окончании эфира у нее еще хватало сил позвонить каждому из нас с вопросом:

– Ну, как дела?

Это было очень веселое время, насыщенное событиями, дружескими встречами и забавными происшествиями. Чего стоила только история с «копейкой», первой машиной Баглана…

Позволить себе новый автомобиль он не мог, поэтому купил старенький «жигуль» первой модели, битый, крашеный и ржавый. Смотрелась машина очень колоритно, к тому же ездить на ней Бага не умел – купить-то купил, а права так и не получил. Так машина и стояла первое время во дворе, никто к ней не подходил, хотя Бага все время порывался забраться в нее и прямо без прав начать рулить. На что Батырхан Шукенов всегда его останавливал:

– Да ты что! Сначала ездить научись, потом за руль будешь садиться!

В наших глазах это было просто неприкрытым занудством, и нам совершенно не хотелось слушать его нравоучения. Поэтому в один прекрасный день Бага все-таки не выдержал:

– Нет, я поеду! Мужик я или не мужик?

И смело сел за руль, завел машину, нажал на газ… Я сидел рядом с водителем. А дальше… Дальше произошло неописуемое. Машина рванула с места, я от страха вцепился в переднюю панель и закричал:

– Правее! Нет… Левее! Да куда ты рулишь! Осторожнее!

Но Бага, похоже, ничего не слышал – у него тоже была паника. Машина периодически глохла. Баглан не сдавался – заводил ее снова, и снова мы рывком трогались с места. Таким

образом, мы объехали весь двор, и хорошо, что людей на дороге не оказалось. Еще немного покрутившись, мы выехали на проезжую часть.

Далеко уехать не смогли. Сзади и спереди нас окружали машины, перед нами «образовался» троллейбус, вслед за ним мы попытались влиться в общий поток. Бага сидел, напряженно вцепившись в руль, я следил за дорогой и старался не замечать опасности.

Останавливались мы через каждые двести метров. Передохнув, трогались снова. Так мы кружили по району часа, наверное, три – пошел ливень, и мы вообще съехали на обочину, так как продолжать движение при пониженной видимости было невозможно.

Когда мы, наконец, вернулись во двор, то застали там заметно обеспокоенного Батырхана, который нервно прохаживался по автостоянке, поглядывая на часы. Увидев нас, он закричал:

– Да вы с ума сошли! Я думал, вас давно уже в милицию забрали, что вы машину разбили, что вас нужно по больницам искать!

Батыр блистал красноречием, долго и цветисто излагая все то, что пришло ему в голову в связи с нашим отсутствием. Наконец, он подытожил:

– Завтра же на курсы вождения! И пока права не получите, чтобы я вас около машины больше не видел!

Признаться, мы и сами, натерпевшись страху, поняли, что промахнулись, без подготовки усевшись за руль.

Эта смешная Багина «копейка», к которой мы все испытывали уже почти нежные чувства, еще долго доставляла нам массу забавных впечатлений.

Сашу Буратаеву везде узнавали… И когда мы компанией садились в машину, Александра, красиво одетая и причесанная, восседала на первом сиденье. Тогда на нас оглядывались все участники движения. Чуть позже мы притормаживали на светофоре, и кто-то обязательно кричал ей:

– Эй, дамочка! Не могла получше такси найти?!

Саша хохотала в ответ, мы тоже шутили на эту тему, довольные произведенным эффектом, и спокойно ехали дальше.

С автомобилями у Баглана вообще была связана масса забавных историй.

Когда легендарная «копейка» была продана, Бага купил более модную машину – японскую, праворульную, полуспортивного типа. В устройстве автомобилей Баглан ничего не понимал, точно так же, как и я, но ездить очень любил.

И вот однажды ночью едем мы с ним по городу, и вдруг машина заглохла. Стала – и все. Мы ее заводили и так, и эдак, и толкали – не помогает. Наконец Бага вышел из машины, достал гаечный ключ, открыл капот и начал что-то там чинить. Точнее, я думал, что он чинит, поскольку слышал отчетливый стук ключа и терпеливо ждал, когда же Бага закончит свои манипуляции.

Минут через десять я вышел из машины и увидел, что Баглан стоит с открытым капотом и мерно постукивает гаечным ключом по двигателю – то там, то здесь.

– Что ты такое делаешь? – изумился я.

– Я думаю, может, где что засорилось, – с умным видом ответил мне Бага и продолжал постукивать. – Я слышал, что так нужно делать.

– Давай помогу, – предложил я.

Таким образом, мы проверили все – уровень масла, заряд аккумулятора, свечи. Возились мы с ним полчаса. Все вроде бы в порядке, но машина не заводилась – и все тут.

– Может, таксиста остановим, попросим помочь? – предложил я. – Иначе всю ночь тут простоим.

– Давай попробуем, – согласился Баглан.

Минут через пять рядом с нами остановился автомобиль, водитель которого сразу же полез проверять панель приборов. Едва он сел за руль, как мы услышали из салона оглушительный хохот:

– Ну, вы даете, ребята, такое в первый раз вижу, – покатывался он со смеху. – Вы хоть знаете, что у вас бензин закончился?

– Нет, – растерялся Бага. – А как это узнать?

– Да вот же значок, – указал таксист и назидательно сообщил: – Надо же сначала с машиной ознакомиться, прежде чем за руль садиться. Вы хоть правила-то учили?

– Учили, учили, – буркнул сконфуженный Баглан. – Еще как учили…

К счастью, до ближайшей заправки было метров пятьсот. Вынув из багажника металлическую канистру, я рванул на заправку покупать бензин, который бдительные заправщики наотрез отказывались продавать, мотивируя это тем, что противопожарными правилами запрещено.

– А что мне, на себе машину толкать? – убеждал их я. – Мы тут стоим недалеко, войдите в положение…

– Не положено, – был ответ.

Наконец после нудных переговоров и объяснений мне налили в канистру три литра бензина, и я торжественно вручил ее Баге, осторожно спросив:

– Надеюсь, как заправляться-то, помнишь?

– Помню, – буркнул Бага. – Хватит ерничать!

И работать, и отдыхать мы ездили вместе всей компанией.

Однажды «А-Студио» выступали с концертами в Дубае. Бага, надо сказать, был страстным поклонником ледовых видов спорта – обожал кататься на коньках, и как раз был очень счастлив, что нашел в Дубае крытый каток, где смог в свободное время беспрепятственно рассекать лед. Но к концу гастролей с ним случилась неприятность, он упал и повредил правую руку.

Поначалу рука не сильно болела, но по приезде в Москву боль оказалась уже нестерпимой. Бага позвонил мне и попросил, чтобы я приехал.

Признаться, я сначала подумал, что ничего серьезного не произошло. Человек вроде ни на что не сетовал, не стонал, и вдруг… Когда я тронул его за плечо, Баглан взвыл от боли и закричал:

– Ой! Зачем ты давишь, мне же больно!

В больнице, куда мы приехали, выяснилось, что у Баги перелом руки. А он, если помните, гитарист. Когда ему наложили гипс, оказалось, что и ухаживать Бага сам за собой не в состоянии – если левой рукой еще кое-как можно поесть, то застегнуть пуговицу или еду приготовить, например, нереально.

И вот начались Багины мытарства. Я у него спрашиваю:

– Слушай, а у тебя подруга есть? Может, приедет, поухаживает за тобой?

– Да какая подруга, о чем ты, – захныкал Бага. – Я ей звоню, а она мне знаешь что отвечает?

– Что?

– Говорит, ну раз у тебя рука сломана, может быть, все остальное как раз в порядке?

– А ты? – интересуюсь.

– А я ей говорю – мол, не понимаешь, что ли, мне сейчас не до этого? У меня все болит! А она трубку – бац!

– Ясно все с тобой, – говорю. – Ну, переселяйся тогда ко мне, что поделаешь.

И зажили мы с ним вместе в моей квартире. Поскольку Бага был временно нетрудоспособен, а я целыми днями занят, поэтому от скуки бедняга не знал, куда себя девать. Когда я вечером приезжал домой, порядком уставший и измотанный, Бага встречал меня с кислым лицом и умолял поговорить с ним о чем-нибудь…

Спал он на стареньком диванчике, другого у меня попросту не было, я в то время не шиковал. У дивана была отломана ножка, поэтому для устойчивости мы подсунули туда стопку

книг. Однажды ночью я проснулся оттого, что услышал глухой стук о пол и жалобный Багин крик:

– Ой, помогите!

Прибегаю к нему в комнату, включаю свет и вижу картину. Книжки выскользнули из-под ножки дивана, Бага лежит на полу и барахтается, прямо как черепаха на панцире, стонет. Сам подняться не может, так как мешает гипс. Я тут же бросился к нему на помощь и через несколько минут, наконец, водрузил друга обратно на диван. Но пришлось подыскать опору, понадежнее книжек…

Когда кости у Баги начали, наконец, потихоньку срастаться, появилась еще одна проблема. Багина рука под гипсом нестерпимо чесалась, доставляя Баге новые мучения.

Однажды ночью я почувствовал, как он толкает меня в плечо. Я открыл глаза: надо мной стоял Бага с большой столовой ложкой в руках:

– Арман… я тебя умоляю… Почеши мне руку, пожалуйста, – и ложку протягивает, мол, так сподручнее.

И я, как ночная нянька, до самого утра чешу этой самой злополучной ложкой больную руку друга.

Неудивительно, что после этой истории с переломом мы настолько близко сдружились с Багланом, что, думаю, стали братьями.

Один сплошной «неформат»

2002-й и 2003-й годы я могу охарактеризовать как довольно странное и хаотичное время в своей жизни. Время перемен. С одной стороны, в этот период возникло множество новых, но так и не завершенных проектов. С другой стороны, произошла масса перестановок, которые заставили меня сомневаться и в себе, и в выбранной сфере деятельности…

Но обо всем по порядку.

Есть артисты, которые сами сочиняют, затем сами развозят свои сочинения по радиостанциям и продюсерским компаниям. Эффект от всего этого, конечно, есть, но лучше и результативнее, если каждый будет заниматься своим делом. Артист должен думать о творчестве, совершенствовать свое мастерство. А продюсер или менеджер на то и существуют, чтобы все, что артист создает, продвигать и предлагать людям.

Считаю, что в этом смысле у нас с Муратом было идеальное разделение труда. Мурат сочинял музыку, записывал ее – я договаривался, ездил на радиостанции, показывал материал, убеждал поставить его в ротацию. Когда мы вновь с ним объединились, работать стало проще, потому что у Мурата было имя, и я мог ничего не объяснять, а просто показывать новые песни.

Однако слово «неформат», такое неприятное и непонятное для многих творческих людей, всегда присутствовало в нашей жизни, и даже Мурат при всей своей популярности этого определения избежать не мог. Нам периодически отказывали. У каждого телеканала или радиостанции есть своя концепция, свой слушатель, и исполнитель должен был втиснуться в это «прокрустово ложе», предложив такое произведение, которое понравится определенному – а еще лучше, как можно более широкому – кругу людей.

Сейчас, работая на популярном телеканале, я прекрасно понимаю, как тяжело молодым исполнителям продвигать свое творчество. Многие радиостанции и телеканалы делают ставку на уже известные широкой публике произведения и руководствуются рейтингами. Когда я с новой композицией Мурата приезжал на какую-нибудь из радиостанций, мне говорили:

– Сначала поставьте ваш клип в ротацию на телеканалах…

Я заезжал на телеканал, мне отвечали:

– Сначала поставьте вашу песню на популярных радиостанциях…

Это был замкнутый круг, прорваться через который помогало

только раскрученное имя Насырова и мое упорство. И все это – заметьте – притом что я обращался от лица крупнейшей компании «МедиаСтар», имея определенный социальный вес и статус.

На этом фоне и возникла идея начать раскрутку новой певицы – Селены – такой псевдоним мы придумали для супруги Мурата Натальи Бойко.

В начале карьеры Мурата Наталья помогала ему, подпевая на бэк-вокале – она окончила Гнесинское училище, и у нее был прекрасный голос. Плюс к этому было огромное желание заниматься творчеством. Правда, Мурат был против такого расклада – два артиста в одной семье обычно не уживаются между собой.

Когда дочка Мурата и Натальи Лия немного подросла, выяснилось, что у родителей появилось свободное время, и Мурат сдался – не было более подходящего момента, чем заняться продвижением и Наташи тоже.

Мы подписали контракт с компанией «МедиаСтар» и начали работу над альбомом новой певицы. Мурат оказывал всяческое содействие, написав для жены несколько песен и сделав кое-какие аранжировки. Я отбирал песни и среди других авторов – таким образом, набралось четырнадцать добротных композиций, которые мы записали на нашей студии.

В том-то и дело, что слово «добротный» в музыке означает «никакой». Песни были, разумеется, профессиональными и качественными, но ярких хитов среди них не оказалось. Они, что называется, не цепляли слушателя. Одна из песен под названием «Корабли» стала достаточно популярной, и ее даже крутили на «Русском радио», но это не был настоящий хит – она повертелась-повертелась, да и забылась.

Чтобы альбом Селены зазвучал в эфире, нужны были денежные вложения, но компания «МедиаСтар», подсчитав свои ресурсы, пришла к выводу, что вкладывать дополнительные средства в этот проект смысла не имеет. Пока были суд да дело, Наталья снова забеременела, и проект сам собой сошел на нет.

Одновременно с этим начали выясняться новые нюансы взаимоотношений Мурата с коллегами и шоу-бизнесом в целом. Ведь с тех пор, как мы расстались, прошло несколько лет, и все изменилось. Мурат стал другим, и я словно заново знакомился с ним.

Я заметил, что с шоу-бизнесом у Мурата складывались не совсем простые отношения. С одной стороны, он был звездой и, несомненно, талантливым человеком. Его голос был сильнее, чем у многих, Мурат имел довольно широкий певческий диапазон. С

другой стороны, он был настолько увлечен своим композиторским творчеством и вокальным искусством, что куда бы ни пришел, заполонял собой все пространство, даже тогда, когда это «по сценарию» не требовалось.

Ну, например. Мурат мог прийти на вечеринку – презентацию альбома или день рождения кого-то из коллег, выйти на сцену и начать петь. При этом он затмевал самого именинника, которому сложно было соперничать с вокальными данными Мурата. Причем просто так в зале Мурат сидеть не мог – проходило какое-то время, он проникался торжественностью мероприятия и выбегал на сцену что-то спеть или сказать. Разумеется, такое нравилось далеко не всем, я бы даже сказал, что лояльно относились к этому единицы – например, Марина Хлебникова, Валерий Меладзе, «А-Студио». Остальные считали его просто выскочкой.

По этому поводу у нас с Муратом часто возникали перепалки.

– Зачем ты выбегаешь на сцену? – наставлял я Мурата. – Сиди спокойно в зале, это же не твой праздник!

Или:

– Когда поешь с кем-то дуэтом, подстраивайся под партнера! Не надо так горланить!

Поскольку я не был музыкантом, Мурат воспринимал мои советы в штыки. Он считал, что я лезу не в свое дело и ограничиваю его свободу самовыражения. Он хотел максимально насладиться популярностью, пока это было возможно. Ведь когда артист востребован и популярен, его все любят, везде зовут, везде приглашают. Как только он начинает сдавать свои позиции, многие из тех, кто с ним здоровался и обнимался, проходят мимо и не подают руки…

Тем не менее одна из немногих команд, с кем у Мурата, несмотря на все трения и неприятности, оставались теплые и искренние отношения до самой смерти – это «А-Студио».

* * *

В 2000 году из «А-Студио» ушел Батырхан Шукенов. Батыр решил заняться сольной карьерой, и это была катастрофа, потому что в «А-Студио» другого вокалиста не было. Остальные музыканты – не поющие. Они остались втроем, необходимо было срочно искать нового солиста.

Баглан Садвакасов всегда находился на бэк-вокале, поэтому решено было, что пока он заменит Батырхана и станет выступать как солист. Кому-то это покажется странным, но другого выхода

на тот момент не было. В таком составе удалось записать несколько песен и выпустить клип «Ночь-подруга», поскольку группа должна была продолжать работать – слишком много было потрачено сил и времени, чтобы все закончилось бесславно.

Параллельно «А-Студио» подыскивали нового вокалиста. В одной из поездок по Америке вокалист, точнее, вокалистка была найдена. Ею стала Полина Гриффис – девушка с очень интересным голосом, талантливая и заводная. Полину музыканты увидели в одном из ночных клубов, где она пела. Всем настолько понравилось ее выступление, что «А-Студио» незамедлительно предложили Полине сотрудничество, на что Полина с удовольствием согласилась.

С приходом Полины в истории «А-Студио» начался новый этап, особенно если учесть, что ранее в их составе девушек не было.

А мы вернемся к Батырхану Шукенову.

Продолжать свою работу Батырхан намеревался с продюсерами одной модной и популярной в то время группы. Продюсеры с большим энтузиазмом взялись за дело, записали целый альбом, но после этого в товарищах закончилось согласье, и разразился конфликт. С чем мне и позвонил Батырхан:

– Арман, я не знаю, что делать. Вроде бы из группы ушел, назад дороги нет. И ситуацию со своими продюсерами не знаю, как разрешить. Посоветуй, как быть…

Мы с Батыром встретились – вдвоем нам было, что обсудить, и отправились к его компаньонам «разговаривать за жизнь». После недолгих переговоров Батырхан ушел работать ко мне, но при этом остался без песен, ведь все, что сделали для него бывшие продюсеры, принадлежало им, а не Батыру. Батырхан не имел права исполнять песни «А-Студио», поскольку не участвовал в группе. Делать нечего – пришлось искать и записывать новые композиции, в чем нам немало помогли ребята из группы «Динамит», да и сам Батыр проявил усердие.

Мало-помалу мы наладили концертную деятельность, особенно часто Батыра стали приглашать в Казахстан. Мы записывали его первый сольный альбом.

* * *

Многие стрессовые ситуации, которые накопились за эти годы, привели меня к тому, что я занялся поиском новых истин. Мне хотелось познать себя, мир, установить его закономерности, понять, куда двигаться дальше и для чего я живу. С тех пор как я

приехал в Москву, отпала необходимость выживать – достиг определенного уровня. Я понимал, что в череде событий слегка потерялся и нужен какой-то новый импульс, возможно, новый смысл жизни.

В те годы «мода» на психологические тренинги только начиналась. И я попал на популярные курсы личностного роста, предполагавшие несколько ступеней участия. Сейчас можно ругать или хвалить методику этих курсов, но с приходом туда для меня начался совершенно иной отсчет времени. Я многое для себя осознал, многое увидел, в чем-то поменял отношение к жизни.

Своего нового увлечения я от окружающих не скрывал. Однако неожиданно обнаружил, что мои коллеги по «МедиаСтар» стали относиться ко мне настороженно и с опаской. Прошел слух, что я связался с тоталитарной сектой. Напряжение постепенно нарастало, и в один прекрасный день ко мне подошел Саша Толмацкий с совершенно конкретными вопросами.

– Я слышал, ты попал в какую-то секту? – спросил он прямо в лоб.

– С чего ты взял? – Я опешил.

– В последнее время ты себя довольно странно ведешь, – объявил Толмацкий. – Сотрудники говорят, что ты задаешь им нелепые вопросы. Некоторых агитируешь вступать в ту же организацию, что и ты. Что вообще происходит?

– Это не секта, Саша, – принялся уверять я. – Это новая американская методика, курсы личностного роста. Я туда хожу, потому что там учат жить полной жизнью, раскрывают новые грани личности…

– Я не знаю, какие грани личности там раскрывают, – отчеканил Толмацкий, – но мне не нравится такое положение вещей. Особенно мне не нравятся все эти утренние собрания, на которых ты агитируешь своих сотрудников и чуть ли не под угрозой увольнения заставляешь их идти туда же…

– О, Боже… – разговор в таком ключе я был совершенно не намерен продолжать. – Саша, ты не прав абсолютно! Никто никому не угрожает, ты что! Я даже не просил никого идти на эти курсы, просто рассказал про них…

А рассказывал об этих курсах я действительно часто и с удовольствием. Прошел первые две ступени, которые в личностном плане дали мне очень многое. Но на этом занятия пришлось прервать, поскольку мое положение в «МедиаСтар» оказалось под угрозой.

Особо задушевные беседы мы вели с Юрием Айзеншписом, который в 2001 году пришел в качестве генерального директора в

«МедиаСтар» со своими проектами – Никитой и Динамитом.

Говорят, Айзеншпис был конфликтным человеком, но со мной он был абсолютно корректен, хотя и своеобразен, а я, в свою очередь, относился к нему с большим уважением. Можно сказать, мы друг другу симпатизировали.

Как-то раз я зашел к нему в кабинет, весь одухотворенный и окрыленный очередными занятиями на курсах, и заговорил о том, что в жизни важнее всего, спросил, к чему он стремится, как строит отношения с людьми и что-то в таком роде. Айзеншпис раскрыл глаза от удивления, только и выдохнул:

– Ты это чего? С тобой все в порядке?

– Юра, со мной все в порядке, – отвечаю. – Просто мне интересно твое мнение. Насколько тебе нравится все то, чем ты занимаешься? Насколько это твое?

– Да я этим живу, – коротко ответил Айзеншпис.

Чуть позже я неоднократно бывал у него дома, видел заставленные радиоприемниками и телевизорами стены – все они были включены одновременно на разных теле– и радиоканалах, и понимал, что он не просто живет этим. Он этим фанатеет. Мог позвонить в половине восьмого утра, на что я весьма болезненно реагировал особенно после того, как в ложился в три ночи, и задать какой-нибудь вопрос в стиле:

– Слушай, а что у нас с этим клипом? Какие планы на сегодня?

Исключая это небольшое неудобство, отношения у нас с ним были очень комфортными и, можно сказать, доверительными. Мы не были друзьями в обычном понимании этого слова, скорее, мы были очень хорошими товарищами и коллегами – Айзеншпис виртуозно разбирался в людях, порой давал мне советы и финансового порядка, и относительно гастрольной деятельности. Никаких разногласий у нас с ним ни разу не возникало. Часто бывало так, что мы оба приезжали на работу раньше всех и могли обсудить видеоролики, новые песни.

Когда Айзеншпис впервые попал в больницу, я счел своим долгом регулярно его навещать – привозил супы и салаты, заказывая все это в проверенных ресторанах, где готовили диетическую кухню. Айзеншпис, в свою очередь, при каждом удобном случае демонстрировал свое расположение ко мне – приглашал на дни рождения, где я сидел за одним столом с такими корифеями шоу-бизнеса, как Борис Зосимов… В те годы я был хоть и перспективным, но все же не самым известным лицом в шоу-бизнесе и уж тем более не самым влиятельным.

Наконец настал кульминационный момент – Айзеншпис объявил о том, что уходит из «МедиаСтар», чтобы создать

собственную компанию и заняться продвижением Димы Билана, который только что пришел к нему как к продюсеру. Этого артиста я впервые увидел в «Метелице», и меня поразило, с каким достоинством он держался и как шикарно был одет, с иголочки и по последней моде, как будто только с подиума сошел. Заметив мою реакцию, Айзеншпис усмехнулся:

– Если ты артист, то должен выглядеть соответственно…

Уход Айзеншписа стал большой неприятностью для «МедиаСтар», так как он был потрясающим менеджером. При нем все работало как часы. Кроме того, Айзеншпис великолепно ориентировался во всех «подводных течениях», держал в голове массу нюансов, о которых я мог тогда только догадываться.

И когда собранием акционеров было решено, что новым генеральным директором компании стану я, тут-то я и понял, насколько непросто было управлять столь крупной компанией с такой разношерстной творческой публикой. В состав «МедиаСтар» входило четыре группы – и студия звукозаписи, и телевидение, и концертный отдел, и пиар-агентство.

Между всеми этими подразделениями существовали особые финансовые отношения, в которые мне было непросто вникнуть. Когда я окончательно устал анализировать и сопоставлять, Александр Толмацкий предложил мне начать с чистого листа. Построить работу по-новому.

– Просто объяви, что поскольку ты назначен новым генеральным директором, с твоим приходом устанавливаются новые правила игры, – посоветовал он.

Я так и сделал. Однако сложности на этом не закончились, ибо помимо финансовых нестыковок существовали еще и творческие. Например, Саша, как генеральный продюсер, считал, что необходимо снять клип для одной певицы, а я предполагал снять его для другой. Право подписи у меня, а я не согласен. Что делать? Я настаивал на своем, Саша – на своем. Несмотря на то что я уважал его мнение и мнение Рубена Оганесова, я не мог быть просто пешкой и имел собственный взгляд на развитие компании.

В итоге отношения осложнились, дополненные конфликтными ситуациями из-за моих курсов личностного роста, и вылились в непримиримые противоречия. В один из не очень прекрасных дней, после неприятного телефонного разговора, я окончательно решил:

– Все, ухожу из компании!

Я понимал, что мои усиленные занятия психологией – последняя капля, и дело вовсе не в курсах, а в том, что настало время разойтись.

Многие сотрудники «МедиаСтар» относились ко мне с уважением, и после того как я объявил о своем уходе и о том, что создаю собственную компанию, большая часть команды присоединилась ко мне. Но почти никто из артистов не смог последовать за мной, так как имел контракты с «МедиаСтар», но все же со мной ушли и Батырхан, как мой проект, и группа «Штар». И снова Мурат Насыров оказался меж двух огней – уйти из «МедиаСтар» он не мог, так как заключил контракт, и полноценно работать там не мог, так как это был артист, которым я занимался и которого «выращивал».

И вновь потянулись мучительные переговоры о Мурате – и опять мне пришлось перетаскивать его из одной компании в другую, особенно на фоне того, что в «МедиаСтар» считали меня чуть ли не персоной нон-грата. Уходя, я увел за собой и Мурата, и всю команду, подвел компанию. Но в том-то и дело, что переманиванием людей я не занимался. Они сами приняли решение работать со мной – при этом в «МедиаСтар» как-то забыли, что создали мне невыносимые условия для работы. Впрочем, то дело прошлое.

Собственную компанию я назвал «Музыкальное единство». Название пришло не сразу – над ним пришлось немало поломать голову до тех пор, пока в одной из поездок меня не навел на мысль Филипп Киркоров:

– Слушай, ты же дружишь с Буратаевой, она возглавляет блок «Молодежное единство». А у тебя пусть будет «Музыкальное единство», тем более что вы работаете вместе. Созвучно.

С «Молодежным единством» мы действительно провели множество совместных акций с участием известных артистов – туры по Северному Кавказу, в частности по Чечне в поддержку беженцев.

В «свободном плавании» я чувствовал себя достаточно комфортно, хотя прежнего статуса и влияния у меня уже не было. У компании «Музыкальное единство» на продюсировании были Мурат Насыров, группа «Штар» и Батырхан Шукенов. Позднее ко мне присоединилась Полина Гриффис, которая покинула «А-Студио» и решила делать сольную карьеру. С собой она привела и Томаса Невергрина, с которым ее связывали романтические отношения. Со многими другими звездами у меня были договоренности о проведении гастролей – все знали, что в нашем исполнении любая поездка пройдет идеально, у меня была отличная репутация, мне доверяли.

Проработав таким образом некоторое время, я было уже решил, что все наладится, как вдруг получил еще один удар, на этот раз от Батырхана Шукенова.

– Арман, – объявил Батыр в один прекрасный день, – ты знаешь, я, наверное, буду работать самостоятельно.

– Как самостоятельно? – не поверил я своим ушам. – А как же наша совместная работа?

– Не обижайся, пожалуйста, – попросил Батыр. – Но я принял решение. Хочу делать это в одиночку…

– Но Батыр! – взмолился я. – Мы столько лет дружим, столько всего вместе видели, ты мне почти как брат, и теперь ты хочешь уйти… Все это я уже пережил однажды с Муратом, а теперь ты толкаешь меня в то же болото, в ту же ситуацию. Зачем? Почему?

От обиды у меня чуть не слезы на глаза навернулись, я был шокирован и морально раздавлен. Наши отношения строились всегда на доверии – не было никаких контрактов, договоров, ограничений. Мне казалось, что так будет вечно и что в дружбе нет места для любого рода торгов. Но все оказалось иначе.

– Ну, хорошо, – ответил я, когда самообладание вернулось ко мне. – В таком случае давай договоримся, что ты отработаешь с нами до Нового года, а после мы прощаемся.

Расставание с Батыром я пережил менее тяжело, чем с Муратом. Я был внутренне готов к ситуации и относился к ней в какой-то мере философски, памятуя, что в этой жизни нет ничего вечного и нет смысла требовать от людей невозможного. Спустя годы я убедился в том, что прощение – самая верная стратегия, которая помогает сохранить не только душу, но и отношения. Прошло время, Батыр еще не раз вспомнил обо мне и не раз посмотрел на ситуацию под другим углом. Сейчас мы с Батыром часто общаемся, а совместно пережитые события делают нашу дружбу особенно человечной.

Моя семья – мое богатство…

Казахи исторически подразделяются на три рода – Старший жуз, Средний жуз и Младший жуз. Разделение на жузы объяснялось в основном местом проживания народностей. Ареал проживания младшего жуза – Западный Казахстан, где преобладают бескрайние ковыльные степи. Средний жуз обосновался в Центральной, Восточной и Северной части Казахстана, а старший жуз – в районе Юга и Семиречья. Соответственно, в силу местоположения каждый жуз имел собственные родственные корни, хотя и общение между жузами – в частности торговля – имело место быть.

Есть также два рода, которые стоят как бы отдельно от всех остальных – это род кожа – потомки дочери Мухаммеда Фатимы и Али, по большей части являющиеся представителями духовенства, и род торе – прямые потомки Чингисхана по мужской линии. Я принадлежу к роду торе.

С детства я усвоил от бабушки, что принадлежу к особому роду, казахская «белая кость», и должен жениться только на девушке такого же сословия.

* * *

До тридцати трех лет я не придавал этому значения, были у меня и увлечения, и длительные отношения, которые к моему огорчению ничем не заканчивались, так как мой образ жизни, подразумевающий многочисленные разъезды и гастроли, семейной жизни не предполагал. Но чем старше я становился, тем все отчетливее понимал, что жениться необходимо, поскольку семья, род, клан – одно из базовых понятий в жизни человека. К тому же казахи, как и любые другие народности, высоко ценят семейные связи, уделяют им большое внимание, и одинокий казах – это, скорее, нонсенс.

Умом я все это, конечно же, понимал, но внутренне был не готов связать с кем-то свою жизнь. Я считал, что при моей профессии это как минимум странно.

В этот период в моей жизни и появился человек, который ее полностью перевернул и перелопатил – я имею в виду Мирзакарима Норбекова и его книгу «Опыт дурака, или Как избавиться от очков».

Одним прекрасным летним днем я сидел у себя в офисе «Музыкального единства», тянулись обычные рабочие будни, и

где-то ближе к обеду заглянула ко мне супруга певца Данко, с которым мы довольно дружны. Мы немного поговорили о том о сем, после чего она сообщила:

– Знаешь, я тебе принесла интересную книгу, вся Москва читает, просто какое-то откровение, скажу тебе, – и положила на стол книжку в мягкой обложке.

Я мельком взглянул на книгу, поблагодарил:

– Спасибо, прочту позже…

И забыл, углубившись в свои дела.

Ближе к вечеру произошел другой эпизод. Прослушивали начинающего певца, который хотел прийти к нам, как мы говорим, на продюсирование – о чем была песня, я уже с трудом припоминаю, зато подарок, который он принес, меня более чем озадачил.

– А вот вам небольшой презент, – радостно объявил певец и положил передо мной на стол ту же самую книгу, которую мне с утра уже подарили.

Оценив это событие как явный намек судьбы, я решил для себя: «Если мне приносят одну и ту же книгу дважды за день разные люди, значит, надо ее прочесть».

Считаю, случайностей не бывает, только закономерности.

Вечером я расположился с этой книгой и не заметил, как за ночь дочитал ее, не отрываясь, до самого конца. Она настолько захватила и впечатлила, что я ловил каждое слово, было интересно, что же дальше. Все в этой книге цепляло, она была настолько неудобной, возмутительной, оскорбительной – Норбеков не стеснялся в выражениях в адрес читателя. Но то, что он изложил, стало настолько серьезным откровением, что я решил – во что бы то ни стало познакомлюсь с автором!

В конце книги я нашел московский телефон офиса Мирзакарима Норбекова и, недолго думая, вскочил в машину и примчался по указанному адресу. В приемной обратился к одной из сидящих там женщин, которую я принял за секретаря:

– Здравствуйте! Я хотел бы познакомиться с господином Норбековым.

Женщина посмотрела на меня и улыбнулась:

– С ним очень многие хотят познакомиться. Почему именно вам должны отдать предпочтение? Вы курсы проходили?

– Нет, не проходил, – признался я, – только что прочитал книгу и был потрясен…

– Очень жаль, что не проходили… Потому что он слишком занят, и вне курсов он при всем желании побеседовать с вами не сможет. До свидания!

Я вышел из кабинета и решил, что просто так не сдамся.

Спустившись вниз, увидел охранника.

– Здравствуйте! – обратился я к нему. – Скажите, пожалуйста, а Мирзакарим Санакулович уже здесь?

– А вы к нему по какому делу? – насторожился тот.

– У меня встреча назначена, – выкрутился я. – Но я приехал раньше и хотел бы узнать, может быть, он уже на месте…

– С утра он обычно на совещании. Только не в кабинете, а в другом помещении, вон там…

– Ой, спасибо! – обрадовался я и поспешил по указанному направлению, твердо уверенный в том, что уж теперь-то я обязательно встречусь с Норбековым.

Пройдя до указанного охранником кабинета, резко открыл дверь и увидел Норбекова, сидящего за столом, еще нескольких людей и ту самую секретаршу, Ольгу Исаакиевну, которая тут же с гневом бросилась ко мне:

– Я же сказала вам, что вас не примут! Зачем вы пришли? – Она была просто вне себя от возмущения.

– Все понимаю, – отвечаю я и отодвигаю ее в сторону. – Здравствуйте, Мирзакарим Санакулович! Меня зовут Арман Давлетяров, я прочитал вашу книгу и очень хотел бы с вами познакомиться!

Повисла тишина.

Норбеков не проронил ни слова, разглядывая меня и пытаясь понять, что мне от него нужно. Затем он перевел взгляд на стол, где лежал какой-то журнал, и на лице его появилось странное выражение.

Надо сказать, что в этот момент проходила моя предвыборная кампания – я баллотировался в Госдуму от Оренбургской области и в связи с этим событием раздавал интервью направо и налево разным изданиям. Активно пиарил себя.

На обложке журнала на столе у Норбекова была моя фотография. Это было еще одно из необычайных совпадений, которое я причисляю к разряду закономерностей.

– Здравствуйте, Арман, – ответил Норбеков. – Мы буквально вчера обсуждали ваше интервью и говорили с моей помощницей о том, что вы наверняка придете к нам. Как видите, мое предвидение не заставило себя ждать.

– Вы необыкновенный человек, – серьезно сообщил я. – Я прочел вашу книгу и, надо сказать, был потрясен ее содержанием. Вы ответили на многие мои вопросы, которые я сам себе задавал, но не знал ответа…

– Ну вот, видите, как хорошо, – улыбнулся Норбеков.

Мы проговорили около получаса, после чего я получил приглашение присоединиться к одной из его групп, что с

удовольствием и сделал.

Повторюсь, что начало 2000-х годов для меня было неясным временем. Я осознавал, что уже немалого добился в жизни, однако чувство беспокойства не давало мне спокойно жить. Все негативные ситуации, которые возникали с артистами или в обыденной жизни беспокоили, хотелось понять причину происходящего. Я все время пребывал в поиске, метался, задавал себе множество вопросов.

Да, у меня были деньги, на которые я мог позволить себе любой образ жизни, какой хотел. Мог сесть в самолет и улететь в любую страну – отдохнуть, посмотреть мир. Был знаком со многими интересными людьми. Но везде я чувствовал себя чужим. Мне было некомфортно, куда бы я ни приехал – и в Америке, и в Испании, и даже в России. Москва впервые за много лет показалась мне холодным удушливым городом, где я тоже не находил себе места. И не понимал, почему испытываю такой дискомфорт.

Обо всем этом я рассказал Норбекову. Он слушал молча. Видимо, на все свои вопросы я должен был ответить сам.

Безусловно, занимаясь на норбековских курсах, я многое для себя понял и многому научился. Наиболее ценным стало то, что случилось однажды на его занятиях. Можно сказать, этот случай перевернул мою жизнь.

Мы делали упражнения с элементами медитации – сидя на своих местах и закрыв глаза, под музыку должны были представлять себе лучшие моменты жизни. Требовалось поймать и зафиксировать те внутренние состояния, когда мы чувствовали радость, счастье, умиротворение.

Во время тренинга в зале нас было человек пятнадцать. Тренер попросил нас:

– А теперь закройте глаза, расслабьтесь, представьте себе любую приятную и позитивную ситуацию. Пропустите это через себя, усильте состояние влюбленности, радости, счастья – любой положительный момент, какой только можете вспомнить.

Сидя на стуле, я проделывал эту работу, прилежно представляя себе картины из своей жизни. И вдруг…

…что-то произошло. Даже спустя много времени не могу ответить на вопрос, что именно. Но внезапно почувствовал, будто на меня направили яркий белый свет, настолько сильный и мощный, будто одновременно на меня нацелились тысячи софитов. Я не только был ослеплен всем этим, но чувствовал идущий жар и вспотел – казалось, каждая пора раскрылась, пропуская наружу влагу. Не открывая глаз, я резко поднял голову вверх и неожиданно для себя разрыдался… Что-то происходило в

моем сознании, в этот момент я будто отчетливо слышал слова:

– Пожалуйста, не уходи, умоляю тебя, я хочу к тебе, пожалуйста… – это было примерно такое же чувство, будто младенца оторвали от груди матери. Ему страшно, плохо, одиноко, он кричит и просится обратно.

Меня трясло, слезы текли градом, я не понимал, что со мной творится, что происходит. В голове проносились какие-то фразы и отдельные слова. Говорил мой внутренний голос.

– Ты не один в этой жизни, – слышал я. – В душе ты плачешь, думаешь, что одинок, но я всегда рядом с тобой. Ты ищешь любовь на земле, но полюби сначала меня, а потом найдешь свою любовь в жизни…

Так же внезапно свет погас, я открыл глаза. Обнаружил, что, пока я находился в этом трансе, вокруг меня собрались обеспокоенные люди, которые старались понять, что со мной происходит.

– С вами все в порядке? – Тренер был напуган.

Абсолютно ошалевший, я вскочил и бросился бежать из комнаты. Позвали Норбекова. Он вышел из кабинета навстречу мне:

– Что случилось?

Я пробежал мимо него, ничего не ответив, спустился вниз, сел в машину, завел мотор и сорвался куда глаза глядят. Я мчался на машине, передо мной был белый свет, на глазах – слезы, а в голове слова: «Полюби сначала меня…» Эти слова, как мантра, повторялись снова и снова, мне было страшно, я думал, что схожу с ума.

Добравшись до дома, набрал телефон одного из приятелей, Саши Пряникова.

– Саша, полетели на Ибицу! Прямо сейчас! – выпалил я.

– С чего вдруг такая спешка? – удивился Пряников.

– Саша, пожалуйста, прошу тебя, у меня есть пара свободных недель, поедем… Умоляю, – я снова чуть не зарыдал.

– Ну, хорошо, если ты так хочешь, – растерянно согласился Саша.

Видимо, все это было настолько для него удивительно, что он решил пойти мне навстречу.

Через день мы с Пряниковым летели на Ибицу. Две недели мы провели с ним, перескакивая из клуба в клуб, с дискотеки на дискотеку – я хотел максимально занять свое время, чтобы отключиться от всего и не думать ни о чем. Но это не помогало. Как только я закрывал глаза, я снова видел этот белый свет, слышал эти слова: «Полюби сначала меня…» Что бы я ни делал, я не мог забыть произошедшего.

Вернувшись в Москву, первое, что я предпринял – отправился в мечеть. Местный имам долго слушал меня, не перебивая, и затем спокойно ответил:

– Это знак свыше. Настало время, когда надо пойти по духовному пути. Все, что ты ищешь, можно найти только через Бога и веру в него. Ты можешь многое поменять в своей жизни. И все в ней будет по-другому…

После этих слов, как ни странно, мне стало намного легче. Я успокоился, собрался с мыслями. И… вернулся к Норбекову. Принял решение пройти курсы до конца.

Примерно в это же время состоялся серьезный телефонный разговор с моей мамой.

– Я уже пожилая женщина, – сказала она. – После того как умер твой отец и разъехались по другим городам мои дети, живу одна. Это очень тяжело. И хотя знаю, что мои слезы одиночества стоят того, чтобы ты чего-то добился в жизни, но для тебя не хочу одинокой судьбы. Мне больно думать о том, что когда меня не станет, у тебя не останется близких. Семьи нет, детей нет, никого. Сынок, послушай меня, пожалуйста, женись. Но если ты за тридцать три года не нашел в Москве подходящей девушки, может быть, ты послушаешь меня и возьмешь в жены, как велит традиция, девушку из нашего рода?

Позже я много думал об этом.

На одном из выездных тренингов Норбекова – а мы довольно часто выезжали на тренинги за пределы Москвы – зашел разговор о браке, о семье. И я рассказал о разговоре с мамой. Мирзакарим Санакулович настолько проникся этой историей – он ведь тоже восточный человек, а на Востоке семья и семейные традиции превыше всего, – что вызвался помочь:

– Видимо, пришло время, – сказал он. – Сколько уже можно тянуть с женитьбой? Если сам не нашел, послушай родителей, доверься им. А хочешь, я тебе помогу? Мы найдем тебе девушку из твоего рода – у меня и брат женился по тому же принципу, живет счастливо.

Я согласился, хотя удивился его реакции. Пусть мы были в хороших отношениях, но чтобы он так проникся моей судьбой – этого я, конечно же, не ожидал.

После нашего разговора Норбеков улетел в Ташкент по своим делам и оттуда позвонил мне:

– Арман, приезжай срочно! Я нашел девушку в семье моих наставников, это очень хорошие люди. Их дочке чуть больше двадцати, только что институт окончила. Садись в самолет и прилетай – ты должен ее увидеть!

Я был уже настолько захвачен всей этой историей, что,

недолго думая, вскочил в самолет и прилетел в Ташкент к друзьям Норбекова, адрес он мне дал и заранее предупредил хозяев, что я приеду.

К слову говоря, даже для казахов такая история с женитьбой достаточно экзотична, ведь все мы – люди современные, заводим знакомства сами. А тут – будто в мир предков окунулся. Сижу во дворе чужого дома молча (разговаривать без инициативы хозяев здесь не принято), рассматриваю окрестности. Выходит девушка – в длинном платье, с кувшином в руках. Прямо как в кино. Я вижу ее, и у меня в душе какое-то странное ощущение – необъяснимое предчувствие чего-то очень хорошего.

«Боже мой, что я делаю? – пронеслось в голове. Зачем я сюда приехал, почему я здесь сижу, что это за авантюра, в которую я вот-вот попаду?»

Ни слова не говоря, я вышел со двора и отправился в гости к Норбекову, который с нетерпением ждал моего вердикта.

– Ну, как тебе девушка? – спросил он. – Понравилась?

– Понравилась, – говорю. – Но сомневаюсь.

– Почему? – удивился Норбеков.

– Понимаете, – объяснил я, – мы с ней даже не знакомы. Правильно ли я поступаю? Давайте так. Пойду-ка я высплюсь с самолета, а на свежую голову все и решу. Хорошо?

– Согласен, – кивнул Мирзакарим Санакулович. – Дело-то серьезное.

Долго проспать мне не удалось. Буквально через несколько часов чувствую – меня кто-то в бок толкает:

– Арман, Арман!

Я открываю глаза. Это была супруга Мирзакарима Санакуловича.

– Арман, вставай, девушка твоя пришла!

– Какая девушка? Почему девушка здесь?

– Эх, соня! – качает головой жена Норбекова Гуля. – Счастье свое не проспи! Мирзакарим-ага решил, что если бы она тебе не понравилась, ты сразу сказал бы «нет». И если думать будешь долго, до конца своих дней в холостяках останешься. А девушка хорошая, нельзя упускать – вот мы и посватались к ней.

– Невероятно! – изумился я, сон как рукой сняло. – А что я теперь должен делать?

– Спускайся, поговоришь со своей суженой, – наставляла меня супруга Мирзакарима Санакуловича. – Отец ее сказал, что он согласен на брак, только дочку неволить не станет. Последнее слово за ней. А она с тобой побеседовать хочет, вот и приехала.

Я вышел во двор и увидел ее – она стояла, натянутая как струна, нарядно одетая, в красивом кокошнике, и заметно

нервничала.

– Здравствуйте! – приветствую я ее, а она глаза отводит. Стесняется.

– Здравствуйте, – шепчет в ответ.

Мы зашли в гостиную в восточном стиле, и я почувствовал себя как в сказке. Будто действие происходит не в наши дни, а в те далекие времена, когда браки совершались исключительно по сговору родителей, а жених и невеста до свадьбы друг с другом были не знакомы. Я вдруг мысленно прикоснулся к истории своих предков и ощутил торжественное волнение – наверное, такое же испытывали мои деды и прадеды, когда выбирали себе невест.

Мы уселись за стол друг напротив друга, и девушка начала разговор:

– Знаете, все это так странно, – сказала она. – Мы с вами даже не знакомы, и вдруг мне сказали, что вы хотите на мне жениться. Но почему?

– Я о вас много слышал, – отвечаю. – А когда приехал и увидел вас, то понял, что вы и есть та самая девушка, которая мне нужна.

– Правда? – промолвила она и покраснела.

– Ваши родители – уважаемые люди, – продолжал я. – И вы такая умница, красавица. Я уверен, что у нас все сложится…

Девушка молчала.

– Но тогда, – наконец, нарушила она паузу, – раз вы обо мне уже все знаете, а я о вас ничего… может быть, вы хотя бы расскажете о себе?

Я принялся рассказывать ей, кто я, чем занимаюсь, к чему стремлюсь и как провожу свое время. Она внимательно слушала меня и не перебивала. Это был большой контраст по сравнению с московской «публикой» – общительной, веселой, без тени стыдливости. А она… Она смущалась, краснела, бледнела, даже называла меня на «вы», что было очень непривычно. Мне все это очень нравилось.

Внимательно выслушав меня, она промолвила:

– И все же, думали вы о том, как мы с вами будем жить? Вы намного старше меня. Мы выросли в разных условиях, в разной среде, я всю свою жизнь прожила в Ташкенте, а вы большую часть жизни – в Москве. Мы с вами даже думаем по-разному, ведь правда?

Слова ее были очень мудры, и я видел, что она прекрасно понимает всю серьезность происходящего. Это меня тоже очень подкупало, и я все больше и больше проникался симпатией к этой удивительной девушке.

– Я знаю только, что не все в этой жизни можно

предусмотреть, – тихо ответил я. – Главное, чтобы рядом были по-настоящему близкие люди…

После нашего разговора девушка ушла, и чуть позже мне передали, что она ответила своим родителям «да».

* * *

В Москву я вернулся, будто громом пораженный. Все случилось так быстро, что я даже не успел осознать произошедшего. Еще недавно я был абсолютно один, без особых забот и хлопот, и вдруг у меня уже есть невеста, назначен день свадьбы, подготовка к ней началась без промедлений.

Моя невеста приехала ко мне в Москву покупать свадебное платье, заказали его у Юдашкина. Почти везде ходили целой компанией: я, Норбеков, его друзья, она. В голове моей крутились мысли на тему того, что я полный дурак, совершаю абсолютную глупость, безответственно и по-хамски поступаю по отношению к этой девушке, чистому и светлому существу, в судьбу которого так беспардонно вторгаюсь. Что хорошего я могу ей предложить? Могу ли я сделать ее счастливой? Вдруг я разрушу ей жизнь – я же этого себе никогда не прощу.

Она тоже нервничала. Я часто видел на ее глазах слезы – вместе со мной она осматривала Москву с ее шумными улицами, как бы примеряя на себя, насколько комфортно ей будет здесь жить. И видел, что она пребывает в полном смятении, ей страшно, плохо. И мне было страшно тоже.

Когда она вернулась в Ташкент, мне передали, что она плачет, хочет отменить свадьбу, повернуть все вспять. Ее уговаривали братья, родственники, увещевали, что, мол, хороший парень, не надо так волноваться. Все будет хорошо.

А на этом краю земли, в Москве, меня уговаривал Норбеков.

– Я сломаю девочке жизнь, – причитал я. – Может, не надо затевать всю эту эпопею с женитьбой?

– Ну что такое опять! – сердился Мирзакарим Санакулович. – Если не эта девушка, то тогда я вообще не знаю, кто тебе может подойти! Хватит истерик! Женишься – и все!

Шла подготовка к свадьбе, организацией которой занимался Норбеков с женой. Для меня организация торжественных мероприятий была привычным делом, проходила почти на автомате, единственное важное отличие состояло в том, что главным действующим лицом этой эпопеи должен быть я сам.

Мы пригласили в Ташкент большое количество артистов, среди которых был, конечно же, Мурат Насыров. К нам приехали

Лада Дэнс, Диана Гурцкая, группы «Шао? Бао!», «А-Студио», коллеги и друзья, с которыми я сотрудничал и кого хорошо знал. Приехала моя подруга, депутат Саша Буратаева. Из Азербайджана, Казахстана, с Украины приехали мои друзья. Словом, гости собрались со всей страны, около тысячи человек, и всех нужно было с комфортом расселить, для всех организовать питание и проживание.

Вся эта суета с гостиницами, организацией банкета, подготовкой к свадьбе меня изрядно вымотала, и буквально перед самым бракосочетанием я «сломался». Помню: последний день перед свадьбой, регистрация брака назначена на семь вечера, на часах время – четыре дня, с организационными моментами все закончено и улажено, а присесть отдохнуть и собраться с мыслями абсолютно негде.

Я приехал в одну из гостиниц, попросил свободный номер и чтобы меня не тревожили. А сам решил – раз время еще есть, пойду-ка я немного вздремну. Передохну пару часиков. Поднялся я в номер и… уснул. Когда проснулся, смотрю – а на часах-то уже девять вечера! Телефон мой отключен, я специально это сделал, чтобы меня никто не тревожил. Никто не знал, где я нахожусь, ни дать ни взять – жених сбежал.

Не помня себя от ужаса, я примчался во Дворец бракосочетаний, где все ждали жениха и невесту с нетерпением, и никто не понимал, что происходит, почему свадьба задерживается? Видимо, все решили, что так и задумано – когда я прибыл, то застал банкет в самом разгаре, люди веселились, пили-гуляли, словом, праздник состоялся бы и без молодых.

Моя невеста и свидетели нервно прохаживались перед Дворцом. Увидев меня, девушка не сказала ни слова, мы поднялись наверх, наскоро расписались – уставшая ждать служительница ЗАГСа тоже постаралась ускорить это событие, впопыхах удостоверившись, что мы готовы «быть в горе и радости, отныне и вовеки веков». И затем мы, наконец, вышли к гостям.

По восточным традициям жениху и невесте полагается тихо сидеть в уголочке, скромно потупив глаза и не подавая особых признаков радости. Единственное, что дозволялось – это исполнить традиционный танец жениха и невесты, после чего гости продолжали радоваться, а молодые – грустить.

Полчаса мы для приличия так и просидели, затем я подошел к Норбекову и попросил:

– Понимаете, у нас из Москвы приехало больше сотни человек. Да и из других городов тоже. Мы все чтим восточные традиции, но здесь собрались не только мусульмане. И в Москве на свадьбах принято общаться с женихом и невестой, веселиться и

танцевать. Будет не по-восточному, если мы не уважим наших гостей тоже.

В итоге, закончив первую традиционную часть, во «втором отделении» мы все дружно пустились в пляс – я снял пиджак, моя невеста – фату, и вместе со всеми друзьями выплясывали до самого утра под живую музыку и восторженные крики гостей. Свадьба прошла на славу.

Затем мы организовали еще одну свадьбу в Оренбурге, на моей родине в доме у мамы.

И… начались семейные будни.

Тепло домашнего очага

Супруга моя была сто тысяч раз права, когда задала мне вопрос о том, что же мы будем делать вместе – два таких разных человека, из разных миров и с разным менталитетом.

Как только мы переступили порог моей московской квартиры, тут же выяснилось, что мы – совершенно чужие люди на одной территории. Я абсолютно ничего не знал о своей жене. Не знал, что она любит, как одевается, каков ее характер и манеры. И она ничего не знала обо мне.

Ей было сложно. В Москве я чувствовал себя как рыба в воде, у меня здесь была работа, друзья, я здесь жил. А она была здесь чужая – ни друзей, ни родственников. Один я, да и меня она первое время не видела совсем, поскольку работа у меня связана с гастрольными поездками. Сразу же после свадьбы я уехал в Оренбург – баллотироваться в депутаты, и бывало, что мы не виделись неделями!

Долго так продолжаться, безусловно, не могло. В один прекрасный момент я не выдержал:

– Послушай, прости меня, но мы сделали большую ошибку. Наверное, это я поступил неправильно, я виноват перед тобой. Как нам быть? Давай не будем друг друга мучить, просто разойдемся…

Жена отреагировала на мой выпад на удивление спокойно:

– Наши родители посчитали, что мы хорошая пара, и у нас будет хороший брак. Они верили, значит, и нам нужно в это верить. Ведь ты любишь своих родителей? Я – тоже. Наверное, нужно просто немного терпения…

– Ну, какое терпение? Видишь, ничего не клеится. Давай дадим друг другу свободу, ты молодая, выйдешь замуж повторно…

Жена побледнела и сжала губы в упрямую струну. Я впервые увидел ее такой – решительной и очень серьезной.

– Я не буду с тобой разводиться, – чеканя каждое слово, ответила она, чувствовалось, как тяжело даются ей эти слова. – Все сложится. Прошло еще очень мало времени…

– Ну, как знаешь, – пожал я плечами.

И мы продолжали жить в том же ритме – я много времени проводил вне дома, она вела хозяйство.

Спустя несколько месяцев случилось несчастье. Умер мой брат Исмагул. Инфаркт.

Для меня это был страшный удар, как и для всей нашей семьи, в первую очередь – для мамы. Я не знал, что мне делать

теперь и как я буду жить без него.

Надо понимать мои чувства. Отец мой ушел в мир иной, когда я был еще подростком. Мой старший брат заменил мне отца – опекал, поддерживал, наставлял на путь истинный. Мы были очень близки. И вдруг его в одночасье не стало.

Жена все время находилась рядом со мной, поддерживая меня в этой непростой ситуации. С ней на душе у меня становилось спокойнее и проще, растворялся этот панический ужас, отчаяние, утихала боль. Я понял, что моя супруга – самый близкий и родной человек, который всегда рядом, что бы ни случилось. Понимающая и чуткая, верная и добрая, нежная и теплая.

Это был переломный момент наших отношений. Я почувствовал опору и, наконец, осознал, что у меня есть семья – и что ее, возможно, не было бы никогда, если бы не стечение обстоятельств и вмешательство неравнодушных людей. И что этим подарком судьбы не стоит разбрасываться, это большое счастье – иметь близкого человека.

Я посмотрел на свою жену совершенно другими глазами. Мне было стыдно за то, как я вел себя по отношению к ней раньше. Сейчас я понимал, что многое делал неправильно, поскольку не мог до конца оценить, что приобрел. Мне поначалу это казалось случайностью, ошибкой. Но в жизни, как известно, не бывает ничего случайного.

* * *

В нашей семейной жизни начался новый важный этап – преисполненный радости, трепетного волнения, теплоты и любви. Я старался заботиться о жене, следил за тем, чтобы ничто не доставляло ей неудобств, чтобы она чаще улыбалась, чувствовала себя комфортнее, доверяла мне. Можно сказать, что на правах старшего я взял над ней шефство.

И какова же была наша радость, когда в один прекрасный день в нашей квартире раздался звонок – а накануне мы ездили сдавать анализы, потому что супруга неважно себя чувствовала – и я услышал голос врача:

– Арман, я поздравляю вас. Ваша супруга беременна…

Я никогда не назвал бы себя сентиментальным, но в тот момент слезы радости просто брызнули у меня из глаз. Ребенок! У нас будет ребенок! Жена поначалу даже не поняла, рад я или не рад этому событию. Конечно же, я был рад.

Можно сказать, что нашего первенца мы родили вместе – на

работе я сбавил обороты, решив, что самым важным делом сейчас является будущий малыш. Мы вместе ходили на родительские курсы, много гуляли, разговаривали с малышом каждый день, учились правильно дышать, придумывали ребенку имена, рисовали, как он может выглядеть. А ближе к родам я стал просыпаться с женой по утрам в одно и то же время с одним и тем же вопросом – ну, что? Уже началось? Она смеялась в ответ:

– Нет еще. Это наш сын расшалился, скучно ему, вот и пинается…

Роды должны были начаться в середине декабря – такие нам поставили сроки. В это время мы постоянно общались с Муратом Насыровым, его день рождения тринадцатого декабря. Вот он и сказал мне:

– Увидишь, твой сын родится тринадцатого…

– Почему так считаешь? – спросил я.

– Потому что у меня тринадцатого день рождения! – гордо ответил он. – Помяни мое слово! Ты со мной все время ссоришься, но когда твой ребенок родится тринадцатого, ты поймешь, что в этот день рождаются хорошие люди. И будешь помнить меня всю жизнь.

– Да уж, Мурат, – смеялся я. – Я и так буду помнить тебя всю жизнь, клянусь!

Мне это магическое число тринадцать даже снилось. Я и сам родился тринадцатого, только августа. И действительно верил, что нечто подобное может произойти.

Так и вышло. Рано утром тринадцатого декабря у жены начались схватки, она разбудила меня:

– Поехали, началось!

Мы примчались в роддом, нас встретили в приемном отделении, где женщина-врач оглядела меня и с ходу спросила:

– А вы сколько весите?

– Восемьдесят пять килограммов, – ответил я, не чувствуя подвоха. – А какое это имеет значение?

– Надо будет еще пару санитаров пригласить, – деловито комментировала врач. – Не дай бог, в обморок хлопнетесь. У нас все в обморок падают, мы порой и не знаем даже, то ли роды принимать, то ли мужей выносить…

– Погодите, погодите, вы о чем? – спросил я, а сам уже посмеивался, догадываясь, что она имеет в виду…

– Вы будете присутствовать при родах? – удивился доктор.

– Нет, – улыбнулся я. – Нам это, поверьте, не нужно. Жена меня просила подождать в коридоре…

– А-а-а-а, – кивнула врач, радуясь. – Ну, хорошо, это правильное решение. Не волнуйтесь, у нас опытный персонал, все

пройдет хорошо…

Буквально через несколько минут позвонил Баглан:

– Ну, что там у вас, началось? – весело спросил он.

– Началось, началось…

– И что, ты там с ней в палате? – продолжал веселиться Баглан. – Представляю себе эту картину – у жены схватки, а она тебя за руку держит и успокаивает, мол, не волнуйся, милый, все будет хорошо…

– Да ну тебя, не до шуток! – отмахнулся я.

– Ну, я попозже позвоню, узнаю, как там у вас…

Баглан повесил трубку, а я уселся ждать. Я то сидел, то вскакивал и принимался бегать по коридору в одну, в другую сторону. Наконец все закончилось. Вышла доктор и сообщила:

– Поздравляю, у вас родился сын. Хотите посмотреть?

– Конечно, хочу! – воскликнул я. – Где они?

Меня провели в палату, где я увидел туго завернутый в одеяльце комочек и свою жену рядом на кровати, бледную, но счастливую.

– Разверните… – попросил я.

– Зачем?

– Хочу увидеть, на кого он похож, – отвечаю.

Когда малыша развернули и я посмотрел на него, то был чрезвычайно растроган. Держал его на руках, таял от счастья и умиления, малыш кричал, жена плакала, медперсонал хлопотал:

– Ну, сколько можно рыдать…

Сын мой родился тринадцатого декабря, в 13 часов 13 минут…

* * *

Честно говоря, я и раньше знал, что Баглан – человек мягкий и добрый. Но даже не представлял себе, насколько он оказался чувствительным и ранимым.

Как только прошли первые волнения после рождения малыша, Бага зачастил к нам – причем проводил с нами все свое свободное время. Когда я еще не был женат, мы с ним часто мечтали, что купим по квартире где-нибудь рядышком друг с другом, женимся – и будем дружить семьями. Чтобы жены наши на кухне что-нибудь вкусненькое готовили, а запах по всей квартире шел. А мы, мужчины, сидели бы в гостиной, общались, в нарды играли, телевизор смотрели. Настоящая романтика!

Но так получилось, что семья была пока только у меня. И в жизни моей так и было – мы с супругой всегда любили гостей,

поэтому она с удовольствием готовила для моих друзей, а у нас была возможность в это время спокойно общаться. И действительно, вкусный запах стряпни разносился по всей квартире, а Баглан все сетовал:

– Ты представляешь, все, о чем мы мечтали, сбылось у тебя. И жена у тебя тихая, спокойная, красивая. И уют семейный. И малыш чудесный.

С этими словами Баглан подходил к кроватке, брал моего сынишку на руки и начинал с ним сюсюкаться. А я подлетал, как коршун:

– Положи на место, уронишь!

Сынишка в это время улыбался и своими ручонками все норовил вцепиться Баге в нос.

– Слушай, я тоже хочу жениться. И ребеночка такого хочу, – серьезно отвечал мне Бага и клал малыша в кроватку.

Словом, я стал примерным семьянином, но не забывал при этом часами болтать с Багой по телефону, обсуждая текущие новости. А в рабочих отношениях у нас все было по-прежнему. Бага по-прежнему выслушивал все жалобы – Мурата на меня, а мои – на Мурата. По-прежнему нас мирил, причем прибегал к настоящим «военным хитростям». Например, он мог позвать меня в выходной куда-нибудь в баню, на что я спрашивал:

– А кто там будет?

– Да никого. Только я да ты, – сообщал Бага.

Мы приходили и нос к носу сталкивались с Муратом, которому Бага тоже сообщал нечто подобное.

– Хватит уже спорить! – назидательно произносил Бага, когда мы с Муратом, набычившись, стояли друг напротив друга, ожидая, кто же первый начнет диалог.

Зато Мурат часто припоминал свое предсказание и радовался:

– Вот видишь! Я же говорил, что сын у тебя родится тринадцатого декабря, так и вышло! Это тебе на всю жизнь память обо мне!

Кто тогда мог предположить, что его слова окажутся настолько пророческими…

Политика, как и восток, – дело тонкое…

Что касается работы, то я остался предоставленным самому себе, не совсем понимал, что буду дальше делать, но больше всего потрясла ситуация разрыва отношений с коллегами. Я никогда не работал только ради денег. Все эти связи были основаны, прежде всего, на человеческих отношениях, которыми я очень дорожил и потеря которых была для меня колоссальной душевной травмой. Уход Батыра, конфликт с компанией «МедиаСтар», множество других печальных историй, которые были неизбежными издержками шоу-бизнеса, настолько разочаровали меня, что я решил оставить эту сферу и посвятить себя чему-то другому.

Незадолго до этого Александра Буратаева, как уже говорил, была избрана в Госдуму и возглавила блок «Молодежное единство».От нее поступило предложение присоединиться к партии «Единая Россия» и стать помощником депутата. Я вступил в партию и стал помогать Александре – мой опыт организации выездных мероприятий оказался очень кстати. Я помогал Саше устраивать различные акции, концерты артистов в поддержку тех или иных политических мероприятий, познакомился со множеством интересных людей. Одним из самых ярких знакомств того времени стало знакомство с одним из влиятельных государственных чиновников.

Именно он намекнул мне на то, что я мог бы попробовать свои силы в качестве депутата Госдумы.

Оренбург – мой родной край – это регион, где исторически казахи составляют большинство населения. Всего же в России согласно переписи проживает порядка 600 тысяч казахов, но их интересы в Госдуме никак не представлены. Даже при царской России в Думе заседало четверо депутатов-казахов, а в сегодняшней России, увы, ни одного.

В то время президентом России стал Владимир Владимирович Путин, он считался молодым руководителем – в то время ему не было даже пятидесяти лет, и я решил, что раз дорога для молодежи открыта, я тоже мог бы принять участие в выборах 2003 года.

Приехав в Оренбург, подал документы как независимый кандидат от «Единой России» по 131-му одномандатному округу. Я искренне верил, что поскольку имею определенную репутацию и авторитет, есть возможность сделать что-то для своего края. Я

был молод, полон планов и сил, желал преуспевания государству Российскому и считал, что могу принести немало пользы на посту депутата.

Среди депутатов я оказался самым молодым. Мне было тридцать с небольшим, остальные – люди с довольно обширным опытом, уже в возрасте, съевшие собаку в политике. Зато у меня был дар привлекать людские сердца, завоевывать доверие и, главное, я всегда держал данные слова и обещания. Я считал, что мои шансы весьма высоки, и приступил к организации своей предвыборной кампании сразу же после того, как мы с женой сыграли свадьбу…

Я уехал в Оренбург, оставив супругу в Москве, и полностью окунулся в мир своего детства.

Это был очень яркий и важный период моей жизни, я вернулся на малую родину, где увидел окружающий меня мир совершенно другими глазами. Уезжал отсюда еще мальчишкой, представлял все иначе, витал в облаках. Вернувшись, увидел все то же самое, что неоднократно видел, проезжая по России. Социальное обеспечение, безработица, бедность, пенсии, образование – все эти острые темы, которые тревожат россиян, волновали и моих земляков. Мне хотелось помочь им.

Я был самый молодой и самый нищий из кандидатов. Соревноваться приходилось, повторюсь, с матерыми политиками, за спиной которых находились многочисленные спонсоры и чьи-то интересы. Я был один, с той только поправкой, что спонсоры у меня тоже нашлись. Но они сказали:

– Проводи свою кампанию, выдвигай свою кандидатуру, мы компенсируем тебе все расходы в случае если ты победишь.

Мало кто верил в то, что это вообще возможно.

Таким образом, поскольку денег на предвыборную кампанию было не так уж много, мы сделали ставку на мою креативность и опыт работы в шоу-бизнесе.

В то время было принято проводить встречи с избирателями – назначалось время, арендовался зал, и кандидаты один за другим зачитывали свою предвыборную программу, отвечая на вопросы тех, кто пришел. Само собой, на эти встречи мало кто ходил, поскольку это было формально, неинтересно и, скажем так… слегка надоело.

Первое, что мы сделали с нашей предвыборной командой – нашли интересную фишку, которая стала основой всей кампании. Дело в том, что поскольку моя фамилия начинается на «д», а имя на «а», то инициалы звучат как «ДА».Отличное слово, основа согласия. Кроме того, все самые дорогие сердцу слова начинаются на букву «д» – «доброта», «дом», «достаток», «дети», наконец.

– Фамилия нашего кандидата – Давлетяров, – вещали мои помощники. – Буква «д» – это наша буква, символизирующая собой все самое лучшее, что есть в нашей жизни! В нашем списке есть кандидаты на разные буквы. Есть на букву «ж», на букву «г», даже на букву «х»… – в этот момент один из ораторов делал паузу, а народ буквально покатывался со смеху, сразу же поняв аналогию.

Чуть позже я понял, что вел себя по отношению к оппонентам не очень корректно, но в тот момент нас охватил настоящий предвыборный азарт.

Кроме того, мы договорились с участником шоу двойников, двойником Верки Сердючки, и устроили в Оренбурге бесплатный концерт артиста. Мы поняли, что людям нужен праздник, а моя профессия – устраивать праздники. Наш артист пришелся как нельзя более кстати, и так понравился публике, что люди хлопали и кричали, не хотели нашу «Сердючку» отпускать. В самый разгар концерта, допев коронную «Хорошо, все будет хорошо», «Сердючка» обращалась в зал, где в это время сидел я, и произносила:

– Батюшки, кого ж я вижу-то! Это ж наш земляк, парень из Москвы, приехал в депутаты баллотироваться, а земляки-то не знают! Ну-ка попросим его подняться на сцену! – и артист жестом приглашал меня подняться.

Под аплодисменты довольных зрителей – а они в этот момент были готовы к любому шоу, хоть слона выводи – я поднимался на сцену, раскланивался и произносил речь:

– Друзья мои! Соотечественники! Меня зовут Арман Давлетяров, и я не стану вешать вам на уши лапшу, а просто расскажу о себе. Родился я в Оренбургской области, окончил школу. Здесь живут мои родные, друзья, мама…

Говорил я настолько искренне и с таким воодушевлением, что люди очень тепло меня принимали, аплодировали, задавали вопросы.

Затем мы с предвыборной командой объезжали предприятия – в день проводили до пятнадцати встреч на предприятиях, в школах, больницах. Везде после чувствовался душевный подъем, люди проникались ко мне симпатией.

Дело в том, что многие избиратели не верят в то, что их кандидат может что-либо сделать для края. Поэтому очень часто, когда депутат приезжал на предвыборные встречи, он получал обвинения в свой адрес – мол, приехали дармоеды, только денежки народные тратите, и ничегошеньки больше не делаете.

Но когда люди видели кандидата живьем, могли с ним поговорить, рассказать о своих нуждах и ожиданиях, высказать

опасения, то напряжение спадало – мы все понимали, что никто не всесилен, а я со своей стороны могу сделать ровно то, что могу. Ни афиши, ни реклама на телевидении не имеют такого мощного эффекта, как личные встречи. Поэтому мои рейтинги начали расти как на дрожжах.

Остальные кандидаты меня всерьез не принимали – они боролись друг с другом, а во мне, самом молодом да «зеленом» они не видели серьезного конкурента. Я считал это преимуществом. Поскольку шел от «Единой России», никто мне никаких препятствий не чинил, хотя и не помогал. К тому же смотрелся я несколько инородным телом – представляете, зима, люди без работы, без зарплаты, а тут приезжает из Москвы холеный молодой человек, ухоженный, красиво одетый, благоухающий парфюмом…

Надо сказать, реакция на меня была поначалу однозначная – «понаехали тут». Я на это:

– Я один из вас. Родился и вырос здесь, в простой семье, знаю не понаслышке, как вам живется. Однако я смог найти секрет успеха, добиться благополучия для себя, встал на ноги, а теперь хочу помочь и вам тоже. Если вы дадите мне шанс, то, живя в Москве, я смог бы представлять ваши интересы и улучшить вашу жизнь…

Люди верили мне. А я верил в свой успех, видя их участие и поддержку, у меня не было никаких сомнений, что я выиграю.

Однако я все же переоценил свои силы. Сыграл роль тот факт, что мне пришлось рекламировать и продвигать свое имя, а до этого никто ничего в Оренбурге обо мне не знал. В отличие от местных кандидатов, которые были известны и понятны. Тем не менее в результате выборов я набрал 21000 голосов. За победившего кандидата проголосовало немногим больше.

Этот рискованный проект с выборами стоил мне немалых денег. Расклейка объявлений, организация встреч, аренда помещений, концерты артистов. Все накопления, которые я сделал за несколько лет жизни в Москве, все было потрачено на предвыборную кампанию, а последние недели пришлось работать и вовсе в долг, я одолжил у друзей необходимую сумму. Когда выборы закончились, оказалось, что я в долгах как в шелках, как жить – не знаю, перспективы неясны, а дома жена, с которой еще предстоит налаживать отношения.

На следующий день после возвращения в Москву меня, наконец, «накрыло» – я в полной мере осознал, что не просто проиграл, а поставил на эту «темную лошадку» все, что у меня было, абсолютно все, и теперь я оказался в сумасшедших долгах – цифры приводили меня в ужас.

Суматошный ритм предвыборной гонки, сопровождающийся азартом и выплеском креатива и адреналина, вытянувший из меня не только все силы, но и финансы – свои и чужие, – сменился мирным ледяным спокойствием предновогодней Москвы. Контраст был разительный – я много недель жил этими выборами, бежал, бежал, и вдруг разом будто остановился.

* * *

Любые выборы – это колоссальные расходы. В этой ситуации я был попросту камикадзе. Это был ва-банк: мне компенсировали бы все расходы, если бы я выиграл. Но я не выиграл.

Я оказался в нокауте. Сам факт проигрыша, как ни крути, способен морально раздавить любого человека. Ведь идя на эти выборы, я, естественно, мечтал выиграть – и, как мне казалось, все правильно рассчитал. Не учел я одного. Достаточного опыта в такой деликатной сфере, как политика, у меня пока еще не было. Пусть я и работал вместе с Александрой Буратаевой, но я был слишком молод, слишком оптимистичен, недостаточно искушен в политических вопросах.

Если прибавить ко всему этому еще и возникшие финансовые трудности, то можно немного понять, в какую яму сам себя загнал. А впереди маячили новые расходы – мне необходимо было до конца оплатить подрядчикам все сделанные для меня предвыборные работы.

Не знаю, кто и как поступил бы на моем месте, но в тот момент я принял единственно верное решение – отложил все дела, купил на последние деньги путевки себе и жене на морское побережье и отчалил на две недели загорать, купаться, валяться на пляже, чтобы полностью отключиться от произошедшего и немного сообразить, как мне вписаться в этот поворот судьбы.

Для чего нужны друзья

Выборы дали мне возможность приобрести очень ценный опыт – сейчас я вижу, как много ошибок было сделано в ходе предвыборной кампании. Но главное – я был совершенно не готов столкнуться с настоящей провинцией, ведь я жил в Москве долгие годы и не до конца представлял себе, что творится на малой родине.

Я шел баллотироваться в Госдуму с огромным желанием сделать для людей что-то действительно хорошее и стоящее. В то время я занимался и на курсах у Норбекова, искал себя, стремительно развивался и рос как личность. Появление семьи тоже сыграло немалую роль в моей биографии – я почувствовал возросшую ответственность за близких людей и основательность в планах и суждениях.

Поэтому не дивидендов я искал на выборах, не удовлетворения своего тщеславия.

Да, могу подтвердить ранее высказанные мнения, что Москва и регионы – словно две разные планеты.

Во время предвыборной кампании мы поговорили со всеми – начиная от пенсионеров, интеллигенции, врачей и заканчивая администрацией городов и сел, доярками, трактористами. Это были представители разных социальных слоев, но общим у них было одно – все они были в большей или меньшей степени недовольны своей жизнью и тем, что творится вокруг.

Люди высказали множество пожеланий, обращали внимание на какие-то острые темы, которые, естественно, меня глубоко задевали. И я знал, что избиратели мне верят, готовы отдать свои голоса. В достаточно короткий срок я стал популярен, так как страстно желал начать эти проблемы решать.

Если бы решил снова баллотироваться в Госдуму, многое сделал бы по-другому, особенно чувствуя свой потенциал и возможности. Однако, скорее всего, больше не буду принимать участие в политических играх, и вот почему…

Еще до выборов мне довелось гостить вместе с Александрой Буратаевой в Саратове, у Любови Слиски, вице-спикера Госдумы. Внимательно посмотрев на меня, она сделала неожиданное заключение:

– Арман, дорогой, я смотрю в твои глаза и понимаю – это не для тебя, не твое. Все-таки в политике должны быть люди другого склада характера, более жесткие, что ли. А ты для политика слишком добрый.

Со временем я в полной мере оценил ее слова – ведь работа

политика заключается в том, что он предпринимает шаги, которые могут повлечь за собой массу различных последствий, причем как для конкретных людей, так и для страны в целом. Приходится лавировать и делать нелегкий выбор между интересами меньшинства и благополучием большинства. Когда в меньшинстве твои друзья или близкие люди – это сделать неимоверно сложно. Для меня практически невозможно. А для профессионального политика это – сама жизнь. Мне кажется, я не очень многое потерял, проиграв выборы. Не жалею ни о чем.

Когда мы с женой вернулись в Москву после отдыха, мне было уже намного легче, к тому же я осознал: ничего уже не вернешь, жизнь продолжается и надо продолжать работать дальше и, конечно же, раздавать долги. В конечном итоге, на что мне было жаловаться – есть жилье, есть собственная компания «Музыкальное единство», есть любимая жена, которая всеми силами меня поддерживала, есть друзья, есть полезные знакомства и связи. И, наверное, не стоит жаловаться на судьбу, заламывать руки и отчаиваться. Все постепенно уладится.

Из музыкантов, постоянно сотрудничавших с «Музыкальным единством», оставались Полина Гриффитс, Мурат Насыров и Томас Невергрин. Роман Полины и Томаса был в самом разгаре, они жили вместе, строили планы по развитию музыкальной карьеры.

Им обоим был нужен хороший менеджер, который мог бы заниматься их раскруткой и продажей концертов.

Я снова вернулся в шоу-бизнес, поняв, что лучше всего мне заниматься тем, в чем я хорошо разбираюсь. Невозможно было сбрасывать со счетов почти десять лет напряженной работы – тем более что остались необходимые связи, опыт, авторитет. В конце концов, люди мне доверяли.

Больше двух лет я работал в Госдуме, когда готовился к выборам, и мне было психологически сложно возвращаться к гастрольной деятельности. С одной стороны, поездки доставляли мне удовольствие – прежде всего оттого, что у меня все получалось. С другой стороны, я понимал, что все это давно перерос, хотелось чего-то большего. Но другого выхода пока не было. И снова жизнь ставила меня в такие рамки, что на пути к важной цели я должен был сначала отступить на шаг назад.

Так или иначе, сотрудничество с Полиной и Томасом помогло мне не только морально адаптироваться после проигрыша на выборах, но и поправить финансовые дела.

* * *

Когда я вспоминаю первые после выборов недели в Москве, всегда удивляюсь – как я вообще сумел выкрутиться? Если бы я был один, то, вероятно, никак. Но именно в этот момент я сделал для себя важный вывод – у меня есть верные друзья, на которых можно положиться.

Первый человек, кто здорово мне помог, был, конечно же, Баглан Садвакасов. Родной мой Бага. Причем я ни секунды не сомневался, что он окажет мне поддержку. Когда я приехал к нему домой, Бага лежал со сломанной ногой (почему-то с ним часто приключались подобные истории), закованный в гипс до самого бедра, а рядом с кроватью стояли костыли:

– Бага, мне срочно нужны деньги, – сказал я. – Необходимо сделать оплату за выборы, а я на мели. Выручишь?

– Думаешь, я деньги под подушкой держу, что ли? – засмеялся Бага. – Деньги в сейфе, а сейф в банке…

– Поехали!

– Обалдел совсем… – Бага покряхтел, покряхтел, но поднял себя с кровати, чтобы помчаться со мной в зимний студеный вечер в казенный дом.

Я помог Баглану доковылять до такси, посадил его на заднее сиденье ногой поперек – совсем как в фильме «Приключения итальянцев в России», и мы поехали за деньгами.

Смотрелись мы комично в огромном учреждении, где повсюду мрамор, охрана, через металлоискатель следуют два чернявых парня, один еле-еле ползет на своих костыликах, а другой его под руку поддерживает. Пока Баглан предъявлял документы и заполнял бланки, я ожидал его в коридоре. Вернулся Баглан, поддерживаемый охранником, охая и ахая, но с нужной мне суммой. Я был спасен!

Вторым человеком, которого я также с благодарностью буду вспоминать всю свою жизнь, стала Алла Духова, руководитель балета «Тодес», одна из самых преуспевающих леди российского шоу-бизнеса. Узнав через друзей о том, что у меня возникли финансовые затруднения, она сама позвонила мне и предложила:

– Арман, дорогой, я узнала от людей, что у тебя есть проблемы с деньгами. Ты мне по этому поводу даже не звонил, но у меня есть возможность тебе помочь. Я дам тебе столько денег, сколько нужно, а ты вернешь, когда сможешь. Не нужно никаких процентов, хочу просто по-дружески поддержать.

Это был очень важный момент, поскольку с Аллой Духовой мы много лет дружили, общались, но я даже на секунду не мог себе представить, что мне может предложить свою помощь женщина. В моей картине мира Алла – не просто коллега, это действительно искренний, хороший и любимый друг, одна из тех,

с кем не нужно постоянно созваниваться по телефону, постоянно присутствовать рядом и тесно общаться для того, чтобы понимать: тебе по-настоящему доверяют, ценят и в тебе нуждаются. Могу сказать, что отношусь к Алле с таким же теплом, и знаю, что она не просто так добилась столь потрясающих успехов в своем деле. Она нужна всем.

Моя долговая история тянулась долго. Но что сделано, то сделано, зато этот эпизод моей жизни отчетливо обозначил, кого я действительно могу считать своим другом и на кого рассчитывать, кто мне близок и переживает за меня, а кого можно отнести просто к категории коллег или хороших знакомых.

Дело в том, что броситься на помощь и подставить плечо может только тот, кто действительно любит и ценит тебя. Мы ведь помогаем нашим братьям, сестрам, детям, родителям. Конечно, у каждого своя жизнь, свои истории – далеко не во все из них мы вписываемся. Но иногда жизнь преподносит удивительные открытия…

Любовь среди «медведей и валенок»

Охота к перемене мест и интересные перспективы свели в холодной России двух абсолютно чуждых нашей культуре людей – Томаса Невергрина и Полину Гриффитс. До этого я возил на гастроли «А-Студио», Мурата Насырова, «Отпетых мошенников», многих других артистов, но могу сказать, что когда во второй раз столкнулся с иностранными артистами, мне было чему удивляться. И Полина, и Томас оказались уникальными людьми, не похожими по характеру и привычкам ни на кого из исполнителей, с которыми я когда-либо работал.

Первыми иностранными артистами, с которыми я работал, была группа «Смоки» – они приезжали в Россию в начале 2000-х годов, тогда я еще трудился в компании «МедиаСтар». Мы организовали гастрольную поездку группы по некоторым городам России, затем дали концерты в Казахстане.

Тогда я понял, что западные артисты, несмотря на свой высокий статус, бывают порой равнодушны к каким-то атрибутам успеха. В частности, когда в Алма-Ате у нас случилось недоразумение с гостиницей и вместо лимузинов «Smokie» («Смоки») пришлось везти в аэропорт на обычных автомобилях, музыканты ничем не выразили недовольства. Главное для них в тот момент было – успеть вовремя на запланированные концерты. Зато я пережил тогда массу неприятных минут, пришлось бегать и улаживать все финансовые и организационные вопросы в сжатые по времени сроки.

Но, несмотря на уже имеющийся опыт общения с иностранными артистами, Полина с Томасом казались людьми не от мира сего. Особенно Томас. Вырос он в другой культуре… Знаете… Американцы по менталитету все же чем-то похожи на россиян – такие же «рубаха-парни», открытые в общении, только чуть жестче, может быть. А вот европейцы уж очень не схожи с нами. Более сдержанные, более консервативные, более организованные. Не только я удивлялся и паниковал, но и сам Томас постоянно выказывал крайнюю степень изумления, соприкасаясь с теми или иными аспектами российского бытия.

Например, меня поразило, что Томас всегда – абсолютно всегда – пристегивался ремнями безопасности в автомобиле. Садился на переднее сиденье рядом с водителем, защелкивал ремень безопасности, и так ехал. Ни один из артистов не ездил на переднем сиденье, а тем более с пристегнутым ремнем.

Для нас в России такая забота о безопасности в новинку, и водители принялись истово соблюдать это правило только после

того, как ужесточили штрафы. А Томас это делал по своей воле. Феноменально. В райдере он, таким образом, вписывал, что во встречающих машинах должны быть ремни безопасности. Это раз. И второе – по дороге из аэропорта автомобиль нигде не должен был останавливаться, даже на автозаправочных станциях.

Но даже не это потрясло меня в Томасе больше всего. Самый показательный случай, который врезался в память – первая наша гастрольная поездка в один из российских городов.

Улучив время, мы отправились гулять по городскому скверу, где бегало много детворы и работал парк аттракционов. Дурачась, мы с Томасом залезли на одну из каруселей, в тележки, запряженные лошадками, и принялись кататься – словно дети, резвящиеся под присмотром взрослых. Навеселившись, мы вышли из сквера, и тут произошло невероятное.

– Арман, а сколько стоит билет, за который ты заплатил? – спросил меня Томас.

А я, покупая в кассе билеты на «лошадки», естественно, спонсировал обоих. Я назвал сумму, не чувствуя подвоха.

И вдруг Томас достал деньги, протянул и вежливо так произнес:

– Вот, возьми, пожалуйста…

– Что это? – уставился я на купюру, не поверив своим глазам.

– Деньги за билет, который ты мне дал… – снова очень вежливо пояснил Томас.

– Но Томас, я могу хоть раз заплатить?! – воскликнул я, недоумевая, как можно из-за такого пустяка так дергаться.

– No, no, no, – замахал Томас руками, затем все-таки отдал мне эту бумажку, и после я весь вечер вспоминал и удивлялся его манерам.

Так между нами и повелось. Если мы обедали где-то в кафе или выпивали по чашке чая, он скрупулезно высчитывал, насколько я потратился, и возвращал мне эти деньги. В моих глазах это была просто квинтэссенция холодного капитализма, и я считал все это слишком уж большой щепетильностью, граничащей с придирчивостью. Но потом я все-таки проникся этой логикой и понял, что в таком этикете немало плюсов.

Когда вас связывают с человеком только деловые отношения, а ты платишь за своего визави раз, другой, третий, то в конечном итоге может сложиться ощущение, будто рядом с тобой халявщик, особенно если речь идет о мужчине. А в рабочих отношениях подобное недопустимо.

Томас был по-своему прав – и я стал вести себя на предложенный им манер. Мы чуть ли не до копейки подсчитывали, кто, сколько потратил и на что, потом делили

расходы. Я как восточный человек, конечно, сильно напрягался по этому поводу, зато Томас считал это абсолютно справедливым, даже нормой. Так продолжалось до тех пор, пока мы не притерлись друг к другу. Томас пообвыкся тут, в России, и перестал вскакивать каждый раз, когда приносили счет, а я перестал обращать внимание на его желание не быть никому ни в чем обязанным.

Еще одно важное качество, которое кардинально отличало Томаса от остальных артистов, – это скромность. Томас не считал себя звездой, его никак не заботил его собственный статус, не важно было, на каком автомобиле он едет (хотя он понимал, что хорошая машина и хороший номер в гостинице – это часть его имиджа, но не более), его не заботила стоимость его одежды и прочие материальные признаки успеха.

Кроме того, он очень спокойно реагировал на тщеславные проявления нашей родной российской эстрады – то есть не замечал их. Работа была превыше всего. Он безо всяких уговоров приезжал, куда необходимо, отрабатывал свой концерт независимо от времени суток, получал свои деньги и спокойно уезжал работать на другую площадку.

Рядом с ним я попросту набирался опыта, перенимал взгляд на жизнь, манеры западной культуры отношений и, что самое приятное, с утра до вечера практиковал английский. Томас по-русски почти не говорил, и поначалу мы общались с ним чуть ли не жестами, так как я всегда изучал немецкий, а английский знал чуть-чуть…

Репертуар у Томаса и Полины тоже был англоязычный. Поэтому еще одной важной задачей стало изучение английского языка.

Общались мы на первых порах весьма оригинальным образом. Поскольку говорить по-английски я почти не мог, и телефонные переговоры с Томасом были практически исключены, Томас… слал мне смс-ки на английском. Я ловил эти смс-ки, тут же бежал к кому-либо, кто владел английским, мне переводили. Затем я просил своих «спасителей» ответить Томасу по-английски. С устной речью помогала Полина, которая постоянно выступала переводчиком – весь первый год я сам не мог ни слова вымолвить, ни понять. Полина, разумеется, была не в восторге от такого расклада:

– Да что же это такое?! – возмущалась она. – Я вам что, переводчик? Сколько можно язык-то учить, боже мой!

Это было адресовано как мне, так и Томасу. Полина, в отличие от Томаса, русский освоила. А мы с ним, как два сапога пара – ни я по-английски, ни он по-русски. Смехота.

Меж тем, как я уже говорил, у Полины с Томасом был бурный роман, который плавно проникал во все сферы нашего бытия. Как говорится, романом никого не удивишь, но то, что вытворяли Полина с Томасом, однозначно выбивалось из всех доселе виданных мной историй.

Для начала скажем, что и Полина, и Томас, как люди творческие, перманентно демонстрировали взрыв эмоций. Перепады настроения следовали один за другим: то они безумно любили друг друга, то устраивали скандалы. Причем выяснять отношения они вполне могли прилюдно. Но что это были за выяснения!

Впервые я увидел их… дерущимися. У меня на глазах, в моем номере. Полина изо всех сил дубасила Томаса за какую-то провинность, и я стоял и думал, не позвать ли на помощь. А главное, думал я в этот момент: что будет с нашей совместной работой, если они окончательно рассорятся?

Но нет… Проходила пара часов, и я уже видел их внизу в баре, страстно целующимися и воркующими, как два голубка. Я даже помыслить себе не мог, что такая амбивалентность чувств возможна – и, признаться, за всю жизнь ни разу нигде такого больше не видел. После каждого показательного скандала оба спокойно выходили на сцену и прекрасно пели, после чего вместе возвращались домой.

Постепенно количество и стоимость концертов нарастали, у Томаса появился отличный хит «Since you\'ve been gone», затем еще один, который они с Полиной пели дуэтом, и дела наши пошли на лад. Я снова оказался гастролирующим менеджером, который ездил с ними по городам и весям, без устали договаривался, устраивал, организовывал. Периодически я всех их сильно ненавидел, периодически любил.

В те годы я вдруг осознал, что, несмотря на мою привязанность к этим людям, на мою любовь к профессии, все-таки это – работа. Просто работа. И воспринимать этот процесс необходимо именно таким образом. А я на работе буквально жил, пропускал все это через себя, проникался этим и не в полной мере понимал, что у каждого из нас своя дорога. Сейчас мы сотрудничаем, завтра можем попросту разойтись, поскольку у кого-то из нас планы поменялись. Я понял, что не нужно подпускать так близко к сердцу всех, с кем трудишься. У меня был печальный опыт с Муратом Насыровым, с Батырханом Шукеновым, но спустя годы я совершенно иначе смотрю на все те истории, много проще и спокойнее.

Мурат к тому времени уже стал самодостаточной единицей, и я никоим образом не вмешивался в его творчество. С ним мы

договорились, что специально для него я предоставлю от компании «Музыкальное единство» администратора, который будет везде с ним ездить, но сам я перестаю заниматься продюсированием Мурата как артиста. К тому времени Мурат вполне был способен заниматься собой самостоятельно, и он весьма обрадовался такому моему предложению. По контракту он все еще оставался артистом моей компании, ей же полагались какие-то дивиденды от его концертов, но по факту занимался Муратом уже другой человек.

Мы периодически пересекались с Муратом, но все реже и реже. Все так же нас связывал Баглан – он постоянно рассказывал новости о Мурате, мы вместе виделись в компаниях, на концертах, презентациях, тусовках. Но былой близости уже не было. Тем не менее оставалось нечто неуловимое, что сложно выразить словами – что именно, знали только я и Мурат.

Раздав долги, я решил, что пришла пора двигаться дальше. У меня оказалось достаточно времени для себя, я испытывал настоящий информационный голод, хотел учиться, развиваться, расти и, наконец, осваивать все новые и новые горизонты.

Поступил на психологический факультет Академии Госслужбы. Мне хотелось делать что-то в государственном масштабе, на более высоком уровне, понимать нужды людей и помогать им. Могу сказать, что большую роль в выборе места учебы сыграла моя попытка баллотироваться в Госдуму – столь высокий уровень ответственности предполагал высокий уровень знаний.

Забавный эпизод произошел на экзаменах по английскому при поступлении в академию.

Несмотря на то что к тому времени я бегло разговаривал по-английски (спасибо Томасу), мне, к моему удивлению, поставили «тройку».

– Но почему «тройка», если я почти каждый день говорю по-английски? – возмутился я.

– Тот человек, с которым вы говорили по-английски, – с достоинством ответили мне, – имеет акцент…

– Как так?! Он же свободно владеет языком, мы постоянно общаемся! – продолжал я настаивать на своем.

– Ну, знаете ли… – преподаватель развел руками, а я почувствовал, что окончательно запутался в этих иностранных премудростях.

Когда я рассказал Томасу эту историю, он очень долго смеялся, но, в сущности, преподаватели были правы. Ведь с Томасом у нас сформировался довольно своеобразный английский, а сам Томас на самом-то деле родом из Дании.

Когда уже ничего нельзя исправить…

Чем старше мы с Багой становились, тем он делался все более родным, уютным и даже, может быть, излишне сентиментальным. По крайней мере, я так считал. Моя жизнь все так же крутилась вокруг гастролей, куда мы постоянно летали с Томасом и Полиной, а жизнь Баглана будто бы завертелась вокруг меня и Мурата. К Баглану я привык настолько сильно, что для меня он стал частью жизни, и я воспринимал все его жесты и поступки, как само собой разумеющееся. По крайней мере, ощущал я нашу дружбу именно так.

Как-то раз перед очередной гастрольной поездкой Бага стал названивать мне с предложением срочно увидеться, что меня немного удивило. Мы оба – любители бани, раз в неделю вместе ходили париться. Но тут Багу словно прорвало:

– Пожалуйста, давай сходим, только найди время. Я сам все оплачу, – и засмеялся, – я же богатый, у меня денег – куры не клюют…

– Хорошо, – говорю. А сам недоумеваю: что за настырность?

Мы поехали в один из наших любимых банных клубов, провели там весь день, сплетничая по-мужски. На следующий день он снова позвонил:

– Арман, поехали в баню, а? Ну, пожалуйста…

– Ты шутишь? Мы же только вчера там были?.. – Меня действительно немного тревожило, что Баглан вдруг так резко сократил дистанцию и стремится общаться все больше и больше.

Но отказать другу не мог, да и не хотел – поэтому мы снова поехали с ним туда же, и так продолжалось несколько дней подряд.

Мы с Багланом, надо сказать, обычно взаимодействовали достаточно просто – обсуждали произошедшие события, делились планами. Словом, дискутировали всегда на чисто мужские темы. Таких вещей, чтобы высказывать свое отношение друг к другу, а тем более в какой-то доверительной манере нам было не нужно. Это было бы не по-мужски. Слова «ты мой самый лучший друг», «я тобой дорожу» или даже «я тебя люблю» никогда в адрес друг друга не звучали. Но вдруг…

– Знаешь, мы уже давно работаем с «А-Студио», отличный коллектив, как одна семья, – внезапно начал Баглан. – Но это я чувствую, что это – просто работа. Будто в офис ходишь…

– Ты это к чему? – насторожился я, понимая, что эти слова –

лишь начало новой серьезной темы.

– Так вот… У нас с ребятами все равно нет таких доверительных теплых отношений, как с тобой, например. Могу сказать, что здесь ты – мой самый близкий друг, самый родной человек, и я так тебя люблю…

В этот момент Баглан был преисполнен каким-то особенным умиротворением. С одной стороны, он говорил искренне, от всего сердца, с другой стороны – это был какой-то другой пласт чувств, доселе нами нетронутый.

Я раскрыл рот от удивления и немного отстранился.

– Бага, да ты чего, прямо как девочка! – воскликнул я. – Мы же взрослые люди, не нужно этих слов! Люди проверяют друг друга на поступках, а не на словах, – меня все эти Багины сантименты сильно раздражали…

Тогда я еще не знал, что это последние дни нашего с Багланом общения и что я никогда его больше не увижу. Видимо, Бага интуитивно чувствовал, что приближается нечто, разлучающее нас, и спешил высказать напоследок все, что было у него на душе. Стремился побольше провести времени вместе. А я уж очень нервно на все его порывы реагировал.

– Арман, послушай! – твердил Бага. – У меня в Казахстане тоже есть один-единственный человек, которого я могу назвать настоящим другом. А в Москве мой друг – это ты, мы столько лет вместе, и я не могу без тебя. Когда я улетаю куда-то, мои мысли – только о тебе. Даже девушка, с которой я живу, моя невеста, жутко ревнует меня к тебе только потому, что каждый день, приходя домой и ложась в постель, я набираю твой номер и разговариваю с тобой по два часа. Она кричит: «Даже я со своими подругами столько не болтаю, сколько ты разговариваешь с Арманом!» Представляешь?

– Очень смешно, – ответил я.

А сам думал, с чего Баглан вдруг так завелся? Какая муха его укусила?

На следующий день после этого разговора мы с Томасом улетели на гастроли в Сочи, а Бага отправился с «А-Студио» в Юрмалу. Благополучно отработав все концерты, мы с Невергрином погрузились в самолет, и я уже предвкушал, как буду дремать по дороге в Москву под мерный гул двигателей аэробуса. И в этот момент раздался звонок – это был Бага:

– Арман, Арман, Арман! – весело кричал он в трубку. – Как у тебя там дела?

– У меня все в порядке, – буркнул я в полудреме. – Все хорошо, летим в Москву…

Настроение у Баги было приподнятым, а сам он будто бы не

замечал, что я не совсем расположен к беседе. Обычно ребята из «А-Студио» после Юрмалы разъезжались по отпускам, поэтому у Баги впереди было двадцать свободных и беззаботных дней. Неудивительно, что в этот момент он испытывал бурную радость, которой тут же спешил поделиться.

– Слушай, мы были в Юрмале, столько новостей накопилось, ты не представляешь! Я тебе столько расскажу, ты упадешь просто! Ну, послушай меня, послушай!..

– Бага, отстань! – устало отмахнулся я. – Я сижу в самолете, ты меня сейчас на деньги подставишь, я же в роуминге!

– Ну, послушай…

– Бага, я буду через два часа в Москве, вылетаю из Сочи. Вернусь – и поговорим, ладно? Ты сейчас вообще где находишься? – гнул я свою линию.

– А мы сейчас с подругой поедем в ресторан пообедаем. Потом с тобой увидимся, ладно?

– Отлично, договорились! – ответил я и хотел нажать на зуммер, но Бага будто не отпускал меня…

– Арман! Друг! Люблю тебя! Ух, как я тебя люблю! – а сам смеялся от счастья…

– Бага! Ну, хватит уже! – окончательно разозлился я и повесил трубку.

Томас, который в этот момент сидел рядом и слышал весь наш диалог, обеспокоенно спросил:

– Что-то случилось?

– Да ничего. Это Бага со своими нежностями. Совсем не узнаю его в последнее время…

Невергрин словно в воду глядел, но в тот момент я этого еще не знал. Просто отключил телефон, как положено во время полета, и погрузился в полудрему…

Как только самолет приземлился в Шереметьево, первое, что я сделал – включил мобильник и тут же обнаружил огромное количество пропущенных звонков и смс-ок. Звонили в основном из «А-Студио»: Байгали Серкебаев (мы чаще звали его Боря) и Володя Миклошич. Тут же Боря позвонил.

– Арман, ты где? – закричал он. Я сразу понял, что-то не так. Борин голос был не просто взволнованным, он был заплаканным.

– Боря, что случилось? – спросил я, а у самого сердце вдруг заходило в груди ходуном, словно маятник, в предчувствие плохих вестей.

– Арман, мы потеряли Багу… Мы потеряли нашего Баглана! – выкрикнул Боря и навзрыд зарыдал прямо в трубку…

– Я не понимаю тебя, – ответил я. – Объясни, что случилось?

– Бага разбился на машине, он умер, понимаешь! Баги больше

нет! – истошно выл Байгали, и его голос резонансом отзывался у меня внутри. До меня не доходило то, что он только что мне сообщил.

– Боря… – где-то в глубине души у меня еще жила надежда. – Хватит пороть всякую чушь, ты что такое говоришь! Что значит, Бага умер?

– Бага разбился на машине, – не переставал кричать Байгали. – Мы сейчас здесь все, на Звенигородском шоссе, это район Улицы 1905 года, он лежит здесь на асфальте. Мертвый.

И снова заголосил:

– Мы потеряли нашего Баглана, мы потеряли нашего Багу!..

Еще не осознавая этого, я опрометью бросился из салона самолета наружу.

– Арман, ты куда? – Томас выскочил вслед за мной и догнал уже на трапе. – Что случилось?

– Бага разбился, – ответил я коротко и отвел глаза. – Не могу сейчас говорить, извини. Едем на «1905 года»…

Где-то в районе солнечного сплетения я ловно чувствовал нож. Судьба с размаху воткнула его, как подкравшийся втихомолку тать, и теперь поворачивала, безжалостно вспарывая внутренности, а холодное мерзкое лезвие причиняло нестерпимую, дикую боль, которая накатывала волной под горло и не давала дышать. Пересохшими губами я ловил воздух. Я просто знал – случилось страшное, и ничего больше не будет как прежде.

Томас не задавал вопросов. Он устремился за мной, мы тут же сели во встречавшую нас машину и погнали на полной скорости в район Улицы 1905 года – это примерно полчаса от Шереметьево.

* * *

Даже увидев своими глазами перекореженную машину, лежащего на асфальте окровавленного Багу, мертвую девушку, кажется, его сотрудницу, плачущих и суетящихся людей вокруг – я не мог поверить. Я только что, буквально несколько часов назад, слышал Багин задорный смех, его голос, и думал, что так будет вечно. Всегда. Но выиграла смерть. Это она крадет наших близких, вторгается в наши планы, не спрашивая, нравится нам это или нет – ей все равно, успели ли мы сделать что-то важное, что-то сказать, кого-то полюбить, или нет… Ей все равно, что станет с нами и нашими душами. Ей просто нужны новые живые тела. Но почему Баглан? Почему именно он?

Вокруг собралось неисчислимое количество журналистов, прохожих. Среди этой толпы буднично сновали работники ДПС, составляя протоколы – уже почти все было окончено, и трупы должны были погрузить в машину «скорой помощи», чтобы везти в морг.

«Это просто сон, – проносилось в голове. – Этого не может быть, не может. Он должен был меня встретить». Я все еще слышал Багино «я тебя люблю, друг» – и тут же видел его беспомощное тело на земле. Какая-то дисгармония, нелепость. Вся эта разноголосица звуков и чувств вдруг переполнила меня, и дремавшее внутри несчастье выплеснулось наружу потоком слез, которые я не мог и не хотел останавливать.

Тем временем машина «скорой помощи» отъехала, увозя дорогого мне человека. Ребята из «А-Студио» подходили ко мне, что-то спрашивали, пытались докричаться до меня, а я ничего не слышал и не понимал, будто в этот момент оглох. Я слышал только звонкое: «Я люблю тебя, друг»… и заливистый смех в трубке мобильника.

Наконец я осознал, что произошло, а также понял, что теперь необходимо заниматься организацией похорон – «А-Студио» взяли все эти вопросы на себя. Ребята подготовили документы для отправки Баглана в Алма-Ату, где его тело ждали убитые горем родители. По мусульманским обычаям похороны должны состояться сразу же после трагедии, поэтому времени на церемонии не было – мы устроили короткую панихиду, после чего гроб улетел в Казахстан, на родину.

Я не знаю, гримаса ли это судьбы, но я не видел похорон Баглана. В тот же день в Ташкенте должен был состояться большой праздник в честь рождения моего сына, мы планировали эти мероприятия задолго до случившегося, были созваны все родственники, друзья, и вдруг такое… Похороны моего друга. И одновременно праздник по случаю рождения первенца. Жизнь и смерть.

Байгали сказал мне на это:

– Арман, теперь ты должен думать о живых. В данной ситуации ты уже ничего сделать не сможешь. Ты Багин близкий друг, мы все это знаем. Важно, что у тебя в душе. Поезжай на праздник своего сына. Я думаю, что Бага правильно бы тебя понял.

Когда-то давно я встретил Баглана в Москве. И попрощался с ним тоже в Москве. Он навсегда остался моим московским другом. Самым близким из всех, кого я когда-либо знал.

Я даже не могу вспомнить сейчас, как я провел свой праздник – беда и радость завязались в один причудливый узел, но по

возвращении в Москву я уже четко осознавал, что Баги больше нет. Я силился, но никак не мог сжиться с этой мыслью. Время остановилось для меня. Целыми днями я рыдал так, будто у меня вырвали кусок. Это словно вакуум, поражающий тебя непривычной тишиной и отсутствием какой-либо надежды. Бродил по дому, натыкаясь на подаренные Багой вещи, я то и дело хватался за телефон, потому что мне не хватало ежедневного:

– Арман, Арман, Арман! Я тебе сейчас такое расскажу, ты упадешь!

Да, у меня была жена, маленький сынишка, которых я безумно любил. Но род чувств, который я испытывал к Баглану, был совершенно иным. Друг – это навсегда, считал я. Все в этом мире непостоянно и быстротечно, иногда люди женятся повторно. Детей тоже может быть несколько, а потом они, вырастая, уходят от нас и живут своей жизнью. И только друг – это святое, что остается с тобой, несмотря ни на что, на всю жизнь. Мы были с Багой вместе пятнадцать лет, многое пережили – и горе, и радость. В Москве моей опорой сначала был только Баглан. Потом у меня появилась семья, и я считал, что теперь могу чувствовать себя в окружении самых близких. Но вышло так, что осталась только жена и сын.

Жена пыталась мягко возвращать меня в этот мир:

– Баглану ты уже никак не поможешь. Сейчас ты должен подумать о нас, как нам жить… У нас есть ребенок, посмотри…

Ее слова и забота действительно сдерживали меня и не давали тонуть. Постепенно, шаг за шагом, я начал приходить в себя и спустя несколько недель, наконец, окончательно вернулся к работе…

Хадж

Мурат тоже стремглав примчался на место гибели Баглана, и он был вне себя от произошедшего – с ним случилась настоящая истерика, он так плакал и рыдал, что заставил бы содрогнуться даже камень. Ведь Баглан тоже был его другом – причем одним из самых близких, почти как и мой.

Самое ужасное, что это общее горе не объединило нас с Насыровым. Напротив, в этот момент, не знаю, как Мурат, но я почувствовал, что между нами больше нет этого связующего звена, которым всегда был в нашей жизни Бага.

Мурат переживал это горе по-своему – в своей семье, среди своих друзей. Я переживал это горе в себе и со своей семьей. Какое-то время спустя после похорон мы не звонили друг другу – видимо, раны были слишком свежими, и нам обоим не хотелось их бередить. Осенью, наконец, раздался звонок от Мурата:

– Арман, знаешь, я его вижу во сне – Багу. Его фото развесил по всей квартире, все время о нем думаю.

Я сказал:

– Я не могу сделать то же самое, потому что стал беспокоиться за свою жену. Она видит, какой я нервный, неуравновешенный, но при этом все время повторяю: все в порядке, все в порядке.

Я понимал, что у нас маленький ребенок, что не имею права травмировать еще и жену, боялся, вдруг у нее на нервной почве молоко пропадет. Она все время говорила:

– Неужели вы нас не любите? Почему вы так себя ведете? Подумайте о нас, подумайте о ребенке…

Прошло еще несколько месяцев. Я все так же продолжал работать с Томасом, а группа «А-Студио» в это время подыскивала на место Баглана другого гитариста. Да, «шоу должно продолжаться». В «А-Студио» решили, что самым верным будет принять в группу сына Баглана – Тамерлана, который тоже был гитаристом. Байгали звонил мне, интересуясь моим мнением, на что я ответил:

– Не нужно этого делать. Тамерлан – парень молодой, ему всего 17 лет, и он только что потерял отца. Вы же знаете, что такое популярная группа, шоу-бизнес его проглотит. Не делайте этого.

Однако ребята очень хотели помочь, и Тамерлан приступил к работе – его обучали, опекали, но впоследствии он все же решил поехать учиться и покинул группу. К тому же совершенно справедливо было то, что пережитый им стресс, связанный со

смертью отца, сделал невозможным сотрудничество с группой, где все напоминало о несчастье.

* * *

Я все чаще думал о жизни и смерти, о том, что произошло с Багой, о конечности всего сущего на Земле. Искал спасения от страданий и боли, приходилось держать все это внутри, это разрывало на части как проросшие корни дерева, и в особо острые моменты, когда эта изощренная пытка становилась особенно яростной, начинал молиться. После мне становилось немного легче…

Я стал посещать мечеть. Молился по пять раз на дню, не стесняясь никого, находя для этого и время, и место. Молился Господу, но не за себя, а за своего умершего друга, который однажды явился мне во сне.

Во сне я видел Багу, сидящего передо мной среди какой-то неясной сизой дымки. Он был бледен и грустен, выразительно смотрел на меня, словно хотел углядеть что-то особенное. Я воскликнул:

– Бага, ты же умер!

Он снова взглянул на меня и покачал головой. А я сбивчиво затараторил:

– Скажи, мы правильно сделали, что похоронили тебя в Алма-Ате? Мы хотели в Москве…

– Да, вы правильно сделали… – эхом отвечал он, и его голос шелестел и струился поверх сизой дымки, глуховатый и невесомый.

– А ты видел, как мы с тобой прощались? Слышал, что говорили тебе?

– Да, я все видел и слышал…

– Ты же мне всегда первый рассказывал о новостях, что да где, как старший брат. Вот ты умер – скажи, что там, после смерти? Что ты там видишь?

В ответ – молчание. Бага все так же смотрел на меня и просто сидел, не проронив ни звука.

– Ну, пожалуйста, скажи, что ты там видишь?

Тишина.

– Хотя бы скажи, тебе хорошо там?

– Мне тут тяжело…

Сказал он – и исчез. Растворился. Дымка в одно мгновение будто растащила его на мелкие невидимые частички.

С утра я бегом побежал в мечеть, к своему духовному

наставнику, имаму.

– Мне приснился умерший друг! Он сказал, что ему тяжело тут…

Имам ответил:

– Молись за его душу. Может быть, от того все это…

И я понял, что настала пора обрести истинную веру. Я принял решение, что буду молиться – ради своей семьи, ради Господа, молиться за Багу, чтобы ему было там хорошо. Может быть, я не был истово верующим, но понимал, что есть высшая сила, над которой мы не властны, и к которой можем прибегнуть за спасением и покровительством. Именно в молитве я искал спасения для души, молитва давала мне долгожданное облегчение, покой, я стал чувствовать себя намного лучше. Мне казалось, что и Баге от этого лучше. Считал, что внес некую лепту, чтобы моему дорогому другу было хорошо там, где он сейчас.

Три месяца я возносил Богу свои просьбы и мольбы. Пока, наконец, однажды не увидел другой сон, в котором Бага ехал по дороге на велосипеде. Счастливый, довольный. Улыбался. И в этот момент я окончательно оттаял душой, понял, что внес свою лепту, и теперь все обязательно будет хорошо.

Настал декабрь.

Имам, к которому я постоянно ходил, сказал мне:

– У каждого мусульманина есть обязанность хотя бы раз в жизни съездить в Мекку, совершить хадж. Съезди сам, свози жену и мать – пока она еще жива. Это твой сыновний долг – дать ей возможность искупить свои грехи.

Я понял его слова, поскольку и сам много раз думал об этом. Теперь я отчетливо видел, что настала пора исполнить свое предназначение.

Для каждого мусульманина поездка в Мекку, хадж – это особый ритуал и священная обязанность, которая позволяет очистить душу и сердце, соединившись с Богом. Как бы родиться заново, посвящая себя святой вере и принося свою жизнь на суд и милость Всевышнего.

После этого разговора с имамом я позвонил маме и долго беседовал с ней, объясняя свои намерения. Она была сильно растрогана, до такой степени, что благодарила меня и плакала – а у меня, когда я слышал ее дрожащий голос, в душе рождалась целая гамма необъяснимых чувств.

Моя жена тоже обрадовалась моему решению, поскольку выросла в мусульманской семье, где чтили веру и свято соблюдали ее каноны.

– Ты знаешь, я решил свою маму свозить в хадж, – сказал я

жене.

Супруга моя по-настоящему обрадовалась. Конечно же, она поддержала мое решение, и мы стали вместе готовиться к этой поездке, согласно всем мусульманским правилам.

Мы подготовили визы, оформили документы на выезд. Я соблюдал все предписанные обеты – не пил спиртного, не курил, не сквернословил, ел только разрешенную пищу, молился… Жена тоже готовилась – мы оставляли ее родителям нашего годовалого малыша.

Нас ожидал еще один сюрприз…

Оказалось, что супруга снова ждет ребенка. Это была действительно неожиданность, ведь мы не планировали в ближайшее время детей. Хотя до конца эту возможность не исключали.

Мы очень обрадовались и одновременно испугались – поехать на хадж во время беременности… Я заволновался из-за здоровья жены – пройти все церемонии хаджа довольно рискованно даже для полностью здорового человека, а если речь идет о беременной женщине, то рискованно вдвойне.

– Может быть, ты не поедешь? – обеспокоился я, глядя на жену. – Еще не поздно отменить.

– Давайте поедем, – тихо попросила меня супруга. – Мне кажется, это очень важно – совершить хадж вместе с будущим малышом… как будто он тоже предстанет перед Аллахом.

Уезжать мы должны были сразу после дня рождения Мурата Насырова – четырнадцатого декабря. Последние год или два он меня не приглашал, а сам я не приходил. Но в этот год получилось иначе. Неожиданно Мурат позвонил и будничным голосом сообщил:

– У меня день рождения. Я тебя приглашаю…

Мне показалось, что его поступок связан со смертью Баглана Садвакасова. И мне, и ему в тот момент хотелось общаться больше с теми людьми, которые его хорошо знали. К тому же Бага был нашим другом.

Знаете, большинство коллег, с которыми работаешь, по прошествии времени забывают о тебе – ваши пути расходятся, и если они не пересекаются, то мы «расходимся как в море корабли». Это естественный процесс, в котором нет ничего трагичного или странного. Планы меняются, траектории человеческого движения тоже – и только самые близкие люди остаются с тобой, где бы ты ни был.

– Мурат, – попросил я. – Я уезжаю в хадж, приду на твой праздник обязательно, но ненадолго, хорошо? Просто поздравлю…

– Хорошо, – коротко ответил Мурат. На днях рождения принято веселиться, много есть, пить и танцевать. Но я был уже морально готов к отъезду в Мекку и, кроме того, алкоголь нельзя было употреблять. Было еще кое-что важное, о чем я не сказал.

Хадж – это событие, во время которого с человеком могут происходить разные странные, порой опасные вещи. Бывает, что люди не доживают до окончания хаджа, умирают. Считается, что в тот момент, когда они предстали перед Богом, он решает, забрать их душу или нет – и если это произошло, значит, жизненный путь пройден. Хадж является прообразом Судного дня, когда человек получает справедливое воздаяние за свои грехи, чтобы начать свою жизнь с чистого листа. Поэтому перед хаджем принято прощаться с близкими людьми. У тебя не должно быть долгов, ты должен составить завещание, у всех попросить прощения. Приехать чистым и свободным от мирских дел.

Молитва, которую читаешь перед хаджем, гласит: «Я предстал пред Тобой, О, мой Господь! Вот я перед Тобой! Поистине хвала Тебе, все блага и вся власть принадлежат Тебе. И нет наряду с Тобой соучастника во всем этом!» И тот, кто приезжает на хадж, должен быть заранее готов к тому, что его жизнь может окончиться.

Таким образом, я приехал к Мурату в ресторан и, когда гости уселись за стол, я поднялся, взял стакан с соком и произнес, опередив тамаду:

– Пока не начался этот праздник, разрешите произнести тост.

Гости одобрительно загудели.

– Мурат, – сказал я. – Не хочу вспоминать о том, что было в прошлом. Тем более обсуждать это. Но то, что я тебя искренне уважаю и люблю – это факт. Я желаю тебе…

Дальше я говорил самые обычные слова – желал счастья, любви, семейного и финансового благополучия. Но то, как я это говорил – не было дежурными фразами. Все это было очень искренне, настолько, что в зале воцарилась полная тишина, пока я произносил эту речь. Мурат меня тоже понял.

Чуть позже, когда он пошел меня провожать, я сказал ему:

– Прости, что не могу остаться сейчас. Я уезжаю и хотел бы попросить у тебя прощения. Прости меня, пожалуйста, если я когда-либо в жизни обидел тебя или сделал что-то плохое…

Мурат немного удивился, затем помолчал и тоже произнес:

– Ты знаешь… Прости меня тоже. Но ты же знаешь, Арман, Бог простит…

Он всегда так говорил и считал, что это правильно. Я пожал Мурату руку, потом мы обнялись, словно братья, впереди у которых долгая разлука. И я пошел прочь. Это был последний раз,

когда я видел Мурата живым. Я не знал тогда, что это наша последняя с ним встреча…

* * *

Как бы я ни готовился, как ни читал молитвы, ни смотрел фильмы, ни учил правила поведения, но поездка на хадж и то, что там происходило, стало для меня полной неожиданностью, откровением, инсайтом. Все это было настолько величественно, торжественно и возвышенно, что я окончательно понял и принял – Бог действительно существует. Он есть, и он рядом с каждым из нас.

Я знаю, что многие великие ученые, вопреки мнениям, верили в Бога. Среди тех, кто совершил великие открытия и написал великие произведения искусства, не было атеистов. Все они рано или поздно приходили к глубокой вере, и, наверное, в этом есть какой-то смысл. Только вера способна духовно возвысить человека, укрепить его, очистить помыслы, сделать добрее и мудрее. Те правила, что существуют в каждой религии и записаны в священных книгах, по сути, означают одно и то же – будь честен, не иди на поводу у своих страстей, уважай все сущее на Земле, веруй…

Это был переломный момент моей жизни, когда я нашел успокоение, очистился от переживаний, страха, злобы, ревности, обиды. Я понимал, что в жизни есть любовь, доброта, не на уровне слов, а на уровне сердца. Ощущал это душой. Наверное, за последнее время мне пришлось немало пережить – и на хадже я дал волю своим чувствам. Плакал.

Слезы – это то тайное, что мужчина никогда никому не показывает. Даже для него они – словно удар под дых или в область сердца, которое именно в эти моменты упрямо заявляет свое право на существование. Ты вдруг начинаешь остро чувствовать все, что происходит вокруг, слышать запахи и звуки, различать оттенки, это поначалу сбивает тебя с ног, заставляет иначе смотреть на мир, на себя, на людей. Ты входишь в контакт с самим собой и со своими эмоциями. Они могут быть радостными, грустными, возвышенными, а могут приносить колоссальные мучения. Слезы дают облегчение и ощущение того, что ты все еще жив.

Мы пробыли в Мекке и Медине двадцать с лишним дней. Я и жена боялись даже вспоминать о нашем сыне, поскольку сейчас наши души принадлежали только Всевышнему, ему одному. Но супруге было сложнее всего – впервые она оставила малыша,

которого кормила грудью, и сейчас ее глаза были полны слез. Мы старались лишний раз не думать о сыне, ибо если ты едешь в хадж, ты должен полностью оставаться с Богом. Вслух мы не говорили о ребенке, чтобы не травмировать друг друга – тем более что волноваться было не о чем, малыш остался под надежным присмотром.

Но все же без происшествий не обошлось… Наш второй будущий сын проявлял себя, задав супруге жару – ее постоянно тошнило, кружилась голова, она чувствовала слабость, а я, глядя на все это, нервничал и просил ее пойти в гостиницу. Жена отшучивалась и мотала головой – нет, мол. Но в один прекрасный момент мне пришлось все же настоять на своем, дело дошло до обморока.

Мы отправились пообедать в середине дня и зашли в небольшое кафе, где я встал в очередь, чтобы взять какую-нибудь еду. И вдруг, обернувшись, я увидел, как она, закатив глаза и беспомощно взмахнув руками, начала плавно падать вместе со стулом назад. Подскочив к ней, я начал осторожно трясти ее, бить по щекам, пытаясь привести в чувство. В этот момент я чувствовал настоящую внутреннюю панику, поскольку я совершенно не знал, как мне себя вести.

Я схватил ее на руки, вынес на свежий воздух, положил на скамейку и продолжил тормошить, не представляя себе, что бы еще предпринять. Наконец, жена приоткрыла глаза:

– Можно мне чаю? Устала… – прошептала она.

– Да-да, конечно! – рванул я скорее обратно в кафе, и когда я вернулся с пиалой, полной ароматного чая, супруга уже сидела на скамейке и немного виновато улыбалась.

– Перетрудились мы, – тихонько сообщил она, имея в виду себя и будущего малыша.

В этот момент я почувствовал настоящее облегчение, поскольку испугался, что жена может попросту умереть от таких нагрузок.

Всю последующую неделю я просил ее чаще отдыхать, хотя молиться мы ходили все-таки вместе. Это был один из самых важных моментов моей семейной жизни – тогда я почувствовал настоящую ответственность за свою семью, жену и детей, которые доверились мне и с которыми я не мог позволить, чтобы случилось что-то плохое.

Хадж очень сблизил нас всех – меня и маму, которую я в последнее время видел довольно редко. Я совершенно по-новому взглянул на свою супругу, почувствовав, что она намного более родной мне человек, нежели я раньше предполагал. Но главное – в моей душе произошли серьезные изменения, которые мне

довольно сложно описать словами. Ведь, по-моему, нельзя описать силу своей веры – это можно только прочувствовать, понять, пропустить через себя. Могу сказать, что после хаджа я вернулся абсолютно другим человеком.

Первое впечатление, которым встретила меня Москва, стало ощущение, будто я попал во что-то очень грязное. Духота, смог, суетящиеся и шумящие люди вокруг, мусор на улицах, сальные шуточки и разговоры окружающих. Мне казалось все это каким-то непристойным, неприличным – все мои возвышенные чувства и эмоции подверглись обструкции и жесткой цензуре.

Один из опытных верующих сказал мне на это:

– Понимаешь, если ты душой чист, ты не испачкаешься. Не нужно бояться этого и опасаться – если ты будешь об этом думать, то обязательно во все это влипнешь. Не нужно даже вспоминать. Если ты сам чист внутри и помыслы твои чисты, все будет в порядке.

Есть такое понятие, как «эффект молока», которое пришло к нам из животного мира. У лебедей есть одно свойство – они способны отделить молоко от воды, перемешанной с молоком, и выпить его. А еще лебеди отличаются тем, что они верны своим любимым до гробовой доски. Может быть, этим объясняется их величавая горделивая красота…

Завтра никогда не наступит?

После хаджа мне понадобилось время, чтобы прийти в себя и осмыслить все произошедшее. Я лежал дома со сломанной ногой, на работу ходить не мог, полететь с Томасом и Полиной на гастроли – тоже. Мне оставалось лишь думать о прошедшем.

Мне позвонил Володя Миклошич из «А-Студио» и обеспокоенно спросил:

– Уже в Москве, Арман? Ты давно видел Мурата?

– Давно, а что случилось?

– Знаешь, у меня такое ощущение, что с ним творится неладное. Несколько человек видели его в последние дни, кажется, он не очень хорошо себя чувствует.

– А что случилось?

– Не знаю. Сам я не видел. Но ты ведь знаешь, если я ему позвоню, он вряд ли прислушается. Может быть, ты позвонишь ему?

Когда я взялся за телефон, то с удивлением обнаружил несколько пропущенных звонков. Они были сделаны в пять утра. «Насыров», – высветилось на табло. Телефон Мурата был раньше с антиопределителем номера, а тут получается, что он хотел, чтобы его номер определился? Я тут же попытался перезвонить, но мобильный Мурата был недоступен. Тогда я набрал Жанне, подруге Баглана, и Жанна поведала мне следующее:

– Арман, ужас, что происходит, не знаю, что тебе рассказать. С Муриком что-то не так… По поводу Багиной смерти, да еще твоего отсутствия в городе он сильно переживал. Я не в курсе подробностей, мы с ним мало виделись. Сейчас у него наступила какая-то критическая точка…

– С чем это связано?

– Он говорит, что ему мерещится Бага, что он его все время видит. Но самое страшное, он стал с ним разговаривать. Позвонил мне утром, говорит, видел Багу во сне, мол, Бага просит о помощи, все твердит: «Помоги, помоги». Мурат попросил меня встретиться…

– И что дальше? – Я уже понимал, что происходит неладное.

– Ну, мы с ним встретились. Договорились недалеко от того места, где Баглан погиб. Я пришла, а Мурат сидит на тротуаре, играет на гитаре и плачет, представляешь? Мы с ним разговорились, но он был… даже не знаю как сказать… какой-то странный, не в себе, что ли. Он плакал, потом успокаивался, потом у него вдруг начинались какие-то видения.

Все рассказанное Жанной взволновало меня, и я

отреагировал на это немедленно:

– Ему нужна помощь. И Володя Миклошич звонил, тоже так считает…

– Он уже дома, с ним Наташа и дети. Я только что говорила с Наташей. Она сказала – все в порядке, Мурат успокоился, принял душ и лег спать.

– Мне кажется, раз такая ситуация, надо в любом случае вызвать врача, – предложил я.

– Подождем до утра, – ответила Жанна. – Они сейчас отдыхают, все в порядке, не волнуйся…

Но утра мы так и не дождались. Примерно через сорок минут – а было уже в районе десяти вечера – мне позвонил Саша Скурихин, администратор Мурата, и прокричал:

– Арман, Мурат выбросился из окна, он погиб!

Я не поверил своим ушам. Дальше все происходило как в полусне, который сложно воспроизвести досконально. За мной заехал кто-то из друзей, мы сели в машину, поскольку с больной ногой сам я не мог управлять транспортом, и приехали на место трагедии.

На улице шел дождь со снегом, кругом слякоть и грязь, а я вижу эту картину – Мурат лежит у окна около своего дома, а вокруг, как всегда, собралась толпа – милиция, «скорая помощь», сочувствующие, журналисты.

Мне рассказали, что буквально за несколько часов до случившегося Мурат не мог успокоиться и постоянно куда-то выбегал. А затем произошло ужасное. Пресса в подробностях описала все моменты его смерти, которые нет нужды повторять…

Но меня мучило еще и другое. Если с Багланом мы в последнее время много говорили о нас, Бага как бы символически «прощался» со мной, рассказывал, как сильно мной дорожит, как любит, то с Муратом у нас никогда ничего подобного не происходило.

Внешне наши отношения выглядели достаточно прохладно – но то, что происходило внутри, не было достоянием широкой публики и навсегда осталось чем-то сокровенным, невысказанным. Мы не держали друг на друга обид, глубоко друг друга уважали, относились с теплотой – понимая при этом, что с какого-то момента наши жизни попросту разминулись. Тем не менее мы до конца оставались близкими людьми.

За несколько месяцев до смерти Мурат позвонил мне и попросил:

– Я знаю, что ты сейчас молишься, и хочу поехать с тобой в мечеть, можно? Со мной что-то происходит, не могу найти себе места…

– Конечно, Мурат.

По пятницам он приезжал ко мне, мы ехали с ним в мечеть, чтобы молиться. Иногда Мурат звонил и в другие дни:

– Можно я опять с тобой поеду? Ты знаешь, я молюсь, и мне становится легче.

Я пытался выведать у него:

– Мурат, что с тобой происходит?

На что он отвечал:

– На душе очень плохо. Я не могу понять, с чем это связано. Вроде на работе все хорошо, появились концерты. В семье все отлично. Но внутри чувствую какую-то тяжесть, не могу от нее избавиться. Помню, отец говорил – когда тебе будет очень плохо, молись. Вот я подумал, глядя на тебя: ты ведь молишься за Багу и не так переживаешь…

А однажды он позвонил с просьбой:

– Скажи, у тебя есть знакомый имам? Может быть, он мог бы приехать домой и прочитать молитву? Я знаю, у христиан домой приезжает батюшка, освящает квартиру, молитвы читает…

После его слов я действительно договорился с имамом, и мы вместе приехали к Мурату домой. Наташи с детьми в этот момент не было, и мы трое – я, Мурат, имам – прочитали молитвы, после чего Мурат как-то успокоился и воспрял духом. Я смотрел на него и видел, какой он радостный, воодушевленный, что ему все это очень помогло.

Ни на секунду не верю, что он покончил с собой. Мурат был глубоко верующим человеком, а самоубийство, согласно любой вере, – тяжкий грех. Точно так же не может быть правдой то, что он мог принимать наркотики. Учитывая набожность Мурата и его воспитание, он никогда бы не решился на подобное. Когда я увидел все своими глазами, я не мог поверить, что такое возможно… Что он оставит семью, детей…

Дальше было словно дежавю…

Марата привезли в тот же морг, что и Багу полгода назад. Снова начались приготовления, связанные с прощанием и сбором похоронных документов – какой-то страшный сон, который не должен был повториться.

На панихиду были приглашены только самые близкие, кто непосредственно окружал Мурата Насырова. И неожиданно для нас всех проводить его в последний путь приехала Алла Борисовна. Никто из нас не сообщал ей о трагедии, но она узнала все сама, от нее позвонили люди с вопросом:

– Во сколько состоится панихида? Алла Борисовна хотела бы попрощаться…

Она приехала. Слова, что она произнесла над его телом,

потрясли всех присутствующих своей простотой и искренностью:

– Прости, что, может быть, не всегда была рядом. Прости, что тебя не уберегла. Прости, что не всегда могла уделить столько времени, сколько тебе было нужно. Но ты – настоящий артист. Настоящий человек, талантливый, с уникальным голосом. И мы будем помнить тебя всю жизнь.

Затем она попросила:

– Давайте, как принято у всех артистов, проводим его аплодисментами.

И Мурат получил последние овации от тех, кто был его самыми чуткими и преданными поклонниками.

…То, что Пугачева приехала почтить память Мурата Насырова, для нас всех был очень важный и показательный момент. Артистов в шоу-бизнесе немало. Но Пугачева среди всех – теплый, щедрый человек и, возможно, ее можно назвать мамой шоу-бизнеса. Ее появление нас поддержало и немного смягчило горечь утраты. Хотя вряд ли что-то могло возместить нам эту потерю.

И снова были похороны.

Я все это уже «проходил», проживал, но гибель Мурата отозвалась в моей душе немного иначе, чем гибель Баглана. Хотя я был убит горем, оплакивая Багу, я знал, что с ним мы сказали друг другу все те самые заветные слова, которые друзья обычно держат при себе и не произносят вслух. В случае с Муратом осталось много недосказанного. Я так и не успел сказать ему, как сильно дорожу им, не нашел в себе смелости, не улучил момент. Хотя у меня не раз возникало внутреннее желание подойти к нему и сказать об этом. Я чувствовал. Может быть, он тоже хранил в себе свои чувства…

На моей свадьбе он просто коротко объявил, подняв бокал:

– Поздравляю тебя! Я очень рад, что ты женишься. И только ты и я знаем, что нас связывает.

Очень многие люди спрашивали меня впоследствии, а что именно имел в виду Мурат? Действительно, только мы с ним и могли знать об этом. Только никогда не говорили об этом вслух.

Мурат в моей жизни всегда являлся очень непростой фигурой. Если с Багой отношения были довольно открытыми, теплыми и в чем-то даже сентиментальными, то с Муратом, как с более сложной натурой, мы ладили гораздо меньше.

Он был очень гордым, независимым и сильным человеком – при этом чрезвычайно тонко настроенным, остро реагирующим на любую фальшь. Наши «эго» постоянно сталкивались, хотя души жили в унисон. Бывало, думаешь: ведь мы же так чутко друг друга понимаем, и я знаю, что где-то в глубине он со мной

согласен, но в следующий момент мы снова схлестывались в очередной перепалке и расходились в разные стороны. Ни конца, ни края не было этому противостоянию, потому что, по сути своей, мы были похожи характерами. А с Багой мы все же дополняли друг друга.

Поэтому нам с Муратом было сложно открыто проявить взаимные теплые чувства. Мы стеснялись эмоций и отгораживались друг от друга на «безопасное» для самолюбия расстояние. А внутренне тянулись друг к другу. Я до сих пор думаю о том, что если бы мне не пришлось изо всех сил держать образ босса и всемогущего продюсера, пытаясь сохранить свое реноме, возможно, Мурат остался бы жив. Кощунственно звучит, я понимаю, но ничего не мешало мне быть более искренним, внимательным, открытым. Менее формальным…

Тем не менее в самые сложные моменты своей жизни Мурат обращался именно ко мне. За советом, за поддержкой и помощью. И мне же он доверил самое личное, что у него было – его веру в Бога.

Маски, которые мы носим… Мы часто находимся в рабстве у статусов и правил, которые вынуждены соблюдать для того, чтобы вписаться в социум, ладить с ним и выглядеть более успешными, чем есть на самом деле. Приходя на работу, мы играем роль исполнительных служащих или строгих начальников, которые знают все и никогда не ошибаются. Дома мы надеваем другую маску – отличного семьянина, доброжелательного и справедливого отца, нежного супруга, защитника и опоры, который не может и не должен быть слабым. Среди друзей мы также играем определенную роль – нам необходимо выглядеть успешными, перманентно позитивными, не имеющими проблем.

Мы скрываем свои опасения и трудности, ведь никому не хочется иметь дела с неудачниками. Наши родители тоже часто не знают правды, ибо волнуются за детей намного больше, чем сами дети за них, и если у бывшего ребенка, который уже давно стал взрослым, возникает серьезная трудность, даже близкие зачастую не до конца представляют, насколько ему тяжело.

А за кадром остаются душевные страдания, муки духовного роста, которые мы даже под дулом пистолета никому не можем высказать, чтобы не показаться беспомощными или смешными. Никто добровольно не признается в своей слабости и не покается в своих ошибках. Это стыдно. Чтобы снять панцирь и перестать защищаться, нужно быть действительно очень сильным человеком.

В конечном итоге мы теряем себя. Не ясно, где мы настоящие, а где просто «образ». Мы лишены искренности, готовы «плясать»

на любой лад – сегодня так, завтра эдак. Сегодня одно мнение, завтра – другое. Нам страшно высказать свое истинное отношение, если оно идет вразрез с общепринятым.

В первую очередь страшно из-за того, что теряются сиюминутные преимущества связей и контактов. Мы можем не любить человека каждой клеточкой своего тела, а можем его, напротив, обожать, но он никогда не узнает об этом. А отношения будут строиться как товарно-денежные до тех пор, пока что-нибудь в этой цепочке не придет в негодность. Кто-то заболеет. Кто-то умрет. Кто-то решит сменить род деятельности или потеряет должность.

Мы также любим откладывать все на завтра. «Завтра скажу», «завтра сделаю». Мы откладываем на завтра даже любовь. Но завтра никогда не наступит. Может быть, на следующий день, позвонив по указанному номеру, мы услышим вкрадчивое: «Абонент находится вне зоны действия сети». Люди не планируют свои собственные похороны. Все случается внезапно. А потом – пустота.

Со смертью Мурата в моей жизни наступила полоса, которую я назвал бы емким: «Все кончено». Ни Баги, ни Мурата больше нет, а я до сих пор не знаю, как мне без них жить. Баглан был для меня тем человеком, который позволял мне – да и не только мне – снимать те самые маски без опасений быть непонятым. А Мурат являл собой образ той самой мужской дружбы, когда многое ясно без слов. Не было между нами ни бурных объяснений, ни заверений в вечной симпатии, но в самые сложные моменты жизни каждый из нас непостижимым образом оказывался рядом и делал то, что положено.

Это намного больше слов.

Жизнь много раз сводила нас и растаскивала. Ведь, если вдуматься, даже после первого нашего с ним разрыва (помните студию «Союз»?) он приобрел известность и мог выбрать себе любого продюсера. Я тоже не бедствовал, когда работал в компании «МедиаСтар». У обоих было все хорошо, и нам нечего было делить. Но Мурат все равно вернулся ко мне, просто потому что когда-то я был ему предан. И он также выражал свою преданность – может быть, на несколько суховатый лад. Каждый раз, делая болезненный выбор, он предлагал мне компенсации, как бы извиняясь за то, что он следует своему собственному пути. А то, что у него был собственный путь, – несомненно.

Знаете, что еще удивительно?

Мы часто забываем о действительно ценных вещах. Ждем подходящего момента, думаем о перспективах. Говорят: «Хочешь насмешить Бога, сообщи ему о своих планах». Мурат был

известен, любим многими, его музыку по сей день слушают люди. Но его жизнь внезапно оборвалась.

Я пережил немало смертей – будучи ребенком, потерял отца, потом – брата. Умер Бага, человек, который был для меня как брат. Казалось бы, столько потерь – наверное, должно быть уже не так больно. Но каждая новая утрата остается как незаживающая рана, которая саднит всегда, сколько ни заговаривай. А жизнь бьет все снова и снова – Мурат стал той последней «точкой», за которой для меня наступил предел моральных сил. Не могу сказать, что я сломался, но внутренне я сильно изменился с тех пор. Я многое понял о себе и о людях…

Да, я верю в Бога. Я верю также, что Мурат был гениальным человеком – поэты заканчивают жизнь в этом возрасте. В тридцать семь лет. Я также верю в то, что Бог не всегда может ответить человеку на его вопросы и просьбы. Он дает нам какие-то знаки, намекает, а порой и заставляет взглянуть. Вокруг нас происходят события – мы часто приписываем их удаче или неудаче, собственным способностям и наклонностям, а на самом деле это, возможно, просто ответ Творца. Через ситуации, через людей, которые вокруг нас.

* * *

После смерти никто не посмел отозваться плохо о Баглане – хотя и писали, и говорили много всего. И что Садвакасов ехал на большой скорости, и что был невнимателен. Излагали множество версий, почему так произошло.

Совершенно иное было с Насыровым. Мурат для многих был «терра инкогнита». Меньше всего о нем писали, насколько потрясающей была его музыка и насколько хорошо он пел. Зато вовсю изгалялись на тему того, что Мурат был якобы наркоман, пьяница, психопат, что покончил жизнь самоубийством, что он не думал о своей семье, что чуть ли не участвовал в секте… Только спустя время, когда этот дьявольский гомон, наконец, прекратился, все вспомнили, что Насыров – певец воистину талантливый и неординарный.

Но правда и в том, что после смерти Баглана Мурат находился в состоянии душевного разлада, даже обращался за помощью к специалистам. Мурат потерял лучшего друга, которому в моменты сомнений мог откровенно рассказать обо всем, что его тревожило. А со мной Мурат был, скорее, сильным, чем слабым, старался не давать волю чувствам. Он был стойким человеком, поэтому он сломался так, как ломаются крепкие

здоровые деревья – погиб, но не прогнулся.

В тот день он не мог и не собирался умирать. Мурат панически боялся смерти и разговоров о ней, пытался спастись от наваждения в своей исконной вере. К тому же, когда его дела потихоньку снова пошли на лад, он по свидетельству тех, кто постоянно с ним находился, пребывал в хорошем расположении духа.

Возможно, Насыров делал какие-то ошибки, но ему просто нужна была помощь. Все мы ходим под Богом, и с каждым из нас может случиться всякое.

* * *

После смерти Мурата Бага тоже снился мне несколько раз. Учитывая произошедшее, я стал бояться его появления и однажды прямо во сне мысленно попросил его:

– Бага, пожалуйста, прошу тебя, умоляю, уйди… У меня семья, дети, я не хочу всего этого. Пожалуйста, можешь оставить меня в покое? Я уже тебя боюсь…

Удивительно, что после этого все мои сны прекратились. Остались только светлые воспоминания и добрые чувства.

Мне кажется, Мурат настолько сильно любил Баглана Садвакасова, что все в его жизни померкло после этой смерти. Бага был своеобразным спасением и для Мурата, и для меня, но Мурат, видимо, нуждался во всем этом много сильнее, чем я.

Проводив в мир иной двух своих друзей, я много времени посвятил размышлениям о том, как много внимания мы уделяем порой тому, что не является существенным. И насколько часто пропускаем мимо глаз то, что является сутью. Мы много говорим о работе, бизнесе, читаем и слушаем новости, путешествуем, но при этом порой не понимаем глубинной сути происходящего. Мы не хотим замечать такие важные вещи, как милосердие, сострадание, любовь. Часто не ценим наших близких хотя бы за то, что они рядом. Считаем это само собой разумеющимся, хотя это вовсе не обязанность, это – ценный подарок судьбы.

Мы все, наверное, и те люди, с которыми мы общаемся, живем и дружим, как цыплята из одной корзины. Для меня всегда было загадкой и таинством, по какому принципу мы кого-то любим, а кого-то отвергаем. Живые существа, мы все друг к другу тянемся, нуждаемся друг в друге, каждый имеет в нашей душе свое место. И когда мы кого-то теряем, то образуется страшная зияющая брешь, пустота, которую нечем заполнить. Наши потери невосполнимы. С годами, конечно, раны рубцуются, боль стихает,

но в момент удара не каждый может перенести это, пережить.

Я видел и знал, как искренне Мурат оплакивал смерть Баглана. Еще я часто думаю о том, что на месте Мурата мог бы оказаться и я. Если бы я не поехал на хадж со своей семьей, не нашел утешения в молитве – возможно, меня бы постигла похожая участь. Такие моменты подкашивают людей.

И до сих пор, вспоминая Мурата, я чувствую сожаление от невысказанного…

В жизни есть немало моментов, когда мы радуемся и огорчаемся. Но если для нас кто-то ценен и дорог, пока еще есть отпущенное судьбой время, нужно говорить об этом вслух. Нужно любить и не бояться любви. И если ты чувствуешь что-то – скажи о своих чувствах, не молчи. Скажи о любви, о том, насколько важен для тебя тот или иной человек. Не только друзьям, возлюбленным, но и родителям, ведь они тоже нуждаются в душевной теплоте и заботе.

Мы никогда не знаем, что с нами будет. И понимаем, что уже поздно что-либо менять только тогда, когда теряем своих близких.

А судить – легко. Можно кого-то оклеветать, оболгать, найти и вынести на свет чьи-то ошибки, грязно исказив их смысл. «Не судите – да не судимы будете».

И Багу, и Мурата я помню живыми, а их смерть будто бы случилась вчера. И до сих пор я не могу до конца поверить в то, что их нет рядом. Для нас, живых, все это может быть знаком, что, с одной стороны, вы можете приехать издалека, добиться в жизни многого. Но неизвестно, что будет дальше. Поэтому, планируя и строя свою судьбу на годы вперед, необходимо не забывать жить сегодня и сейчас.

Семья и работа

Я очень благодарен судьбе и супруге, наличие близких людей в большой степени поддерживало меня после всей этой истории с Муратом. Люди часто не придают значения тому, насколько сильно на нас влияют те или иные чувства. Запирают их на замок и хранят в строжайшем секрете.

Но если ты занимаешься шоу-бизнесом, который напрямую связан с творчеством, то хочешь, не хочешь, а приходится открываться, что чревато острой чувствительностью ко всему, что происходит вокруг тебя. С одной стороны, ты ощущаешь малейшие оттенки человеческих взаимоотношений и наслаждаешься каждым их нюансом. С другой стороны, те же сложности и трудности во взаимоотношениях, личные неурядицы и потери могут основательно сбить с ног. Мне удалось пережить все это, полагаю, только благодаря тем людям, которые поддерживали меня и были рядом со мной. Моя семья.

Немного свыкшись с мыслью, что ни Баги, ни Мурата больше нет, я постепенно вернулся в жизнь. Мы с женой с большим энтузиазмом посещали бассейн, ходили в школу матери и ребенка и готовились к рождению младшенького, которого я заранее обожал.

Однако по состоянию здоровья супругу положили на сохранение.

Вот тут-то я и прочувствовал все прелести семейной жизни – когда у тебя на руках маленький ребенок, который требует неустанного внимания, а тебе при этом нужно работать. На несколько месяцев я превратился в одинокого работающего папу. С одной стороны, это был довольно забавный опыт, но с другой стороны – это внесло значительный сумбур в весь рабочий процесс, мне пришлось подстраиваться и лавировать.

Большинство встреч в шоу-бизнесе назначается вечером, а мне в это время ребенка нужно было спать укладывать. В девять я баюкал его, и когда он, наконец, закрывал глазки и засыпал, то начиналось самое интересное. Я тихонько выскальзывал за дверь и отправлялся в ближайшее кафе на деловую встречу. При этом мне приходилось изобретать хитроумные способы присмотреть за малышом во время вынужденного отсутствия.

* * *

Если встреча затягивалась, я поступал так. Сажал малыша в

детское кресло, пристегивал сзади к сиденью, и мы с моим собеседником наматывали круги по Садовому кольцу, на ходу обсуждая дела. Причем, если мы останавливались, ребенок тут же просыпался и начинал плакать, поэтому мне приходилось снова заводить двигатель и продолжать движение. Иногда я брал годовалого сынишку с собой в ресторан – и там под тихие звуки музыки он мерно посапывал у меня на коленях, а мои деловые партнеры дивились происходящему.

Когда перед самыми родами жена вернулась из больницы, я несказанно обрадовался и вздохнул с облегчением – наконец-то есть кому за сынишкой присмотреть.

Но это был не последний повод для волнений. На очередном плановом осмотре, шла уже тридцать восьмая неделя, жене сделали УЗИ, и обнаружилось, что с будущим малышом не все благополучно.

– Вы знаете, есть некоторые проблемы, – озабоченно объявил врач. – Мы обнаружили, что у ребенка пережата пуповина, маму нужно срочно оперировать!

Нам казалось, что все плохое уже позади, и впереди нас ожидают одни только радостные события. Жена заплакала от неожиданности, посмотрела на меня и попросила:

– Пожалуйста, съездите в мечеть, помолитесь. Ничего не нужно делать, ни с кем разговаривать, просто съездите туда и выполните мою просьбу… Пожалуйста…

Так я и сделал. Со слезами на глазах я обратился к тому, от которого зависит жизнь, и попросил: пожалуйста, помоги нам! Ведь было все в порядке, что же произошло?

Это была даже не просьба, это был вопрос, на который я попросту не знал ответа.

Когда я вернулся в роддом, где жена ожидала операции, меня снова огорошили:

– Вы знаете, а сейчас мы снова сделали УЗИ, и оказалось, что все в порядке… Это похоже на чудо, но это так, – только и развел врач руками.

Может быть, это можно назвать чудом, но мы с женой верим до сих пор, что это не просто совпадение.

Родился наш второй ребенок чуть раньше срока, и совсем маленький. Мне поначалу казалось, что если первенец – это огромное событие, то к рождению второго ребенка относишься уже спокойнее. Однако оказалось, что это не так. Все те же эмоции, точно так же нервничаешь, переживаешь. Помню, я шел по роддому и видел эти маленькие комочки за стеклом послеродового отделения – один, второй, третий, четвертый, пятый… И мой – в самом конце лежит, совсем крошечный,

меньше всех.

Когда я глянул на эту кроху, у меня сердце защемило от нахлынувшей нежности. Я не до конца понимал, как же я теперь смогу разделить свою любовь между двумя детьми. Но по прошествии времени понял: очень здорово, что у нас с женой есть двое детишек – они почти ровесники, вместе играют, вместе ходят в садик, разговаривают.

* * *

После своего динамичного повествования о шоу-бизнесе я плавно перешел на рассказ о родных и близких.

Между прочим, это очень интересная тема – шоу-бизнес и семья. Постоянные переезды, ночные вечеринки, концерты и плотный график работы, который, казалось бы, не предполагает длительных отношений.

Поэтому задаешь себе вопросы: а сколько тепла и любви я могу дать своим близким? И могу ли вообще? Вплоть до сакраментального: а достоин ли я вообще иметь семью?

Недавно я общался с одним человеком не из мира шоу-бизнеса, но с ним было интересно говорить на различные темы. По окончании беседы он вдруг признался мне:

Знаешь, я чрезвычайно удивлен тем фактом, что работающий в шоу-бизнесе человек может говорить о таких вещах, как семья, любовь, дети, другие духовные истины. Мне казалось, что у вас в голове одни песни и пляски, деньги и рейтинги, больше ничего. Сейчас мне даже удивительно, что ты так переживаешь за своих родных – точно так же, как и любой другой человек.

Я только усмехнулся в ответ. Ибо далеко не у всех людей из мира шоу-бизнеса в голове одни только рейтинги. Однако далеко не все имеют смелость высказать это вслух.

– И мне никогда не хотелось изображать из себя супермена. Я такой, какой есть – живой человек со своими слабостями и достоинствами. То есть не идеальный. И точно так же, как и все мы, переживаю за то, что происходит с моими близкими людьми и со мной лично. Стыдиться тут абсолютно нечего.

В последнее время появилось такое понятие, как «призрачный папа» или «призрачная мама». Это состояние семьи, при котором ребенок видит своих родителей всего час или два в день максимум, а остальное время родители работают, занимаются еще какими-то делами. Все это делается якобы для блага детей.

Но детям нужны совсем другие блага. Они охотнее прочтут с мамой и папой книжку, сходят погулять или поиграют в какую-то

игру, нежели оценят стоимость нового автомобиля. Я, например, тоже нечасто нахожу время для своих детей и осознаю в полной мере, что это неправильно. С годами я научился находить все больше времени для семьи, поскольку понял, что для меня мои дети и моя жена самые близкие люди, которых заменить нельзя.

Мы озабочены завтрашним днем – как бы заработать, удержать себя на определенном уровне. Помним о прошлом, чтобы, не дай бог, с нами не случилось что-нибудь негативное. Но при этом забываем о настоящем. А потом, спустя время, спохватываемся: «Ах, что же я наделал? Как же быть?» Считаю, нужно четко планировать свою жизнь и понимать, чего ты хочешь. Но при этом делать определенные выводы из прошлого и наслаждаться настоящим.

* * *

Когда умер Бага, а за ним Мурат, мне было настолько тяжело, что можно было говорить о депрессии… Но что такое депрессия, на мой взгляд? Это когда человеку ничего не нужно делать – он лежит, стонет, что у него все плохо и ничего не изменится. Конечно, у каждого человека в жизни бывают моменты отчаяния и растерянности, когда он не знает, куда идти и что делать, считает свою жизнь неудавшейся. Но лучше сокращать такие периоды. Депрессия? Ляг на диванчик, поплачь-расслабься минут двадцать, потом иди и занимайся своими делами.

Вот только как быть с детьми – они не понимают наших состояний. Им часто кажется, что они виноваты в наших слезах и наших бедах. Но разве это правда?

Мой старший сын как-то раз подошел ко мне, ручонками обнял и произнес:

– Папочка, ты даже не представляешь себе, как я тебя люблю! Ты самый красивый папа на свете!

Я на него посмотрел и так растрогался, что у меня на глазах появились слезы.

Малыш, глядя на это, не на шутку испугался:

– Папа, папа, что случилось, почему ты плачешь?

Пришлось сдержаться.

* * *

В каком-то из интервью я прочитал, что происходящее вокруг нас – не более чем красивая мишура. Успех и его внешние

атрибуты – это всего лишь часть жизни. Но есть друзья, близкие, родственники, семья – и они часто уходят на второй план. Мы постоянно сетуем на то, что в нашей стране все плохо, и люди-то не те, и общество не то, и вообще все не так. Вечно сравниваем себя с кем-то, но забываем, что счастье совершенно не зависит от того, богат ты или беден, зато зависит от того, какой ты в семье – как ты детей воспитываешь, сколько внимания им уделяешь.

В последнее время я начал ценить свое время. Бывает, сижу на встрече, визави опаздывает на полчаса, а я в это время думаю – лучше бы я находился сейчас дома, детьми занимался, с женой пообщался. В сутках двадцать четыре часа – это очень четко понимаешь именно в такие моменты.

Еще одно важное открытие, которое я сделал для себя за последние годы: никто не идеален. Я понимаю, что сейчас изрек банальность, но это нужно особенно ясно осознать и прочувствовать. Например, сидите вы рядом с человеком, разговариваете, вам все в нем нравится, вы думаете – какой же он замечательный, почему я раньше его не встретил? А в следующий момент он рассказывает о себе или делает нечто такое, что повергает вас в шок. Он сразу же низко падает в ваших глазах. И вы уже думаете о нем плохо. А сами разве без греха?

Правда, это совершенно не означает, что над собой не нужно работать. Я, например, перестал ссориться со своими домашними. Когда мне хочется вспылить, высказать вслух что-то обидное, я тут же задаю себе вопрос: «Что для тебя важнее – быть правым или быть счастливым?» Я также спрашиваю себя при этом, хочу ли донести информацию, которая укрепит отношения? Или ругаюсь, чтобы поругаться? Очевидно, что, если я хочу и дальше общаться с человеком, не стоит делать и говорить какие-то вещи, которые могут оставить горький осадок, а то и вовсе разрушить взаимопонимание.

И не только в семейных отношениях, но и в общении с коллегами, друзьями, важно быть искренним и при этом корректным. Артисты – люди очень ранимые и чувствительные, поэтому они в большей степени нуждаются в этой самой искренности и бережности. Даже если мне не нравится какой-то человек, я, возможно, не буду говорить об этом вслух. Однако – и это тоже в последние годы – я осознал, что нет по-настоящему плохих и хороших людей. Есть те, кто подходит тебе или не подходит. Именно это помогает мне находить общий язык с совершенно разными людьми и обнаруживать неожиданные достоинства там, где, казалось бы, уже «прочитана книга». Хоть это и очень трудно в нашем мире.

Любой человек – и я, и артисты, и многие из читателей –

стремится к самореализации, внутреннему умиротворению, достичь которого можно, только будучи в состоянии любви. Но при этом артист отличается от обычного человека тем, что он всегда в поиске. Чем занимается в своей жизни артист? Творчеством. Он ищет себя в песнях, стихах, проявляет себя на сцене. Начинающий артист, как правило, озабочен сию-минутным – он горит, чего-то страстно желает, самовыражается, ищет славы, его прельщает весь этот сверкающий лоск. Артисты более опытные и прошедшие огонь и воду, на мой взгляд, склонны задумываться о более сложных вещах. Им важно, что они оставят после себя – как для людей в целом, так и для своей семьи.

В клубке целующихся змей

Как-то раз в хорошей книге я прочел, что, когда все мы закончим жизненный путь, нам придется нести последний ответ за то, как мы смогли реализовать себя в семье, в любимом деле, и насколько духовно богатыми нам удалось стать. Добавлю от себя, что в сложные годы моей жизни только вера и желание развиваться дали мне возможность сохранить себя и даже дать старт новой карьере.

Все произошедшее в моей жизни, особенно негативный опыт, который я болезненно переживал, натолкнуло меня на мысль о пересмотре фундаментальных ценностей, а также на жгучее желание разобраться в причинах и следствиях многих процессов, понять истоки тех или иных взаимоотношений с людьми.

Второй фактор, сыгравший важную роль в выборе нового направления в образовании, – желание приносить пользу стране, способствовать укреплению международных отношений. Я уже попробовал себя в политике, и эти сведения не мог и не хотел сбрасывать со счетов. Мне не терпелось разобраться, почему, несмотря на обширный опыт работы в шоу-бизнесе и с людьми, мне не удалось убедить большинство избирателей.

Поэтому я поступил в Академию государственной службы при Президенте РФ на факультет акмеологии и психологии управления. Решил, что это тот самый недостающий штрих в палитре моих знаний – у меня уже было юридическое и техническое образование, но отчаянно не хватало фундаментальных знаний в области взаимоотношений с людьми.

Артисты, с которыми я работаю, – люди творческие и, следовательно, ранимые, они создают удивительные вещи. С другой стороны, они подвержены срывам, отчаянно нуждаются в четкой организации своей жизни – и история с Муратом Насыровым тому явное подтверждение. Акмеология как наука помогает выявить все самое лучшее в человеке, помочь ему раскрыть его способности и эффективным образом их применить.

Учиться оказалось и сложно, и интересно. Мне было далеко за тридцать, а я сел за парту с молодыми студентами, только-только окончившими вуз, что не мешало получать полнейший кайф от процесса обучения. В жесткий гранит науки я вгрызался самозабвенно и с душой – интересные практические занятия, тренинги, лекции, домашние задания – все, как и много лет назад, когда я только поступил на первый курс моего первого вуза.

Точно так же, как и все студенты, я садился утром в метро,

так как на машине добраться было нереально из-за бешеных пробок, и к девяти часам утра, в час пик мчался до «Юго-Западной» на первую пару. Надо ли говорить, что чувствовал я себя лет на двадцать моложе, будто мне снова семнадцать, и жизнь моя начинается сызнова, набело, будто и не было сделано столько ошибок, испытано столько разочарований.

Кое-кто из окружения реагировал на мое новое увлечение со смехом – мол, зачем тебе это нужно? Есть семья, ребенок, неплохая карьера сделана, и снова с молодежью в школу ходишь. Разве недостаточно того, что уже есть? На все эти нападки я отвечал очень просто:

– Это нужно мне. Да, у меня есть дети, но что я могу им дать, если не смогу получить необходимые знания?

Конечно, можно потратить годы для того, чтобы самостоятельно добыть все те сведения, которые люди копили годами – можно читать книги, пытаться находить наставников и учителей самостоятельно. Но зачем тратить столько ценных усилий, если все это систематизировано, сконцентрировано, отточено и предложено в удобной, доступной для понимания форме? Педагог – ведь это тоже дар, не каждому дано донести до ученика свой практический опыт.

Признаться, первое время учебы в институте я себя чувствовал чуть ли не полным болваном – молодые ребята рядом со мной схватывали все буквально на лету, а мне приходилось вникать часами. Конечно, у меня был ценный практический багаж, но – чуть вправо-влево, и я уже не разбирался в элементарных вещах. Постепенно я втягивался и усваивал материал все быстрее и быстрее.

Интуиция меня не подвела – я разобрался во многих происходивших со мной процессах, постепенно научился справляться с эмоциональными нагрузками, разложил все по полочкам в своей душе и даже проникся некоторым сочувствием к тем своим «подопечным» артистам, на которых я порой обижался. Но главное, я лучше стал понимать психологию управления, а это для шоу-бизнеса является немаловажным фактором успеха.

Произошел и еще один важный перелом в моих взаимоотношениях с самим собой. Я вдруг обнаружил, что научился органично разделять работу и личную жизнь, приведя эту сторону жизни в надлежащий баланс. Для кого-то это, возможно, звучит странно, но люди шоу-бизнеса часто остаются одиноки, поскольку для них работа превращается в фетиш, в смысл существования, где на карту поставлено абсолютно все, и даже жизнь.

Ты попадаешь в этот поток и не можешь с ним справиться –

бесконечные гастроли, разъезды, тусовки, банкеты, рейтинги, эфиры, опять гастроли, репетиции, ночные концерты. Это съедает тебя, выжимает как лимон, и если одной стороной медали является признание публики и деньги, что не всегда бывает достижимо, то другая сторона медали – это потеря контакта с самыми дорогими для тебя людьми. В сложные моменты своей жизни артисты и их продюсеры остаются один на один с собой – и тут зависит уже от человека и от высшей воли, насколько он справится с этим состоянием, насколько не сломается и восстановит душевное равновесие. Я все это глубочайшим образом осознал и понял – вот еще один важный плюс полученного образования.

После окончания академии мне предложили поступить в аспирантуру, и я с удовольствием согласился и продолжил свои психологические изыскания. Поскольку многое в моей жизни связано с верой, то и тему диссертации, которую я выбрал для защиты кандидатской степени, я выбрал – «Влияние духовной культуры на государственных служащих», что было неожиданно даже для видавшего виды учебного заведения. Я рассмотрел многие религии – ислам, буддизм, христианство.

Параллельно я продолжал работу в своем «Музыкальном единстве», ездил на гастроли с Полиной и Томасом. Словом, наступило очень плодотворное время, когда информация ссыпалась тоннами, я поглощал ее с жадностью младенца, ничуть не уставая учиться и открывать для себя новые интересные грани бытия.

* * *

Мир тесен. В этом убеждаешься не раз – особенно когда после стольких лет перерыва в сотрудничестве тебя вновь приглашают те, с кем ты когда-то неплохо потрудился бок о бок. Отсюда простая и незамысловатая мораль – старайся жить и работать по совести и таким образом, чтобы людям было, что хорошего о тебе вспомнить, и чтобы была возможность встретиться вновь.

Спустя некоторое время после окончания академии я получил приглашение от телеканала «Муз-ТВ», который теперь возглавлял Рубен Оганесов, бывший когда-то одним из акционеров небезызвестной «МедиаСтар». Я с удовольствием откликнулся, так как, признаться, соскучился по всей этой суетливой «кухне» – да и взгляд на профессию был уже несколько иной.

Поначалу меня взяли на должность букера канала, координирующего появление в эфире артистов.

Можно сказать, что я вернулся в «большой шоу-бизнес» и снова закрутился с залихватской скоростью, ощутив на себе весь тот бешеный ритм, который вынуждены ежедневно выдерживать на себе популярные артисты и менеджеры.

Забавно было и другое.

Ощущение, с которым я вернулся. На собственном опыте – раньше и сейчас – я прочувствовал разницу между состоянием, когда ты востребован, популярен и всеми любим, и состоянием, когда ты предоставлен самому себе, состоянием заброшенности. Это только кажется, что периоды спада популярности и невостребованности бывают только у артистов. Нет, менеджеры и продюсеры тоже испытывают на себе взлеты и падения, избежать которых сложно, относиться к которым можно по-разному, но проходят через них практически все. Кто-то впадает в затяжную депрессию, кто-то спивается, кто-то берет себя в руки и пытается идти на штурм новых Олимпов – однако всегда приходится делать какой-то выбор для себя. Упасть и утонуть окончательно, или встать и подняться.

Но даже не это ценно. Кто-то из знаменитостей окрестил шоу-бизнес хлестким – «клубок целующихся змей». Блестящий, яркий, силиконовый мир, здесь все сияет, каждый день праздник, все друг другу улыбаются, все друг с другом дружат, звучит музыка, вокруг снуют красивые женщины и мужчины, подъезжают лимузины, кричит восторженная толпа. Много лет назад, когда я впервые попал за кулисы, меня прельстило именно это – красивая блестящая обертка этой горькой конфетки, которую я раскусил и попробовал на вкус.

Встречи, банкеты, хождения по ресторанам со звездами первой величины – все так красиво и помпезно, что не сразу понимаешь, насколько это искренне. А это просто работа. Представляете, для кого-то работа – объясняться в любви? Вот это и есть закулисье и один из аспектов взаимоотношений с артистом. Ты объясняешься ему в любви, он объясняется тебе в любви, вы друг друга любите, но ровно до тех пор, пока ваши дороги связаны деловыми отношениями. Как только кто-то из вас исчезает из поля зрения, больше не нужен или перестает полноценно исполнять обязанности, вы забываете друг о друге. Не потому, что вы жестоки, а просто потому, что ваша жизнь продолжается, а кто-то перестал быть ее частью.

Пройдя огонь и воду, потеряв Багу, Мурата и часть своей души, я вернулся в шоу-бизнес уже с совершенно другим ощущением и подходом. Да, мне до сих пор многое интересно. Чувствую себя спокойно и уверенно, потому что я – профессионал. Но это только работа. Удивительно это

произносить – но это только работа! Я вкладываю в нее свои силы, душу и время, но тепло своего сердца я все же оставляю для семьи. Если раньше я мог сказать, что моей семьей были мои артисты, то сейчас я совершенно четко понимаю, что люди, с которыми я работаю, это участники филигранно организованной цепи взаимодействий, где каждому отведена своя определенная роль.

Один из моих знакомых однажды усмехнулся на этот счет:

– Бьюсь об заклад, многие сейчас начнут тебе рассказывать, как сильно они соскучились по тебе за пять лет. Как они тебя любят…

На что я также усмехаюсь:

– Я их тоже люблю… Как и записано в должностной инструкции.

Впрочем, это не мешает мне искренне понимать нужды каждого из тех, с кем я работаю.

* * *

Недавно я смог еще раз убедиться в том, что плодотворное сотрудничество в прошлом рождает возможности для дальнейшего взаимодействия в будущем.

Восемь лет назад у меня случилась интересная история, связанная с проведением пиар-мероприятий. В Москве в те годы проводились Дни культуры Астаны, и я взял на себя обязанности по организации пресс-конференций, пиар-акций и сопутствующих действий. Я контактировал с большим количеством людей, но по окончании сотрудничества мы, как и водится в финале, благополучно расстались. Далее я не отслеживал судьбу ни одного из участников мероприятия.

Каково же было мое удивление, когда через несколько лет я узнал, что один из моих бывших коллег занимает солидный пост. Причем узнал я об этом при интересных обстоятельствах – а именно от Филиппа Киркорова, которому в 2009 году вручали награду в казахском посольстве.

Прошло всего несколько дней после этого события, как вдруг я получил приглашение на прием от своего старого знакомого. Удивительно! Это было настолько приятно и неожиданно, что я не смог отказать себе в удовольствии побывать в гостях и обменяться любезностями с человеком, который оставил в моем сердце немало приятных воспоминаний.

Именно тогда родилась идея создания международного культурно-делового центра «Россия – Казахстан», которую мне и

предстояло организовать и возглавить.

* * *

Мы провели несколько премий, одна из которых – «Премия ТУЛПАР», которую мы вручили российским журналистам за освещение Казахстана в СМИ. Другая премия вручалась российским и казахским компаниям за вклад в развитие экономики Казахстана. Международный центр продолжает существовать, и я до сих пор его возглавляю. Таким образом, помимо основной работы у меня есть еще и общественная нагрузка, что – извините за пафос – способствует развитию и укреплению сотрудничества между нашими странами. За эту непростую работу указом Президента Казахстана я был удостоен ордена почета и уважения Курмет.

Думать о главном

Наша жизнь закономерно состоит из текучки и элементов творчества. С возрастом творчества становится все меньше, а текучки – все больше. Так происходит с большинством людей – мы становимся взрослее, серьезнее, более озабочены сиюминутными делами, бытом, работой, думаем все больше о том, что нам нужно заплатить за это, за то, обзавестись жильем, не забыть про семью. А еще на работе начальство… Замкнутый круг.

Ко всему примешиваются негативные чувства из-за того, что грандиозным мечтам не суждено было сбыться, что-то из задуманного не удалось, а что удалось, обернулось иной стороной – оказывается, у каждого успеха есть «побочные эффекты». В шоу-бизнесе это сплошь и рядом – как я уже сказал, горькую конфетку в красивой обертке далеко не всем удается переварить. Поэтому часто рождается зависть к более удачливым и обида на тех, кто не заметил и не оценил твоих усилий.

Недавно на моем дне рождения один хороший друг, не имеющий отношения к шоу-бизнесу, сказал очень интересную фразу:

– Я желаю тебе не сомневаться…

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Желаю не сомневаться в том, что ты делаешь, – поясняет он.

– Но я и так не сомневаюсь, – удивился я.

– Нет, ты не совсем меня понял, – ответил приятель. – Что значит сомнение? Когда ты расстроен, огорчен, когда ты сомневаешься в том, нужно что-либо или не нужно, когда ты напряжен и ждешь подвоха – это и есть сомнение в том, что все идет правильно и справедливо. А ты должен испытывать внутреннее спокойствие, счастье и любовь. Независимо от того, что происходит. Поэтому, когда ты научишься не сомневаться в происходящих событиях, ты сможешь почувствовать себя счастливым и жить полноценной жизнью, а значит, будут счастливы и твои близкие люди.

Мнение этого человека для меня крайне важно, особенно если учесть, при каких обстоятельствах мы с ним познакомились. До того самого момента, пока между нами не установился душевный контакт, я ничего не знал о своем собеседнике, кроме имени и взглядов на жизнь. И если вдуматься, я знал о нем самое главное.

– Моя должность как-то влияет на наши отношения? – просто спросил он.

Я подумал и решил, что никак не влияет.

Для меня это очень актуальное пожелание. Точно так же, как и все люди, я тоже много времени посвящаю работе – и далеко не всегда это философско-гуманистический труд. Это рутина, суета, беготня, это постоянное общение, поневоле начинаешь сомневаться во всем.

Одним словом, есть над чем работать.

Вы скажете – невозможно быть все время спокойным, умиротворенным, никогда не выходить из себя, никогда ничего страстно не хотеть, ни о чем не огорчаться. Соглашусь, что это действительно очень сложно. В какой-то момент времени каждый из нас может чувствовать гнев, досаду, обиду, боль, но чем больше мы углубляемся в самокопание, тем меньше ресурсов остается для настоящих чувств и эмоций. Не надуманных, а проживаемых.

Выбор, в конечном итоге, за каждым из нас. Или мы живем инстинктами, постепенно уподобляясь животным – ищем себе корм, едим, пьем, занимаемся сексом, размножаемся, тащим все в дом. Или задаем себе бесконечные вопросы – для чего мы все это делаем, кто при этом по-настоящему счастлив и где истина? Мы надеваем какую-то маску и следуем своей роли до тех пор, пока спектакль не закончится и нас не «уволят» за ненадобностью.

Но самое парадоксальное – при этом мы часто не понимаем, что никто не ждет от нас никаких масок. Люди вообще относятся к нам ровно так, как мы себя обозначили – и видят, воспринимают нас такими, как мы сообщили и показали. Мы все время боимся, что если мы открыто заявим о своих истинных желаниях и стремлениях, то не получим каких-то сиюминутных выгод или потеряем дорогих нам людей. Что нас не сочтут достаточно важными, хорошими или значимыми. Что мы окажемся не правы. Поэтому мы делаем выбор в пользу «так надо» и в итоге все равно получаем результат, противоположный ожидаемому.

Почему?

Допустим, идете вы по улице и встречаете кого-то из знакомых. Он вам улыбается, протягивает руку, пожимает вашу в ответ. Возможно, вы обнимаете друг друга. В этот момент вы отлично чувствуете, насколько это натянуто или натурально. Кто-то считает, что «считывание» настроений происходит буквально на уровне чувств, но на самом-то деле это всего лишь старая добрая психология. Вы не можете быть достаточно открытыми, расслабленными, доброжелательными, искренними, если испытываете прямо противоположные чувства.

И речь идет опять о честности и душевной чистоте.

Нет, я не призываю вас грубить, говорить все что вздумается и резать правду-матку каждому прямо в глаза. Достаточно всего лишь не говорить неправду. Это очень просто, так как не требует никаких умственных усилий – вы сообщаете существующие факты и ничего не придумываете ни о себе, ни об окружающих людях.

При этом будет очень непросто обнаружить, что вы чего-то не знаете или не умеете. Что какому-то человеку вы действительно желаете зла. А особенно неприятно будет обнаружить причину ваших пожеланий – когда вы честно скажете себе, что считаете этого человека более удачливым, более талантливым и более интересным. Когда вы поймете, что есть вещи, в которых вы никогда не достигнете успеха в силу природных задатков, ваши способности совсем иные. Но самое главное, вообще не важно, насколько вы удачливы или неудачливы. Потому что сам факт удачи и успеха не всегда дарует душевный комфорт.

Душевный комфорт возникает, когда ты любишь и взаимно любим, когда ты искренен в отношениях – только в этом случае можно почувствовать умиротворение. А если ты неискренен, то неизбежно возникают сомнения, и обида, и зависть, и злость. Составляется определенная картина мира, в которой появляются определенные люди – точно такие же завистливые и злые, желающие в чем-то тебе навредить. Подобное притягивает подобное.

Какой из этого следует вывод? Очень простой. Если тебя окружают неискренние, злобные, завистливые люди – ты сам такой. Если вокруг тебя добрые, честные и открытые люди – и это тоже ты.

Кстати, однажды на эту тему я дискутировал с кем-то из коллег:

– Почему ты все время утверждаешь, что если тебе сделали что-то дурное, то ты сам в этом виноват? – страстно доказывал мой оппонент. – Существуют же люди, которые независимо от тебя хамы, воры, насильники и убийцы. Они просто такие, так воспитаны, это образ их жизни! И ты попался им под «горячую руку»…

– Но им попался именно ты, – спокойно возразил я. – Среди сотен миллионов людей выбрали тебя, того и этого. Не кого-либо еще. Значит, что-то их к тебе притянуло, понимаешь? Ты оказался в их картине мира в роли жертвы.

Точно так же мы часто находимся в чьей-то картине мира и исполняем какую-то роль. Отсюда еще один вывод. Если вы хотите верности и любви – будьте верными и любите сами. Если хотите иметь честных деловых партнеров – будьте сами честны. А оправдания в стиле «все так делают» или «мир такой» – не

работают. Может быть, мир в чем-то и такой, а вы-то как считаете? Это правильно или неправильно? Или вы действуете автоматически, как раз и навсегда заучено в детстве, не задумываясь о последствиях и результатах своих поступков?

Если, по вашему мнению, многое в жизни неправильно, значит, начните сами первые поступать так, как правильно. Без оглядок, кто и что обычно делает. И без ответов ударом на удар, «око за око, зуб за зуб».

* * *

Я уже говорил о том, что шоу-бизнес в понимании многих, и даже самих участников процесса, – это грязь и скопище людских пороков. На самом деле все зависит только от вас – как вы поведете себя, с какими намерениями пришли и как будете действовать. По заслугам и воздастся. Если вас привлекают красивые фантики – вы получите «на выходе» смятую использованную оберточную бумагу. Вас выжмут, съедят и выкинут. Если вами движет искреннее желание сделать что-то хорошее и полезное, то вы не испачкаетесь и не утонете.

Слушателя невозможно обмануть. Он научился быть разборчивым, стал обращать пристальное внимание на то, что ему предлагает массовая культура. Он почему-то хочет слышать хорошую сложную музыку, видеть интересные шоу, ему нужны искренние и идущие от сердца слова, он уже не готов довольствоваться «притопами» и «при– хлопами». И постепенно круг артистов начинает сужаться – кто-то выходит из моды, заканчивает свою карьеру, притом альтернативной замены нет.

Точно так же, как в моей жизни нет замены ни Баглану Садвакасову, ни Мурату Насырову – я чувствую вакуум, который никто не в состоянии заполнить. И начинаю сомневаться, что смогу найти таких же близких друзей, проверенных временем.

Почему, например, на премии музыкальных телеканалов ежегодно и неизменно выдвигаются братья Меладзе? Да потому, что Константин пишет стихи, которые близки и понятны каждому человеку, трогают душу, заставляют смеяться, плакать и вновь переживать многогранные чувства и эмоции. Каждый, кто это слушает, находит для себя что-то свое и понимает по-своему.

Потрясающий и парадоксальный факт. В такой огромной стране, как Россия, пока не найдено достойной замены тем мэтрам и кумирам, которые закончили или завершают свой путь на эстраде, в то время, как сотни тысяч молодых талантливых артистов обивают пороги студий и продюсерских компаний в

надежде быть услышанными. Но может быть, в данном случае речь идет просто о том, что именно они собираются донести до людей и какой смысл во все это вложен?

В этом и состоит, наверное, суть настоящего искусства – доносить до людей главное.

Люди и звезды

В свой сороковой день рождения я вдруг обнаружил, что помимо карьерных успехов добился в своей жизни самого главного – уважения лучших профессионалов своего дела. Я высоко оценил тот факт, что поздравить меня приехали продюсеры и артисты, глядя на которых я в свое время делал первые шаги в шоу-бизнесе. И Иосиф Давыдович Кобзон, который не просто присутствовал на празднике, но и спел в мою честь. Наверное, для меня это один из высших знаков признания.

В настоящее время я музыкальный директор и директор премии «Муз-ТВ». Одной из моих обязанностей является организация ежегодной музыкальной премии – это грандиозное шоу всегда проходит с участием приглашенных зарубежных звезд.

Я уже говорил, что моим первым опытом общения с Западом стала работа с Полиной Гриффитс и Томасом Невергрином, а теперь у меня появилась возможность работать напрямую со многими знаменитостями мировой величины, такими как Дженнифер Лопес, Кэти Перри, Анастейша, и помимо каких-то чисто бытовых курьезных ситуаций выяснилось, что нам еще многому придется учиться как у западных звезд, так и у западных продюсеров.

Первое и важное, что отличает этих людей, – высокий уровень профессионализма. Кроме того, на Западе принято педантично исполнять условия заключенных контрактов, вплоть до запятой. Причем ваши зарубежные партнеры будут не просто удивлены, но чрезвычайно шокированы, если вы нарушите хотя бы один из пунктов.

В частности, на самой первой моей премии, начало которой задержалось на полтора часа, возникло недоразумение с Дженнифер Лопес, у которой было четко оговорено в договоре время выступления. И ни минутой позже. В конечном итоге нам пришлось уговаривать ее выйти на сцену – притом что наша сторона заплатила за это выступление немалые деньги – и певица согласилась. Но вместо сорока минут концерта спела всего три песни в прямом эфире, после чего сразу же уехала.

Западная индустрия – это огромная, отточенная до деталей махина, где все работает слаженно как часы, поэтому заранее продумываются абсолютно все детали шоу, даже самые невероятные. По этому поводу я уже давно не удивляюсь – бизнес есть бизнес, и если мы заключили контракт, где написано, что выступление состоится в такое-то время, а микрофон будет такого-то цвета, мы это обеспечим.

Также западные звезды очень придирчивы в отношении бытовых условий своего проживания. Я был очень удивлен, когда в день последней церемонии вручения телефон буквально разрывался на части, а я слышал что-то в стиле:

– Арман, это ужас! В гримерке у Анастейши нет оговоренных в контракте йогуртов в холодильнике! Что делать?

* * *

Иностранные знаменитости очень ценят свой комфорт и свое время, объясняя требования райдеров необходимостью сохранения душевного равновесия и творческого настроя перед концертом. Поэтому приходится считаться с тем, что у них принято обращать внимание даже на такие в нашем понимании «мелочи», как йогурт с утра. Но если вдуматься и посмотреть шире, то жизнь складывается как раз из мелочей.

Если наши звезды готовы уехать в любую местность и без особых претензий будут переносить холод, голод и тараканов в номерах, то западные коллеги оговаривают все – вплоть до размера скатерти на столе. Это может показаться странным и пафосным, но, на мой взгляд, требовательность свидетельствует о высокой социальной культуре в данных странах.

Когда мы сталкиваемся с подобным, то вместо решения технических и организационных вопросов суетимся в поисках йогуртов, салфеток в гримерной, зато до обсуждения количества репетиций и качества материала дело доходит в последнюю очередь. Хорошо это или плохо – не мне судить, но принимать это как данность однозначно приходится. Однако приятно осознавать: все меньше у нас возникает подобных недоразумений. Все-таки наши специалисты многому учатся и схватывают на лету.

В последние годы большинство западных звезд, особенно уровня Дженнифер Лопес, поражаются, как четко отлажены у нас процесс организации шоу и репетиционная база. Качество российского менеджмента и техническое оснащение мероприятий действительно выросло на порядок, российская сторона сегодня соответствует самым высоким мировым требованиям в шоу-бизнесе.

Немного о характере иностранных артистов. Люди как люди, и от наших знаменитостей практически ничем, на мой взгляд, не отличаются. Они точно так же работают, мечтают, имеют семьи, расстаются с любимыми, проводят на гастролях многие недели и платят высокую цену за свою популярность.

Прежде всего, плата за популярность состоит в том, что звезды и их продюсеры постоянно на виду – и каждое слово, каждый чих оборачивается лавиной мнений и откликов. Это специфика шоу-бизнеса, поскольку любой другой бизнес остается как бы за кулисами, а порой мы даже не знаем имен многих серьезных бизнесменов, ведь люди они непубличные.

Немного можно назвать звезд, которые по-настоящему счастливы. Много времени и сил тратится на погоню за птицей счастья, много нервов и здоровья уходит по пути к вожделенному Олимпу, удержаться на котором – уже совсем другая история. Многие артисты – люди одаренные, но при этом они ставят на карту столь много, что в случае краха наступает конец их жизни.

Волгоград, Сахалин, Париж, Токио, Лондон, Алма-Ата, снова Волгоград – бесконечный калейдоскоп городов и весей, да и то в том случае, если ты популярен. А если нет? Сегодня ты был кумиром, а завтра на тебя даже внимания не обращают – это колоссальный стресс, который пережить под силу не каждому. Я бы не хотел, чтобы мои дети испытали нечто подобное.

Конечно, соблазн велик. Получить славу и деньги. Но может так случиться, что эта стезя отнимет у человека семью, близких, радость жизни, поскольку твоя единственная и неповторимая судьба превращается в сплошное соревнование – бесконечные эфиры, хит-парады, видеосъемки, борьбу за место под солнцем. Если сегодня были фанфары и всеобщее обожание, то завтра непременно наступит период разочарования и пустоты – момент обиды, ненужности, неприкаянности.

Это произойдет обязательно, к этому будущим звездам надо быть готовыми – исключения бывают, но крайне редко. Контраст между известностью и забвением настолько велик, что многие переживают колоссальные стрессы, несопоставимые с теми, что испытывают обычные граждане. Поэтому шоу-бизнес – отнюдь не легкие деньги. Более того, у многих артистов дорога до славы складывается из многих лет отверженности и непризнаннности. А кто-то так и остается неизвестным и непризнанным до конца своих дней. Чтобы все это пережить, необходим жесткий внутренний стержень.

Итак, цена популярности часто – одиночество. Многие знаменитые продюсеры внутренне чувствовали себя одинокими, умирали на «на боевом посту», проживая каждый свой проект как маленькую жизнь. В этом смысле, считаю, мне очень повезло – я встретил Норбекова, у меня появилась семья, и я вполне могу считать себя счастливым состоявшимся человеком.

Если вы хоть раз выступали на сцене, то ощущение присутствия перед массой людей – это огромный энергетический

заряд, который дает огромные силы. Но нужно уметь этими силами воспользоваться, а также не впасть в зависимость от славы и популярности. Иначе вас ждет трагедия.

* * *

У молодого артиста или продюсера бесполезно спрашивать, действительно ли он хочет начать карьеру в шоу-бизнесе, хорошо ли он подумал? Вам, естественно, ответят – да, я действительно этого хочу. Но если вы не сделали какой-то смелый шаг, вы никогда не поймете, нужно ли вам это по-настоящему.

Вот лишь небольшой «штрих к портрету».

Под Новый 2004 год мы с компанией друзей должны были поехать в Париж. Я, как и полагается, сдал документы на визу и улетел на гастроли со своими артистами. В это время мне позвонили из французского посольства:

– Здравствуйте. Мы хотели бы пригласить вас на собеседование…

Я честно сообщил:

– Извините, не могу подъехать в указанный день, поскольку нахожусь в другом городе.

В результате вся компания уехала, а я, прилетев тридцатого вечером, остался предоставленным сам себе. Пытаться куда-то уехать бесполезно, другие компании, которые меня приглашали на праздник, мне не были близки. Я находился в легкой панике, поскольку это был первый в моей жизни случай, когда я остался наедине с собой и не мог ни с кем толком пообщаться.

Немного успокоившись, я принял решение встретить Новый год в одиночестве, в своем загородном доме. Поставил елку, а наряжать ее было нечем – не успел купить елочные игрушки, возвращаться же в город ради таких пустяков я категорически не желал.

Тогда я достал фотографии друзей, родных и всех тех, кого мне сейчас хотелось бы видеть. Развесил по елочным ветвям. Украсил этот парад воспоминаний бенгальскими огнями и уселся за празднично накрытый стол, который организовала помощница по хозяйству. Сидел и смотрел на это – было такое ощущение, что все мои близкие рядом, но при этом никаких «побочных эффектов»: никто не жалуется, не спорит, не лезет со своей откровенностью, не выясняет отношений и не ругается. Просто красота.

Сидел-сидел, потом мне стало очень грустно. Это только поначалу казалось, что хотелось бы сбежать ото всех обид и

недоразумений на необитаемый остров, чтобы не видеть и не слышать никого. А потом начинаешь вспоминать хорошее – чей-то смех, взгляд, забавные глупости и недоразумения. И понимаешь, что отдал бы многое только за то, чтобы эти люди действительно были сейчас рядом с тобой.

Вместо эпилога

Пока эта книга готовилась к изданию, в нашей семье произошло значимое событие – родился третий сын.

Это моя семья. Мои близкие рядом со мной – я понимаю, как это ценно, и дорожу каждой минутой общения с моими родными. Потому что прожитые прекрасные мгновения жизни не возвращаются, как бы ни просил об этом поэт…

* * *

ЗАО «Музыкальное единство»
www.muzport.ru
e-mail: bek.muz@mail.ru

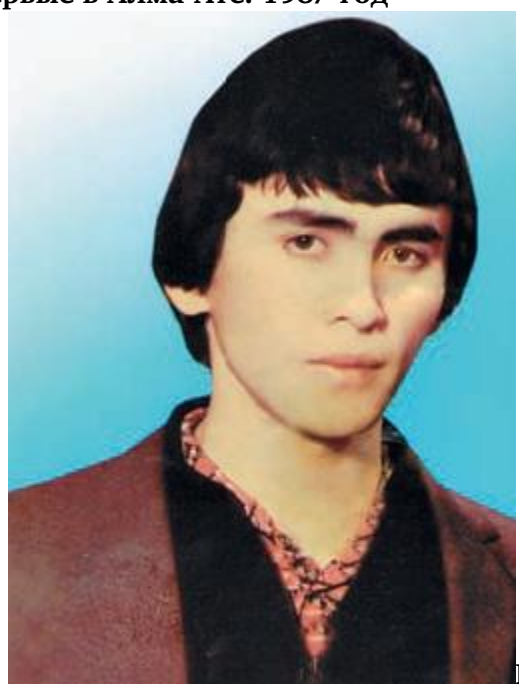
Фотографии

1979 год

Со старшим братом Исмагулом

С отцом

Впервые в Алма-Ате. 1987 год



Мой брат Исмагул Давлетяров

Мой первый день в Москве. 1985 год

Воинская присяга

Новый, 1989 год. Я – Дед Мороз

В день свадьбы

С родными и близкими

Старший сын

Средний сын

Наш младшенький

С моей дорогой мамой

Моя сестра Женя

С наставником и другом академиком М. С. Норбековым

Самые счастливые минуты жизни

Если б я был султан…

Презентация альбома Мурата Насырова «Разбуди меня»

Мурат Насыров с супругой Наташей и я

Вечеринка в «Метелице»

Евгений Осин, Мурат Насыров и я

Первая фотосессия Мурата

На «Кинотавре» в Сочи

«А-Студио» с Батырханом Шукеновым опоздали на поезд и приехали ко мне отмечать Новый год

Баглан Садвакасов с подругой и я на отдыхе за границей

Группа «Смоки»: «Опаздываем на самолет!»

Мне – тридцать! Празднование дня рождения с Юрием Айзеншписом, «Отпетыми мошенниками», «А-студио», Авророй, Александром Пряниковым, Игорем Саруxановым и многими другими

Рабочие будни в «МедиаСтар». За компьютером – бессменная Галина Корнеева

День рождения «МедиаСтар». Нам четыре года! Я, Юрий Айзеншпис и Аврора

7 декабря выборы депутатов Государственной Думы
Наш земляк – наш депутат
ДАрман Авлетяров
7 декабря выбери свое будущее!

Предвыборная листовка

Предвыборная кампания в 2003 году. В шахте Соль-Илецка с Александрой Буратаевой, Аристархом Ливановым, Алексеем Пешковым и группой «Пропаганда»

С моим самым близким другом и братом Эдуардом

В день награждения орденом «Курмет». Астана

Мои лучшие боевые подруги уже много лет – Александра Буратаева и Алла Духова

С Яной Рудковской и Валерием Меладзе

С Аллой Пугачевой и Максимом Галкиным

С Игорем Крутым

С Филиппом Киркоровым и Анной Нетребко

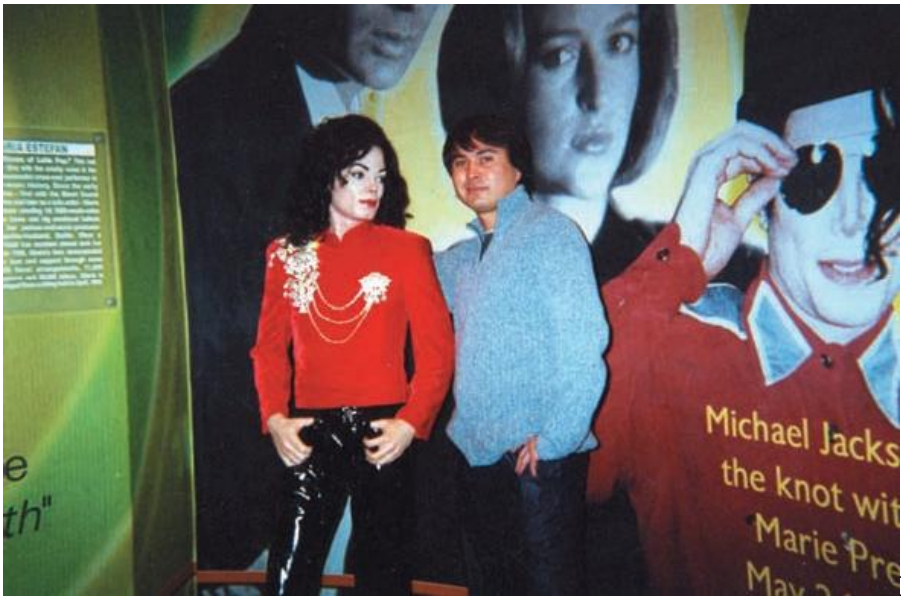
С Латойей Джексон

С Иосифом Кобзоном

С Димой Биланом и Софией Ротару

С Максимом Галкиным

С Иосифом Пригожиным



В Музее мадам Тюссо рядом со скульптурой поп-короля

С Ириной Аллегровой

С Валерией

С Шерон Стоун

С Верой Брежневой

С Лерой Кудрявцевой, Григорием Лепсом и Яной Рудковской

С Ксенией Собчак

Тарелка премии «Муз-ТВ»

С Сергеем Лазаревым

С Анастасией Волочковой

С Димой Биланом, Яной Рудковской и их подругой

С Николаем Басковым

С Анитой Цой

С Крейгом Дэвидом

С группой «А-студио»

С Иваном Охлобыстиным и Ксенией Собчак

С Ириной Дубцовой

С Арашем

С Крейгом Дэвидом и Славой

С Александром Реввой

С Дианой Гурцкой и ее супругом Петром Кучеренко

С Ани Лорак

С Томасом Невергрином и Шахзодой

С Ларой Фабиан

Примечания

1

Это не шутка (*англ* .).